

Режиссер Марк Чараскин
по сценарию Вэла Р. С. Андерсона и Шона Салерно
и Вэла Р. С. Андерсона
С участием знаменитых актеров серии «Чужой»,
созданных Диланом Томпсоном и Рене Шустером,
и персонажей серии «Хищник», созданных
Диланом Томпсоном и Дэйвисом Томпсом

ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА

КТО БЫ НИ ПОБЕДИЛ — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРОИГРЫВАЕТ

Марк Черазини

Чужой против Хищника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157458

Чужой против Хищника: Ред Фиш; СПб.; 2004

ISBN 5-901582-43-8, 0-06-073537-6

Аннотация

Спутниковая система слежения в глубине Антарктического шельфа обнаруживает искусственные структуры. Археологическая экспедиция группы специалистов различных областей знаний отправляется на поиски и находит храмовый комплекс пирамид, построенных задолго до египетских и мексиканских. Но в пирамидах обитают монстры – Чужие. Из Космоса на кровавую ритуальную битву прибывают гуманоидные существа – Хищники.

Смертельное побоище началось – кто одержит победу, тот и завладеет планетой...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	26
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	62
ГЛАВА 6	84
ГЛАВА 7	106
ГЛАВА 8	110
ГЛАВА 9	119
ГЛАВА 10	123
ГЛАВА 11	131
ГЛАВА 12	140
ГЛАВА 13	152
ГЛАВА 14	154
ГЛАВА 15	162
ГЛАВА 16	168
ГЛАВА 17	176
ГЛАВА 18	186
ГЛАВА 19	196
ГЛАВА 20	207
ГЛАВА 21	216
ГЛАВА 22	224

ГЛАВА 23	232
ГЛАВА 24	244
ГЛАВА 25	258
ГЛАВА 26	270
ГЛАВА 27	287
ГЛАВА 28	305
ГЛАВА 29	317
ГЛАВА 30	326
ЭПИЛОГ	339

Марк Черазини

Чужой против хищника

ПРОЛОГ

Северная Камбоджа, год 2000 до нашей эры

Первые лучи солнечного света пронзили густую завесу сплетенных ветвей. В этот же миг, щебетом встречая утреннюю зарю, с этих ветвей взлетели птицы. Их алые крылья пятнали бледное небо, пока они проносились мимо серых граней массивной каменной пирамиды. Повсюду воздух буквально дрожал от непрерывного рокота водопада, сбегаящего по уступам высокого утеса и далеко внизу разбивающегося о зубчатые камни.

На самом дне джунглей, там, где густая растительность приглушала шум воды, влажное рыло образовало проход между ветками и стеблями. Листья зашевелились, посылая ворчливый шелест вдоль заросшей тропы. Дикий кабан понюхал воздух, прислушался и с довольным хрюканьем вырвался из подлеска на прогалину.

Помахивая коротким крючковатым хвостиком, кабан просеменил по ковру изо мха к роще древних деревьев. Там

он энергично обнюхал сырую зловонную почву. У корявого основания гигантского ствола животное застыло. Затем пятнистая шкура возбужденно задрожала, а передние копыта стали энергично рыть мягкую черную почву, разбрасывая по зеленому мху кусочки земляных грибков и клубки корчащихся червей. Наконец, удовлетворенно похрюкивая, кабан принялся пожирать свою добычу.

Позади жадно насыщающегося кабана листва снова раздвинулись, но на сей раз почти беззвучно. Пара грязно-карих глаз вглядывалась сквозь просвет в ветках в подергивающуюся шкуру дикого зверя. Затем Фунан, охотник, поднял изукрашенное краской лицо к небу. Точно так же, как до этого кабан, он понюхал воздух и прислушался.

Высоко наверху тараторили мартышки, Единственная птица испустила крик, но вовсе не оглашая тревогу. По нижним ветвям прыгали и что-то бормотали большие древесные обезьяны, осыпая веточками и листвой землю. Еще ниже по прохладной, влажной почве ползали насекомые. Их стрекот и гудение разносились сквозь длинные, клубящиеся наслоения тумана.

Фунан улыбнулся. Вместе с соплеменниками он терпеливо преследовал свою добычу. Очень скоро настанет время для решающего удара. Но еще не сейчас. Только удостоверившись в соблюдении всех необходимых условий, бронзовой от загара рукой Фунан даст знак своим людям.

Точно тени, выскользнув из подлеска, братья-близнецы

Фан Ши и Пол Ши с обеих сторон подошли к Фуану. Как и их вожак, они сжимали в руках деревянные копья с наконечниками из отшлифованного обсидиана. Замаскированные для охоты, их лица и торсы были измазаны темным пеплом, раскрашены бурой и зеленой грязью. Стебли с листвою обвивали их ноги и руки, увенчивали головы.

Бедра охотников украшали сыромятные ремни, на которых, для демонстрации, висели трофеи предыдущих охот – черепа, кости, ряды острых зубов и кривых клыков, прежде принадлежавших дюжине разных видов животных. На шнурках на шеях болтались клочки пуха и меха, кусочки кварца – магические амулеты, которым надлежало сделать охоту удачной.

Когда над ним задул ветерок, Фуан погладил сушеный хвост мартышки у себя на груди и еще раз понюхал воздух. Он ясно чуял кабана, растительность и реку в отдалении, но больше ничего. Однако напряжение изводило охотника, и его люди тоже нервничали.

Еще никогда не доводилось им охотиться так близко к священному храму. Хотя джунгли вокруг каменной пирамиды буквально кишели добычей, охотники всегда сторонились ее окрестностей.

Фуан знал, что сущее безрассудство с его стороны промышлять рядом с местом столь священным. На самом деле охоту прямо сейчас следовало закончить, но он рассудил иначе, давая знак последнему члену отряда.

Настоящий гигант по имени Ява, пригнувшись, двинулся вперед, затем нырнул за густые заросли волокнистой лозы. Длинное копьё в его здоровенной руке казалось крошечным, а с кожаного ремня на бедро свисал массивный каменный топор. Как и все остальные, Ява был замаскирован грязью и растительностью; на поясе у него болтались зубы медведя и кусок кости крупного камышового кота. На могучей груди охотника все еще красовались багровые шрамы от яростного поединка с этим котом.

Не замеченная Явой, у его ног достигала своей убийственной кульминации другая охота. Красноватая с серо-зеленым ящерка и черный рогатый жук сцепились в смертельной схватке на дне джунглей, в свою очередь не замечая гиганта, в чьей тени они сражались. Когда Фунан резко рубанул рукой, Ява выступил из своего укрытия, бурой мозолистой пяткой превращая в разноцветную кашу и ящерку, и жука.

Проскользнув сквозь заросли, Ява выдвинулся на свою позицию сбоку от кабана. Там он издал громкий звук, подражая крику красно-зеленой птицы, что населяла эти места. Тогда из своих укрытий поднялись Фунан и братья Ши. Тонкий слой тумана хватал их за ноги, пока они осторожно двигались вперед.

Фунан шел первым. Скоро он окажется достаточно близко, чтобы нанести смертельный удар с первого же броска, или же мощный зверь порвет его клыками в случае промаха. В мимолетном спазме мышцы его задрожали, а сердце беше-

но заколотилось. Затем, так же внезапно, напряжение испарилось, и охотника охватило холодное спокойствие.

Поднимая копьё, Фунан уже собрался было прицелиться, но тут все пошло наперекосяк. Рыло кабана, черное от грязи, резко вскинулось и стало нюхать воздух. Подергивая ушами, зверь нервно хрюкнул.

Фунан даже вздохнуть не отваживался. Позади него Фан и Пол застыли на полушаге. Но затем муха загудела у него над головой, и Фунан, словно по команде, вскинул копьё. Однако не успел он его швырнуть, как испуганный кабан уже нырнул под бревно и исчез в кустах. Эхо панического бегства на миг помедлило, затем растворилось в воздухе.

Фунан в недоумении посмотрел на Яву. Они все сделали верно, и все же что-то спугнуло добычу. Позади вожака озадаченные Фан и Пол опустили копьё.

А потом все звуки в джунглях внезапно затихли. Все птицы, все насекомые словно бы погрузились в безмолвие. Только далекий шум падающей воды проникал сквозь густую растительность. Собственный пульс теперь казался Фунану громopodobным. Он настороженно оглядел прогалину, но ничего не увидел. Фан и Пол снова подняли копьё, готовые напасть. Но на кого?

Тут с громким треском черный, похожий на кнут придаток вылетел из подлеска, мгновенно оплетая ноги Фана Ши. Даже не успев испустить тревожный вскрик, охотник скрылся в кустах, и лишь подрагивающие листья были свидетеля-

ми неистового рывка.

Пол Ши замахнулся копьем, полный решимости отомстить за брата. Но копье тут же оказалось вырвано из руки охотника. Беспомощно дрыгая ногами, он буквально пролетел по прогалине и вслед за братом исчез в кустах. Только уже скрывшись из вида, Пол вскрикнул – раз, другой, третий. А дальше последовал дикий, страдальческий вой.

Жуткие вопли Пола мигом лишили отваги остальных. Ява нырнул в подлесок, а мгновение спустя за ним последовал Фунан.

Как и кабан до него, Ява слепо вилял меж толстых деревьев, начисто позабыв о тропе. Лоза назойливо хватала его за руки. Стремясь двигаться как можно быстрее, охотник бросил копье. Страх гнал его вперед.

Совсем запыхавшись, Ява вылетел на прогалину под куполом из сплетенной лозы и привалился к стволу могучего дерева. Пошире расставив ноги, охотник тяжело дышал и изо всех сил старался различить звуки погони. Но услышал он только то, как Фунан проламывается сквозь хлещущие его джунгли. И ничего больше.

Внезапно с дерева упала черная бесформенная тень. На миг припав к земле после падения, крупный насекомоподобный зверь затем поднялся и повернулся к Яве. Охотник пособачьи заскулил и сделал шаг назад. Рука его машинально потянулась к свисающему с сыромятного ремня каменному топору. Но времени сражаться уже не оставалось – при-

шло время умирать. Последнее, что отпечаталось в голове у Явы, – это острые зубы и скрежещущая пасть, горячая слюна и красная кровь.

Секунды спустя Фунан выбрался на ту же самую тенистую прогалину и сразу увидел, как Ява беспомощно болтает ногами, пока что-то утягивает его наверх, к куполу из лозы.

Алый дождь орошал землю, и теплые капли попали на Фунана. По-прежнему крепко сжимая копье, вожак охотников осмотрел ветви у себя над головой, выискивая там Яву.

Но тот бесследно исчез.

Тогда Фунан с копьем наготове внимательно оглядел окрестности. Он стоял под сводом древних деревьев с толстыми стволами. Самое крупное из этих деревьев покрывала блестящая черная кора. Отчаянно стараясь обрести спокойствие, Фунан прервал тревожное сопение и прислушался, не приближается ли враг. И только тогда охотник различил позади себя чавкающий звук словно бы рвущейся плоти. Он резко развернулся. Копье у него над головой как будто само стремилось в полет.

Леденя от ужаса, Фунан наблюдал за тем, как темная, маслянистая кора приходит в движение, быстро отлепляясь от ствола. Со смачным хлопком бесформенная масса выпустила конечности. Затем появилась продолговатая голова, придаток, покрытый поблескивающей, почти прозрачной кожей. Костяной хвост из отдельных сегментов развернулся, и с ветви на землю с хлюпающим, глухим шлепком упала

корчащаяся мерзость.

Стрекоча, точно жуткое гигантское насекомое, тварь выпрямилась во весь свой непомерный рост и неуклюже заковыляла к съежившемуся от страха охотнику. Скрежещущая пасть раскрылась, обнажая длинное жилистое жвало, увенчанное еще одним щелкающим, сочащимся ядовитой слюной ротовым отверстием.

Позабыв про оружие, Фунан попытался сбежать. Но тут же в панике споткнулся о сплетение лозы. Нога взлетела вверх, и Фунан крепко ударился о землю. Копье выпало из его онемевшего кулака. Затем самый могучий охотник своего племени свернулся в жалкий клубок и стал ждать, когда смерть призовет его к себе. Он точно знал, что все это – расплата за вторжение на священную землю вокруг Храма Богов.

Горячая слюна упала Фунану на щеку и обожгла кожу. Стрекошущая пасть щелкнула у самой его глотки, и убийственная тень, черная, как сама смерть, нависла над ним, готовая ударить. Но тут случилось нечто совсем поразительное.

Из джунглей появилось еще одно порождение мрака.

Сперва Фунан увидел это существо просто как смутное пятно – все вокруг словно бы начинало мерцать от его продвижения. Везде, где вышагивал этот призрак, джунгли менялись и растекались. Затем, точно слепящая вспышка, фигура стремительно промчалась по прогалине и обрушилась

на черного монстра у горла Фунана, зубодробительным ударом пробивая сегментированный панцирь и отшвыривая врага в сторону.

Экзоскелет черного монстра затрещал после удара о землю, и Фунан заметил, что пластины панциря у горла твари оказались пронзены и разбиты. Фонтаны едкой зеленой крови забили из раны черного монстра, обильно поливая ветви, листья и лозу. Все, на что попадала ядовитая жидкость, тут же начинало дымиться и гореть. Обжигающие капли попали и на Фунана. Охотник стал кататься по траве и выть от невыносимой боли.

Фантом навис над поверженным на землю охотником и застыл. Когда же Фунан оторвал руки от лица и посмотрел, из призрачного пятна уже образовалось нечто плотное – безумный кошмар, что казался на треть человеком, на треть рептилией и на треть демоническим зверем. Фантом стоял на двух толстых, как бревна, ногах. Чудовище его было чешуйчатым, а широкое лицо покрывала металлическая маска. Глаза варвара горели из-под этой маски, и взгляда этих глаз Фунан отчаянно пытался избежать.

Затем фантом миновал человека и гигантскими шагами направился к черному монстру, все еще корчащемуся на земле. Фунан заморожено наблюдал, как призрак поднимает огромные руки. Потом, с резким и внезапным щелчком, из полоски на запястье существа вырвались три серебристых лезвия. Солнце засверкало на их бритвенно-острых концах.

Фантом удовлетворенно крякнул и снова оглянулся на Фунана.

Охотник прикрыл ладонью глаза и воззвал ко всем своим предкам. Он просил милости у доброй дюжины племенных божеств, главных и второстепенных. И, к вящему изумлению Фунана, одно из этих божеств откликнулось на его мольбу.

Досадливо покачивая головой, словно убийство лежащего человека не стоило ни времени, ни усилий, Хищник опять повернулся к своей настоящей добыче.

Стрекочущий черный монстр, рваная рана на шее у которого все еще сочилась ядовитой зеленой кровью, прижался спиной к дереву. Хвост его неистово захлопал, а пасть до отказа раскрылась, пока монстр готовился к своей последней битве.

Хищник крепче уперся ногами в землю, запрокинул голову и испустил свирепый вой, потрясший джунгли до основания. Потом он бросился на врага.

Фунан услышал, как рвется плоть и трещит хитиновый панцирь. Затем до него донеслись хлюпающие звуки, когда зеленая фосфоресцирующая кровь и едкая отравка начали расплескиваться по прогалине.

От столь небывалого сражения отчаянно затряслись ветви и закачались деревья. Пока джунгли вокруг него дымились и горели, беспомощный Фунан зачарованно наблюдал за тем, как два первобытных существа, чье внеземное происхождение было недоступно его пониманию, бьются не на жизнь, а

на смерть.

ГЛАВА 1

Китобойная стоянка на острове Буве, Антарктика, 1904 год

В начале китобойного сезона 1904 года «Эмма» отплыла к берегам острова Буве с полным комплектом матросов, гарпунеров, шлюпок и оборудования для обработки жира – со всем необходимым для того, чтобы целый год убивать китов и извлекать их жир на антарктическом льду, прежде чем на следующий год вернуться обратно в Норвегию.

Новый шкипер и совладелец «Эммы» Свен Ниберг намеревался сделать свой первый и последний рейс в качестве китобоя прибыльным. Брат Свена, Бьерн, девятнадцать сезонов был капитаном «Эммы», но он умер от лихорадки на обратном пути в прошлом году, тем самым вынуждая брата взять на себя командование этим последним коммерческим предприятием по добыче китового жира компании из Осло «Братья Ниберг». Свен наконец-то вознамерился продать семейный бизнес тому, кто даст больше.

Рассвет нового столетия положил конец традиционному китобойному промыслу. Магнат Кристиан Кристенсен открыл современную обрабатывающую фабрику в Грютвике,

которой, в конечном счете, предстояло вытеснить мелкие антарктические китобойные компании вроде «Братьев Ниберга» – тех людей, что следовали обычаям еще со времен викингов. Подобно охоте на тюленей, тому самому занятию, которое в 1870-х годах сделало состояния многим семьям, китобойный промысел становился теперь невыгодным предприятием. Сокращающееся поголовье стад китов и растущая конкуренция со стороны англичан и шотландцев – а в последнее время даже японцев – наряду с гигантскими конгломератами вроде корпорации Кристенсена постепенно сводили на нет эпоху самодостаточных, независимых китобоев.

И, тем не менее, Свен Ниберг намеревался еще на какое-то время сбверечь «Братьев Ниберг» как жизнеспособную компанию по добыче китового жира. Это был единственный способ обеспечить выгодную продажу семейного бизнеса. И именно из этих соображений Свен предложил Карлу Йоханссену, самому опытному китобою в Осло, пост старшего помощника, а также пятипроцентную долю прибыли экспедиции. Если бы путешествие «Эммы» к Южному полюсу прошло удачно, Карл стал бы весьма состоятельным человеком.

Что же касалось Карла Йоханссена, то для него это предложение оказалось просто манной небесной. Китобой с двенадцати лет Йоханссен пережил двадцать семь сезонов во льдах и сохранил целыми и невредимыми конечности, пальцы рук и ног, – очень серьезное достижение там, где тем-

пература воздуха могла достигать пятидесяти градусов ниже нуля. По прошлым рейсам с братом Свена, Бьерном, Йоханссен также был знаком с компанией по обработке жира «Братьев Ниберг» на острове Буве, одной из самых дальних китобойных стоянок.

Несколько лет тому назад, в 1897 году, Карл Йоханссен решил было навсегда распрощаться с морем. Поддавшись на уговоры брата и соблазнившись якобы легким заработком в Северной Калифорнии, Карл быстро промотал там свои скудные сбережения, после чего перебрался на Аляску, надеясь разбогатеть во время золотой лихорадки. Вынужденный из-за отчаянного финансового положения вернуться к китобойному промыслу, он уже готов был завербоваться на одно из судов Кристенсена за ничтожные полпроцента – и как раз в этот момент Свен Ниберг сделал ему предложение. Должность старпома заодно с солидной пятипроцентной долей стала вторым счастливым шансом Карла перед предположительно обеспеченной отставкой.

Разумеется, Карлу за эти деньги предстояло потрудиться на совесть. Равнодушный к морю, Свен Ниберг не провел даже одного-единственного сезона на антарктическом льду. К счастью, все долгие двенадцать месяцев тяжелого труда Свен вел себя достаточно мудро и во всех ситуациях внимательно прислушивался к советам Карла. Под попечительством опытного гарпунера младший из братьев Ниберг выучился секретам китовой охоты, которыми он сам по себе овладевал

бы многие годы. В результате охота получилось невероятно удачной, и за сезон «Эмма» привела на буксире в бухточку острова Буве свыше трехсот китовых туш – кашалотов, синих китов, малых полосатиков и других их сородичей следовало разрубить и передать для извлечения жира.

Именно во время этого грязного и неприятного процесса, когда люди подолгу находились на открытом воздухе, перенося груз к возвышающемуся над бухтой массивному чугунному резервуару, китобои увидели в небе странные огни, во все не похожие на южное полярное сияние, к которому они уже давно привыкли.

Над пиком Ликке и более высоким, в тысячу метров высотой, пиком Олафа, что отбрасывал тень на здание компании по добыче жира, будто виднелись на небе сполохи от далеко расположенных пушек, а здесь, на льду, слышались взрывы. Затем странное красноватое сияние появилось на горизонте, озаряя непрестанные сумерки светом тысячи костров. Он плясал багрянцем на льду и придавал нездоровый оттенок миллионам китовых костей, что загрязняли берег. Часто – хотя и не всегда – появление этих зловещих огней сопровождалось дрожанием, исходившим откуда-то из глубин.

Хотя вулканическая активность не была здесь чем-то необычным – однажды, в 1896 году, часть острова даже была уничтожена извержением вулкана, – это дрожание не на шутку нервировало китобоев, которые так или иначе до весенней оттепели прочно застряли на острове Буве. А пото-

му после нескольких дней этих странных явлений, пытаюсь успокоить страхи китобоев и выяснить причину загадочной пиротехнической демонстрации, Карл повел команду матросов прочь от ветхих деревянных строений у бухты на ледник, который покрывал пятьдесят квадратных миль острова.

На просторной мерзлой равнине они обнаружили крупный металлический объект наподобие гроба, изготовленного по спецзаказу для некоего гиганта. Объект был скован льдом посреди большой воронки. Сладкая серебристая поверхность гроба имела форму пули без каких-либо заметных стыков или отверстий. На металле имелась очень странная гравировка – причудливые письмена, которые ни один китобой не смог ни прочесть, ни определить принадлежность. Хотя металлический гроб казался полым, никто не смог догадаться, как его открыть и что у него внутри.

Карл Йоханссен подумал, что лучше всего оставить эту штуковину в покое, однако в данном конкретном случае шкипер принял иное решение. Капитан Ниберг отчаянно старался изыскать еще какой-либо способ сделать рейс прибыльным, а потому приказал погрузить объект на сани и при помощи собачьей упряжки приволочь его в лагерь. Для выполнения капитанского желания потребовалось пять человек, пятнадцать собак и целый день, но, в конечном счете, сияющий металлический гроб нашел свое место на складе среди бочонков с китовым жиром, ожидавших погрузки в трюм корабля. Всего через несколько недель умеренная тем-

пература должна была освободить «Эмму» из ледяной тюрьмы замерзшей бухты. Затем команда должна была вернуться обратно в Норвегию и потребовать вознаграждение за долгих двенадцать месяцев тяжкого труда.

Однако через считанные часы после того, как объект приволокли в лагерь, Карла Йоханссена сдернул с узкой койки чей-то дикий вопль. По ледяной улице Карл бросился к складу. Одна створка двери была приоткрыта, а другая сорвана с петель. В центре помещения Карл обнаружил четырех мертвецов. Причем не просто мертвецов – тела их были жутко истерзаны, головы отрублены, а позвоночники извлечены из плоти. Самым зловещим оказалось то, что странный гробобразный объект был теперь раскрыт и пуст. Внутри темного склада к запаху свежепролитой крови примешивалась вонь влажных рептилий.

Снова оказавшись на улице, дрожа от холода и пережитого кошмара, Карл обнаружил гигантские кровавые следы, ведущие от склада. Багровые отпечатки образовывали тропу прямоком к грубому деревянному строению, где спали матросы. Там, у самой двери, он заметил призрачную фигуру, мерцающую в морозном воздухе. Даже не успев поднять тревогу, Карл различил, как некая незримая сила в щепки разносит крепкую дверь и устремляется внутрь. Из строения тут же стали доноситься крики сначала изумления и паники, а потом страха и страдания. Раздался единственный выстрел, после чего отрубленная человеческая рука вылетела в дверь,

все еще сжимая в кулаке пистолет.

И еще Карл увидел, как к окну подбегает матрос – тельняшка его была окровавлена, а на лице застыла гримаса дикого ужаса. Глаза парня встретились с взглядом Карла за долю секунды до того, как серебристое пятно разорвало его беззащитное горло. Ярко-алая артериальная кровь мгновенно залила стекло, и дальше Карл уже ничего не смог разглядеть.

Отчаянно сражаясь с охватившей его паникой, Карл понесся обратно к складу и стал искать там оружие – хоть что-нибудь для самообороны. Не найдя ничего подходящего, он решил спастись бегством. Карл понимал, что покидать лагерь без какой-либо защиты от стихий было бы верной смертью. Однако, попытавшись снять куртки с мертвецов, он обнаружил, что вся их одежда порвана и пропитана кровью, которая в местных условиях мгновенно замерзла. Наконец Карл закутался в большой кусок грязного брезента и выбрался со склада через заднюю дверь, соскальзывая по ледяному склону, который вел к заваленному китовыми костями берегу. Там, среди скелетов кашалотов, малых полосатиков и им подобных, он предполагал скрываться до той поры, пока то, что появилось из серебристого гроба, не вернется к себе домой. А домом этим, по твердому убеждению Карла, был не иначе как ад.

Дрожание подо льдом пробудило Карла Йоханссена от глубокого сна без сновидений. Поскольку над головой здесь

вечно висело сумеречное небо, Карл не смог понять, как долго он был без сознания. Однако покрывавший старпома брезент поблескивал от образовавшейся наледи, а его конечности наотрез отказывались повиноваться командам мозга. Более зловещим казалось то, что Карл даже не мог прочувствовать того холода, который проник в него, пока он находился без сознания. Вместо этого его словно бы окутывал расслабляющий кокон тепла – верный признак приближающейся смерти.

Собрав волю в кулак, Карл все-таки заставил себя встать. Без полярной куртки даже плотный брезент не мог как следует сохранять тепло его тела. Старпома мог бы спасти костер, но он не осмеливался его разжечь, боясь тем самым привлечь внимание незримого демона, что устроил жуткую бойню в лагере. И, раз уж на то пошло, жечь ему было просто нечего. По опыту Карл знал, что если в течение часа он не найдет источник тепла, то превратится в труп. За такой промежуток времени он даже не надеялся пересечь замерзшую бухту и добраться до корабля. Отсюда следовало, что он должен был вернуться в лагерь, полагаясь на то, что тварь, перебившая его команду, уже оттуда убралась.

На свинцовых ногах Карл пересек кладбище китов. Каждый шаг сопровождался хрустом осколков разбитых китовых костей. Наконец он добрался до склона, ведущего к лагерю наверху замерзлыми руками в синих венах и с черными пальцами, распухшими до размера сосисок, Карл вытя-

нул себя с кладбища. Дальше он пополз по снегу и встал на ноги, только оказавшись под прикрытием строений.

Осторожно приблизившись к домику, где надеялся найти еду и тепло, Карл обнаружил там картину кровавой бойни. Сперва он заметил, что большинство окон в домике разбито, а скудный набор трав и овощей совершенно замерз. Затем разглядел на одном из уцелевших стекол отпечаток окровавленной ладони. И, наконец, перед ним предстало почти заледеневшее тело китобоя. Оно лежало в центре среди осколков стекла. Как и у тех трупов, которые Карл видел на складе, у этого не хватало головы и позвоночника.

Развернувшись, Карл двинулся по узкому проходу между двух строений. В конце этого коридора он споткнулся о сани и рухнул прямо в грудь собачьей упряжи.

Рычащая пасть клянула прямо у него перед носом, и Карл отпрянул назад. Поводок бешеного пса до отказа натянулся за миг до того, как его клыки могли вцепиться старпому в глотку. С диким страхом в черных глазах пес взвыл и стал рваться на привязи.

Карл встал на ноги и поплелся к столовой. Плечо его само собой толкнуло дверь, и та с грохотом распахнулась. В очаге все еще горел огонь, масляные лампы светились, а булькающие котелки дымились и проливали свое содержимое на чугунную плиту. На длинных столах все было готово для трапезы, но столовая пустовала. Причем покидали ее, судя по всему, предельно быстро. Карл повернулся к двери,

захлопнул ее за собой и заковылял к столу.

Он уже готов был рухнуть на грубый деревянный стул, как вдруг услышал у себя за спиной какой-то шум. Карл резко развернулся. Ему показалось, что по столовой метнулась черная фигура. Старпом стал осторожно приглядываться к теням.

И тут, с шипением и рычанием, и впрямь появилось нечто. Карл различил сочащиеся слюной челюсти и безглазую голову. Невольно попятившись, он споткнулся о скамью и упал. Затем, беспомощно мыча, старпом стал наблюдать за тем, как черный кошмар направляется прямо к нему. Длинный хвост твари, точно у злобной кошки, хлестал туда-сюда.

Карл пополз назад, не спуская глаз с порождения мрака. Наконец спина его уперлась в явно неподвижный объект. Медленно оглянувшись, Карл увидел, что над ним высится еще один демон. Человекоподобное существо было с ног до головы заковано в доспехи, а лицо его скрывала металлическая маска. Быстрым ударом тыльной стороны ладони гуманоидный монстр отшвырнул человека в сторону.

Врезавшись в стол, Карл почувствовал, что его ребра и кости от замороженной руки ломаются. Стоная от боли и близости неминуемой смерти, он забился в угол, где лег, на время позабытый, а два схожих кошмара тем временем начали отрывать друг от друга один кровавый кусок за другим.

ГЛАВА 2

Радиостанция спутниковой системы слежения и передачи данных «Вейланд индастриз», штат Нью-Мексико, настоящее время

Фальшиво насвистывая, Фрэнсис Ульбек по прозвищу Пятак дотронулся до своей бейсболки с надписью «Бостонские Красные Носки», адресуя жест скучающему охраннику, после чего махнул магнитной карточкой по считывающему устройству, набрал личный код и стал ждать допуска. Когда автоматические двери зашипели и раскрылись, Пятак пропихнул туда свою исполинскую тушу и побрел по тоннелю с регулируемым микроклиматом.

По другую сторону широких окон с тонированными стеклами, тянувшихся по обе стороны этой бетонной трубы, под безжалостными атаками дневного солнца мерцала высокогорная пустыня штата Нью-Мексико. На песчаных равнинах и красно-бурых холмах раскинулся целый лес радарных тарелок, обращенных к небесам. Там, на дне пустыни, температура порой зашкаливала за сорок градусов при почти нулевом проценте влажности. Однако по эту сторону стекла и бетона температура составляла комфортные двадцать два.

Заприметив приближающегося нескладного, долговязого мужчину, Пятак ухмыльнулся:

– Кумпол, дружище. Уже уходишь? И даже на маэстро за работой не хочешь посмотреть?

– Смена кончилась, – хмуро ответил тот. В отличие от Пятака, чья голова казалась маловатой для его короткого округлого тела, основной характерной чертой фигуры Кумпола, очень смахивавшей на флагшток, был его непомерной величины череп – особенность весьма ироническая, учитывая его фамилию. Соответственно Рональд Кумпол был единственным сотрудником Центра телеметрии и контроля данных, у которого не имелось прозвища. По единодушному мнению всех остальных, уже одной фамилии Кумпол было более чем достаточно.

– Ну как, Кумпол... удалось тебе бракованную штукуну из авиационно-космического музея с той трижды проклятой орбиты переместить?

Кумпол устало кивнул.

Прикидываясь удивленным, Пятак заморгал.

– Ты хочешь сказать, этот реликт и впрямь на твои команды откликается?

– Брось, Пятак, ГО-7 не настолько стар.

– Кумпол, дружище, когда ГО-7 запускали, самым горячим телевизионным сериалом был «Полиция Майами», а домашнюю работу я шариковой ручкой на бумаге писал. – Он похлопал Кумпола по спине. – Ничего-ничего, не расстраи-

вайся, шанс порулить настоящей спортивной машиной ты в свое время получишь – когда еще малость подрастешь.

Кумпол проигнорировал издевку. С его точки зрения, Фрэнсис Ульбек в основном двигался по жизни, проецируя на всех самодовольное превосходство, приправленное радостным пренебрежением. Еще давным-давно Кумпол решил относиться к подобному нетерпимому поведению как к генетическому дефекту – вроде заячьей губы или сухой руки.

– Эй, Пятак! Главное шоу в два часа дня, смотри, не забудь...

– Знаю-знаю! Лучше держи это при себе, приятель, – зашикал на него Пятак, бросая тревожный взгляд на камеру слежения под потолком.

– Ладно, пора идти. – Затем Кумпол обернулся и крикнул через плечо: – Удачного мониторинга!

Почесывая неказистую бородку, худо-бедно скрывавшую его двойной подбородок, Пятак продолжил передвижение по тоннелю, пока не добрался до второго блока автоматических дверей. За этим барьером хитрая система фильтрации, охлаждения и очистки дважды прогоняла через себя воздух, защищая компьютеры от песка, спор растений и обычной пыли. Сооруженное на двадцатиметровом бетонном фундаменте, здание станции настолько соответствовало требованиям защиты от землетрясений, насколько сейсмическая инженерия вообще могла к этому подойти. Звуконепроницаемые стены с надежной изоляцией заглушали завывания как вет-

ра, так и койотов на луну.

За этими дверьми Центр телеметрии и контроля данных по всему периметру был оснащен компьютерами и укомплектован персоналом из доброй дюжины научных сотрудников и инженеров. Все они подняли головы, когда Пятак вошел в помещение. Он улыбнулся и помахал пухлой рукой.

– Привет, большой папаша уже здесь. Представление должно продолжаться!

Мерцающая на стенах и настольных пультах, телевизионные экраны высокого разрешения в цифровом виде проецировали данные, собранные множеством радиолокационных спутников. Генерируемые радарной или микроволновой передачей, ультрафиолетовым светом, тепловым представлением образа или простым фотографическим оборудованием, эти данные собирались, хранились и сортировались компьютерами «Крей», ценой во многие миллионы долларов.

Пятак опять дотронулся до своей бейсболки, на сей раз адресуя жест доктору Лангеру. Диспетчер дневной смены нахмурился и повернулся к нему спиной.

Бросив кепочку на пульт, Пятак плюхнулся в застонавшее под его весом конторское кресло и, совершив полукруг, развернулся лицом к наисовременнейшему рабочему месту во всем комплексе. С одного лишь этого места можно было получить любые данные, собранные блоком сканеров «Большой орел». А что еще важнее, эргономичная клавиатура и джойстик центрального пульта управляли системой силовой

установки спутника ПС-12.

Похрустывая суставами, Пятак опустошил свои карманы, вывалив на стол целую гору сникерсов, марсов, твиксов и натсов. Затем, тронув клавиши, он начал печатать. Целый час прошел, пока Пятак загружал информацию в компьютер телеметрии «Большого орла». Наконец он активировал изрядный телевизионный экран высокого разрешения над рабочим местом и вытащил сверху бесконтактный коммуникационный блок.

– Говорит Полустанок-один, говорит Полустанок-один, начинаю намеченное по графику изменение телеметрии для спутника П (Питер), С (Сэм) дефис один два. Этот ПС-12 движется в пяти минутах справа... Все. Оставайтесь в режиме ожидания для приема потока данных.

Щелкнув пальцем по переключателю, Пятак послал изменения координат «Большого орла» компьютерам в дюжине космических агентств, обсерваторий и станций слежения за спутниками по всему миру.

– Данные подтверждены, Полустанок-один. Удачи, – прогудел голос в ухо Пятаку.

Готовый к работе, Пятак ухватился за джойстик и тронув переключатель активации. В тысячах миль над поверхностью Земли система силовой установки на борту ПС-12 ожила. А на Земле инженеры «Вейланд индастриз» напряглись на своих рабочих местах, желая понаблюдать за индивидуальным стилем Мастера Телеметрии в действии.

Легенда гласила, что и игровые студии «Майкрософт», и «ЛукасАрт» заманивали к себе Пятака разрабатывать игровые системы, но Акула (такое было прозвище Пятака до его поступления на работу в «Вейланд Индастриз») за годы обучения в МИТ успел обзавестись новой страстью – спутниковой технологией. И, в конечном счете, лучший мастер Национальной лиги видеоигр выбрал низкооплачиваемую должность в Центре телеметрии и контроля данных компании Вейланда, ибо эта работа обеспечивала ему совершенно новый уровень кайфа при управлении посредством джойстика большими радиолокационными спутниками.

И Пятак никогда не терял тех навыков, которые он оттачивал в свою бытность заядлым видеоигроком. Теперь он едва заметными движениями руки умело переводил две с половиной тонны спутниковой массы с текущей орбиты на новую – ту, по которой «Большой орел» будет курсировать у самой поверхности планеты. За каждым легким движением руки Пятака следовали минуты напряженного вглядывания в цифры, пляшущие на мониторе компьютера слежения, и вдумчивых прикидок, нуждается ли спутник еще в какой-то регулировке. Пот крупными бусинками выступил на лбу Пятака, пока он горбился над пультом, сосредоточиваясь на непрерывном потоке телеметрии. Временами его пальцы с побелевшими костяшками слегка подрагивали, аккуратнейшим образом изменяя положение джойстика. И на протяжении всей этой напряженной процедуры глаза Пятака не от-

рывались от экрана.

Наконец, после двух часов манипулирования джойстиком, Пятак вздохнул и откинулся на спинку кресла, усиленно моргая, словно он пробуждался от глубокого сна. Затем он от души потянулся и так наклонил кресло назад, что чуть было не плюхнулся на пол.

– Задание выполнено, – объявил Пятак в коммуникационный блок. – Спутник ПС-12 на новой орбите. Все системы работают нормально. Теперь больше делать нечего – только сидеть и ждать.

Бросив бесконтактник на стол, Пятак взглянул на часы. Время почти подошло. Порхая пальцами по клавиатуре, он активировал бортовые датчики «Большого орла». Когда спутник начал выполнять поставленную перед ним задачу глубокого картографирования антарктического континента с орбиты, Пятак закинул толстые ножищи на пульт, выхватил из груды шоколадный батончик и зубами надорвал обертку. Пережевывая мягкую нугу и хрустящий арахис (не говоря уж о нежном молочном шоколаде), Пятак ткнул еще одну кнопку. Телевизионный экран у него под ногами ожил.

– Как раз вовремя, – с удовлетворенным вздохом заключил Пятак.

На экране шли черно-белые титры классической картины 1943 года «Франкенштейн встречается с Обратным», снятой на киностудии «Юниверсал».

Через шестьдесят две минуты – как раз когда Бела Люго-

ши в роли чудовища Франкенштейна собирался мирно закончить разборку с Лоном Чейни-младшим в роли Оборотня на развалинах замка Франкенштейна – мигающая красная лампочка прервала столь усладительный рабочий простой Пятака. Он резко выпрямился в кресле и выключил телевизор, тут же активировав главный монитор высокого разрешения над пультом. Изображение в реальном времени, обеспечиваемое «Большим орлом», заполнило экран. Пятак добрую минуту изучал мерцающую картинку, пытаясь сообразить, что же он там такое видит.

– Боже милостивый, – наконец выдохнул он, начисто лишившись своей легендарной невозмутимости. Затем он повернул голову и крикнул через плечо: – Доктор Лангер! Скорее сюда. Вы только посмотрите.

– Что это? – осведомился диспетчер дневной смены.

Не отрывая глаз от экрана, Пятак ответил:

– Поток данных, приходящий с ПС-12.

– А где он сейчас?

Прежде чем ответить, Пятак трижды проверил навигационные данные спутника.

– Как раз на секторе четырнадцать.

Доктор Лангер удивленно заморгал.

– Но в секторе четырнадцать ничего нет.

Пятак указал на изображение на мониторе.

– Теперь, стало быть, есть.

Поверх плеча Фрэнсиса Ульбека доктор Лангер увидел

ряд взаимосвязанных квадратных форм – идеально симметричных и, если датчики ПС-12 были точны, очень крупных. Слишком крупных для природных образований.

– А что именно мы смотрим? – спросил Лангер.

– Тепловое представление образа, – немедленно ответил Пятак. – Некий вид геологической активности попал на теплочувствительные датчики, и те активировали камеры. Затем компьютеры «Большого орла» меня известили.

Доктор Лангер внимательно изучал изображение. Квадратные формы в точности подражали созданным руками человека структурам, как они виделись с околоземной орбиты. Но в секторе четырнадцать ничего не существовало – не считая, понятное дело, белых медведей и пингвинов. Следовательно, если эти взаимосвязанные формы и впрямь были искусственными структурами, они должны были быть построены давным-давно. Таким образом, они являли собой важнейшее археологическое открытие двадцать первого века, а быть может, и всех времен.

– Извести их, – сказал доктор Лангер.

Пятак протянул было руку к телефону, затем помедлил.

– Кого?

– Всех...

Отвечая, доктор Лангер не отрывал глаз от экрана.

ГЛАВА 3

Гора Эверест, Непал

У альпинистов имелось два способа взойти по ледопаду Тумбу. Разумный путь наверх по без малого полуторакилометровому замерзшему водопаду проделывался с шерпами, профессорами ледопадов. Эти искусные горновосходители должны были разведывать то, что лежало впереди, наводить алюминиевые мосты через глубокие трещины, вбивать крюки и натягивать веревки. Таким образом, обеспечивалась определенная безопасность перемещения альпинистов – разумеется, в сопровождении все тех же шерпов в качестве опытных проводников.

Безрассудный способ покорить самое опасное место на Эвересте состоял в том, чтобы отправиться на лед одному, за столбить за собой точку подножия ледопада и начать восхождение, лично вбивая крюки, своими руками натягивая веревки и надеясь, что впереди не окажется глубоких трещин, которые потребуют наведения мостов. При таком варианте подъема тот, кто застревал на ледяном скате, оказывался погребен под лавиной или поглощался трещиной, которая безо всякого предупреждения раскрывалась и закры-

валась (а все это являлось на Тумбу вполне повседневным происшествием). Скорее всего, ему суждено было оставаться в замороженном виде на том же самом месте до тех пор, пока глобальное потепление не растопит льды всей планеты.

Именно так Алекса Вудс решила выполнить свое восхождение.

После долгих часов упорного подъема стройная фигура молодой женщины стала казаться всего лишь точечкой на огромной мерцающей стене льда. Исхлестанная ветрами, которые задували здесь со скоростью пятидесяти миль в час, она теперь висела менее чем в тридцати метрах от вершины ледопада.

Целенаправленным взмахом умеренно мускулистой руки Лекси погрузила свой фирменный ледоруб в замерзший водопад. Когда лезвие ударило по корке льда, полились струи, напоминая Лекси о том, что под этой оболочкой с горы скатываются многие тонны прохладной воды. Почти половина всех смертельных случаев на Эвересте происходила именно здесь, на коварной стене Тумбу, но Лекси не позволила этой мысли застрять в голове или снизить темп восхождения. Сейчас для нее целая вселенная со всеми стрессовыми ситуациями преобразилась в экономичные движения – махнуть ледорубом, всадить кошки, потянуть за веревку и проползти вверх. Каждый шаг был спокоен, тщательно выверен и осторожен.

С головы до ног закутанная в снаряжение для предельно

низких температур, Лекси погрузила в ледяную стену шипастые кошки, пристегнутые к ее ботинкам. Пока струйка холодной воды продолжала вытекать из дыры, пробитой ее ледорубом, Лекси закрепила на крюке страховочную веревку и устроила себе небольшой отдых. Рискуя что-либо отморозить, она стянула маску, скрывающую изящные черты ее лица, и приблизила губы ко льду.

Бодряще студеная вода освежила ее и придала новые силы. Вдоволь напившись, Лекси засунула свои длинные темные кудри под маску и снова натянула ее на лицо. Вися на веревке, пока ремни безопасности крепко прижимались к ее грудям, Лекси прислушивалась к завыванию непрерывного ветра и равномерному стуку своего сердца.

Под ее насестом величественная и грубая топография этой весьма пересеченной экосистемы казалась совершенно ненаселенной – бездорожные просторы снега и льда прерывались лишь черными гранитными горами, столь высокими, что вершины их скрывались в облаках. И все же Лекси знала, что этот кажущийся пустынным ландшафт на самом деле обитаем. По сути, это была древняя родина шерпов, людей Востока, чье общество и культура представлялись столь же странными, как Тибет. Тысячи шерпов проживали в запретной долине Тумбу, выращивая картофель и выводя яков на пастбища в тень горы, которую они почитали священной.

До пришествия уроженцев Запада шерпы также водили караваны яков через горы по опасным, рискованным марш-

рутам, чтобы продавать шерсть и шкуры народам Тибета. Сегодня их потомки ежедневно и буднично рисковали жизнью, водя вверх по горе группы всевозможных туристов, что слетались к Эвересту, и спасая тех, кто попадал в беду.

Невысокие, коренастые, с монголоидными чертами лица, шерпы составляли костяк всякой альпинистской экспедиции, какая только предпринималась в Гималаи. Об их искусстве и выдержке слагались легенды; недаром их прозвали «богами горы». И хотя шерпы постоянно поддерживали контакт с современным миром, они сумели сохранить свою традиционную религию и обычаи. За это Лекси ими просто восхищалась.

Будучи тибетскими буддистами из секты Ньинма-па, шерпы по-прежнему выращивали или вскармливали большую часть своей пищи. Стада яков обеспечивали шерсть для одежды, шкуру для обуви, кости для инструментов, навоз для топлива и удобрений, а молоко, масло и сыр для еды.

Большинство шерпов, которые работали в горах, говорили по-английски, и Лекси много раз делила блюдо «даал бхат» – рис с чечевицей и пикантное варево из мяса яка и картошки под названием «шьякпа» с этими отважными профессорами ледопадов и следопытами, проводниками и носильщиками, а также спасателями, что жили у подножия Эвереста. Народ открытый и щедрый, шерпы так же охотно делились секретами своего ремесла, как и своим до невозможности сладким чаем, который они пили из западных термосов,

или рисовым пивом под названием «чан», традиционно варившимся в каждом шерпском хозяйстве.

Большая часть того духовного родства, какое Лекси находила у себя с шерпами, основывалась на их общей профессии. Ее работа – тренировка навыков выживания в экстремальных условиях и походы научных экспедиций в антарктическую пустыню – являлась современным эквивалентом стародавнего заработка шерпов. Если она допускала ошибку (или даже если она ее не допускала), в экстремальном климате Гималаев смерть всегда витала где-то рядом, всегда имела в потенциале.

Гора Эверест, пусть даже теперь более прирученная, чем за всю ее мрачную историю, по-прежнему оставалась непредсказуемым убийцей и навеки обречена была таковым оставаться. Сотни трупов были рассеяны по скалистым пикам или погребены под тоннами снега и льда, где их уже никогда было не найти. Большинство этих трупов принадлежало шерпам.

Что касалось Лекси, то собственная смерть не особенно ее страшила. Она уже видела, как погибают другие, в том числе и те, кого она любила, а несколько раз и сама чуть не умерла. Когда человек так часто оказывается лицом к лицу со смертью, для него ее могущество несколько ослабевает, а страх перед ней притупляется. Личная гибель была вероятностью, которую Лекси вполне могла принять и допустить. А вот чего она совершенно не выносила, с чем она никогда

не могла примириться, так это со смертью другого человека, за которого она несла ответственность.

Нежданный порыв ветра и град мелкого снега мигом добавили в кровь Лекси адреналина. Наклонив голову, она стала прислушиваться, ловя тот многозначительный рокот, который возвестил бы о сходе лавины. Когда ничего такого не последовало, Лекси перевела дух и приготовилась возобновить свое восхождение.

В этот самый момент на поясе у нее зазвонил мобильник, врываясь в природный ландшафт этого эпического мира подобно некоему электронному вандалу.

Лекси молча прокрутила в голове длинную цепочку нецензурных выражений. А затем повесила ледоруб на запястье и потянулась вниз проверить цифровой ряд на дисплее дьявольского устройства. Мигающий там номер Лекси не узнала и испытала сильнейшее искушение проигнорировать звонок. Однако мобильник продолжал трезвонить, а потому она сорвала с себя маску и приложила его к уху.

– Кто это? – раздраженно спросила Лекси.

Голос на том конце оказался певуче-бархатным, приправленным безупречным английским выговором.

– Мисс Вудс? Рад с вами познакомиться.

Лекси сунула маску в карман и без всякого ответа продолжила восхождение.

– Меня зовут Максвелл Стаффорд, – вкрадчивым тоном произнес мужчина. – Я представляю «Вейланд индастриз».

– По-го-ди-те, – процедила Лекси, погружая в стену свой ледоруб, – сейчас сама догадаюсь. Вы нам опять судебный иск предъявите?

– Нет, вы не поняли. Я говорю от имени самого мистера Вейланда.

– Интересно. И что этому главному в мире загрязнителю окружающей среды от нас нужно?

– Мистера Вейланда интересуете лично вы, мисс Вудс.

Лекси всадила в лед одну из кошек и обеими руками ухватилась за страховочную веревку.

– Он предлагает финансировать фонд, с которым вы уже целый год как связаны, – сказал Максвелл Стаффорд. – Если только вы согласитесь с ним встретиться.

Какой-то момент Лекси колебалась. Как профессиональный проводник и исследователь она уже давно связала себя с Фондом ученых-экологов, интернациональной группой, которая активно ратовала за сохранение жизни на Земле – человеческой и всей прочей. Виды животного мира пугающими темпами исчезали с земли. Лекси охотно соглашалась с членами фонда, которые считали, что утрата хотя бы одного вида подвергает оставшиеся еще большей опасности.

Подобно веревке, на которой в данный момент висела Лекси, фонд был подлинным спасением для многих – решающим фактором между неизбежностью жизни и окончательностью смерти. И хотя это предложение сильно напоминало сделку с дьяволом, она не могла не задуматься о том, что

это было за соглашение. С деньгами Вейланда ее любимый фонд, ныне сам находящийся на грани вымирания, смог бы проделать поистине замечательную работу.

– Когда?

– Завтра.

– Полагаю, вам известно, как отчаянно нам нужны деньги, – заметила Лекси. – Но завтра – очень проблематично. Чтобы вернуться обратно в мир, мне потребуется неделя.

Пока говорила, Лекси продолжала взбираться. Всего в нескольких метрах над ней была вершина Тумбу, высшая точка ледопада – замерзшая река, образовавшая гладкую ледяную площадку размером с теннисный корт.

– Я сообщил об этом мистеру Вейланду, – сказал Стаффорд.

Лекси махнула ледорубом, уперлась кошкой и подтянулась за веревку.

– И что он сказал? – спросила она, еще раз подтянувшись.

– Он сказал, что недели у нас нет.

Забрасывая руку за край ледопада, Лекси внезапно обнаружила, что упирается взглядом прямо в превосходную пару коричневых оксфордских ботинок. По-прежнему вися на веревке, Лекси подняла глаза и увидела лицо симпатичного негра в снаряжении для умеренно холодной погоды. За его спиной в ожидании стоял «Белл-212». Дверца вертолета была раскрыта.

Лекси отцепила страховочную веревку и ухватилась за га-

лантно предложенную мужчиной руку.

– Прошу вас, мисс Вудс, – сказал Максвелл Стаффорд, указывая на вертолет, который тут же начал набирать обороты.

Затем Стаффорд взял Лекси под руку и повел ее к раскрытой дверце. Голосом достаточно громким, чтобы пробиться сквозь рев мотора, он сказал:

– Мистеру Вейланду очень не терпится начать.

ГЛАВА 4

Пирамиды Теотиуакана, Мексика, настоящее время

В тридцати милях от Мехико, у подножия господствующей над равниной «Пирамиды Солнца», под пристальным взором вырубленного в камне ока солнечного божества ацтеков Уицилопочтли сотни мужчин и женщин упорно трудились на невыносимой жаре.

Потные поденщики терзали землю кирками и лопатами, отбрасывая комья почвы на грохоты – большие бочки с днищами из проволочной сетки, используемые для отделения камней больших и малых, кусков металла или керамики, а также всего остального крупнее мексиканского песо. Ученые-археологи и аспиранты ползали на четвереньках, тыча в землю садовыми лопатками, чтобы выковыривать оттуда осколки гончарных изделий и свинцовые шарики, четыреста лет назад вылетевшие из ружей конкистадоров.

Организатор этого проекта, профессор Себастьян де Роса, наблюдал за управляемым хаосом с рубежей места раскопок. Де Роса был атлетично сложенным мужчиной, чьи черты лица унаследовали как оливково-кожее тепло его матери-си-

цилийки, так и словно высеченные из камня аристократические углы его отца-флорентийца. Именно отцу, мужественному летчику, который сражался за Муссолини во Второй мировой войне, прежде чем стать удачливым бизнесменом, Себастьян был обязан своей решимостью и целеустремленностью. От матери к нему перешли замечательное самообладание, терпение и шарм – те качества, которые обожали многие его студенты и коллеги по работе.

Тем не менее, пока профессор бродил по периметру раскопок, приближающийся лимузин с гербом Мексиканских Соединенных Штатов пробил серьезную брешь в характерной невозмутимости Себастьяна. Отмахнувшись от администратора раскопок с банданой на голове, профессор так сменил направление своего маршрута, чтобы пересечься с курсом прибывающего транспортного средства.

Черный лимузин, весь в дорожной пыли, направлялся к участку за главной рабочей площадкой, который был определен как лагерь для персонала. Там были установлены палатки, а с подветренной стороны воздвигнут целый ряд переносных пластмассовых туалетов. Имелась там и столовая с кухней, а также импровизированная душевая в виде бочки, водруженной над выкрашенной масляной краской для водонепроницаемости коробкой из фанеры.

По ту сторону лагеря участок пыльной земли был занят измочаленными пикапами, грязными лендроверами, помятыми джипами и тремя выцветшими желтыми автобусами,

которые использовались для транспортировки поденщиков в окрестные мексиканские городишки и обратно. Эти рабочие – плотники, электрики, землекопы – варьировались по возрасту от энергичных тинейджеров до измученных жизненными невзгодами стариков. Все они говорили по-английски, курили американские сигареты, носили пыльные джинсы и с полудня до поздней ночи пили червецу.

Пока Себастьян проходил мимо палаток, чтобы встретить лимузин, он помахал группе аспирантов, которые тоже решили устроить себе перерыв на червецу. Все до единого американцы, они были молоды и полны энтузиазма. Все они носили модную, особого пошива экипировку – шорты Банановой республики, ботинки от Л. Л. Бина, жилеты и пиджаки от Дж. Крю. Как коллегам и ассистентам-археологам, им поручалась самая неблагодарная работа на площадке, что, разумеется, вполне соответствовало академическому порядку вещей. Так один аспирант в типично прямой американской манере написал на табличке у себя над палаткой: «Ишачить – наша судьба».

Неофитам всегда приходилось нелегко, и Себастьян вспомнил нескончаемые годы изнурительных собственных взносов. Прежде чем омыться во славе опубликованных работ частных грантов и появлений в телепередаче «Доброе утро, Америка», эта чересчур образованная порода должна была заработать все эти радости посредством упорного учения и тяжкого труда на археологических раскопках.

Выше в неофициальной иерархии раскопок стояли специалисты: компьютерщики, инженеры, археологи, антропологи и администраторы. Все они находились в непосредственном подчинении у Себастьяна. Пока он продолжал приближаться к лимузину, эти специалисты, в свою очередь, снова и снова подходили к нему с вопросами, требованиями и предложениями. Профессор же проскальзывал мимо всей этой публики с безмятежным спокойствием и участливыми извинениями, которые обычно исцеляли изрядно потрепанное самолюбие первоклассных профессионалов, чьи требования либо отвергались, либо игнорировались.

К несчастью, фирменный невозмутимый шарм Себастьяна набирал ноль целых и ноль десятых по шкале эффективности государственной чиновницы в слегка помятом костюме, которая вылезала из лимузина, сжимая в ухоженной руке пачку бумаг.

– Мисс Аренас, как я рад вас видеть, – совершенно искренне начал Себастьян, обрадованный тем, что визит наносит всего лишь она, а не ее начальник Хуан Рамирес. Затем он непритворно улыбнулся, отчаянно стараясь уловить в поведении этой женщины хоть какие-то приятные аспекты, на которых можно было бы сосредоточиться.

Одним из наиболее ценных навыков, которым Себастьян выучился, взрослея в длинной тени своего отца, общительного, в высшей степени энергичного и обманчиво покладистого главы собственного импортно-экспортного бизнеса,

была способность сосредоточиваться на позитивных моментах при взаимодействии с людьми. В случае мисс Аренас он в итоге остановился на ее прелестных, достаточно разумных глазах и восхитительной чистоплотности.

– Я вижу, вы получили мой отчет – любезно сказал он женщине и с любопытством взглянул на ее кулак, безжалостно душащий его совершенно невинные бумаги. – А у вас уже нашлось время его прочесть?

– Все это весьма тревожно, доктор де Роса. Действительно весьма тревожно, – сказала Ольга Аренас, замминистра культуры Мексиканских Соединенных Штатов. – Вы уже три месяца обещаете результаты, но пока что мы ровным счетом ничего не увидели. Этот отчет только подтверждает вашу несостоятельность. Когда министр его прочтет, он будет в ярости.

– Мы уже рядом, – безупречно солгал Себастьян. – Совсем рядом.

Женщина нахмурилась.

– Вы уже полтора года «рядом».

Потеея, мисс Аренас потянула за лацканы своей слегка помятой пиджачной пары и с прищуром взглянула на яркое дневное солнце. Чувствуя ее гнев, Себастьян подумал, что ему следует найти более достойное применение негативной энергии этой женщины. Надеясь, что его лекция студентам на тему «Моцион истощает эмоцию» с тем же успехом работает и на практике, он бодро направился напрямиком через

заваленный всевозможным мусором центр оживленной площадки. Мисс Аренас на своих высоких каблуках нетвердо заковыляла следом.

– Археология не является точной наукой, – сообщил ей Себастьян.

Мисс Аренас уже открыла рот, чтобы заговорить, но ее ответ утонул во внезапном реве бензинового мотора. Рев этот к тому же сопровождался громкими криками восторга.

Доктор де Роса ободряюще махнул рукой сотрудникам, которым все-таки удалось запустить генератор, – двум инженерам-электрикам и двум спецам по электронике, уволенным в отставку из Военно-морского флота Соединенных Штатов. Они наладили экспериментальное эхолокационное устройство, которое – по крайней мере, теоретически – способно было регистрировать подземные сооружения, гробницы, руины и другие твердые структуры, погребенные за многие века. Однако проверка их устройства оказывалась невозможна из-за того, что электрический генератор с бензиновым мотором много дней был неисправен. Теперь же, когда ток от генератора пошел к эхолокационному устройству, один из бывших флотских электронщиков щелкнул переключателем, и экран сонара ожил. Триумф, однако, оказался недолгим. Испуская целую россыпь искр и клубы черного дыма, генератор рванул. Языки пламени энергично прыгали в небо, пока один сообразительный наблюдатель не обработал машину огнетушителем.

От такого зрелища Себастьян помрачнел. А мисс Аренас еще пуще нахмурилась.

– Знаете, профессор, я здесь вообще никакой науки не вижу, – заявила женщина.

Взгляд ее прелестных глаз был тверд, а горячий тон явно не жаждал охлаждения.

«Ч-черт, – подумал Себастьян, – вот неудача».

Делая вывод, что замминистра ему уже не очаровать, профессор решил прибегнуть к своему последнему трюку. Он резко развернулся и попытался сбежать от бюрократической барракуды. Однако путь ему перегородила гряда бочек-грохотов, и мисс Аренас, пусть с риском для своих каблучков, но все же его догнала.

– Вы сдерживаете развитие этой земли в плане туризма, и это очень дорого обходится Мексиканским Соединенным Штатам, – рявкнула она. – Министерство культуры разрешило вам целых восемнадцать месяцев здесь копать. Ваше время истекло, профессор.

– Нет-нет, минутку...

Но теперь уже Ольга Аренас бодро зашагала прочь.

– Результаты должны быть через неделю – или мы вас отсюда выставим! – крикнула она через плечо.

Себастьян де Роса прищурился от жгучего солнца, наблюдая за тем, как женщина забирается в свой лимузин и тот резко стартует. Затем, изрыгнув проклятие, зашвырнул в кусты камешек и прислонился плечом к дереву. Себастьян и

его люди уже восемнадцать месяцев трудились как неугоми-
мые мулы – и ничего не нашли. Как он теперь собирался все-
го за пять дней сделать важное открытие, не говоря уж о том,
чтобы доказать свою теорию происхождения культуры и ци-
визации Центральной Америки? Просто невозможно.

Себастьян проклинал себя за то, что в свое время долж-
ным образом не поработал в сфере интриг. Лишь недавно
он узнал о том, что у него за спиной один недружественный
археолог добрался до ушей мексиканского министра культу-
ры, влиятельного и, несомненно, коррумпированного Хуана
Рамиреса. Этот неведомый враг подкопался под Себастьяна,
резко обличая его проект его теории и лично его самого.

Подобное предательское поведение было в академиче-
ском мире не в новинку, а уж тем более для Себастьяна. В
конце концов, он вырос, восхищаясь способностью своего
отца одолевать людей, которые улыбались ему в лицо, одно-
временно стараясь всадить свой корыстный кинжал ему в
спину. Но чего Себастьян не ожидал, так это кампании лич-
ного и профессионального уничтожения, развернутой про-
тив него с тех самых пор, как он порвал с ученым стадом,
чтобы поставить под вопрос несколько нежно лелеемых фак-
тов современной археологии – той самой научной дисципли-
ны, которую он наивно считал поиском истины.

Каша заварилась, когда Себастьян опубликовал свою док-
торскую диссертацию, бросающую вызов тому представле-
нию, что египетский фараон Хеопс построил Великую пи-

раמידу. Когда взбешенные египтологи потребовали, чтобы он доказал свою абсурдную теорию, Себастьян опубликовал вторую статью – свой перевод надписей на загадочной «инвентарной стеле», обнаруженной в руинах храма Исиды в 1850-х годах. Вырезанные в известняке во времена царствования фараона Хеопса, письма эти ясно указывали на то, что и Великая пирамида, и Сфинкс уже присутствовали на плато Пазы еще до рождения Хеопса.

Этот второй документ, по сути, являл собой академический эквивалент поджигания осинового гнезда. Скрытый смысл теории Себастьяна, будь она доказана, представлялся поразительным. Ему не иначе как предстояло изменить уже запротоколированную историю человечества. А Себастьян пошел еще дальше. Он заявил о том, что и Великая пирамида, и Сфинкс гораздо старше египетской цивилизации, которая выросла в их тени, что оба они, скорее всего, являются останками более древней и доселе неизвестной цивилизации.

Репутация доктора Себастьяна серьезно пострадала после того, как безмозглая пресса неверно истолковала его теорию. Получив экземпляр его диссертации, один «желтый» репортер из Бостона от души извратил его идеи. Отсюда кошмарный заголовок: «Археолог заявляет, что пирамиду построили люди из Атлантиды».

Другие «желтые» издания подхватили это ложное истолкование, и последовавшая в результате волна спекуляций во-

круг пришельцев, НЛО, «Секретных материалов» и тому подобного, мягко выражаясь, не слишком поспособствовала поднятию репутации доктора де Росы среди его коллег.

Разумеется, де Роса никогда не употреблял в этой связи слова «Атлантида» и высказал публичные возражения по поводу столь упрощенной трактовки его исследования. Но вред был уже нанесен, и его протесты только подлили масла в огонь.

Со времен публикации в прессе тех первых ошибочных сообщений работа Себастьяна де Роса и восхвалялась, и осуждалась в археологическом сообществе. В основном, по правде сказать, осуждалась. Себастьян в целом не обращал внимания на критику и продолжал упорно выискивать связь между цивилизацией, построившей пирамиды в Нильской долине, и цивилизациями Центральной и Южной Америки. Два года тому назад этот поиск привел археолога в Мексику, где ему была дарована редкая возможность исследовать уникальный и необъяснимый памятник материальной культуры.

В 1960-х годах один мексиканский крестьянин, рывшийся у подножия «Пирамиды Солнца», обнаружил под землей погребальный зал, полный бесценных Центральноамериканских артефактов. Крестьянин этот впоследствии заявил, что откопал там сосуды, золотые украшения и другие бесценные находки, которые его специально не обученный ум не сумел толком распознать. Большая часть этого товара ушла на черный рынок и испарилась, но один предмет попал в руки неко-

его мексиканского археолога, который полюбопытствовал о его происхождении и, в конечном счете, добрался до того самого крестьянина.

Упомянутый предмет представлял собой металлический объект, формой и размером близкий американскому серебряному доллару. Артефакт этот был исписан значками очень похожими на раннюю форму египетских иероглифов. Калий-аргоновое датирование, точно определявшее возраст металлической руды, подогретой до температуры свыше ста десяти градусов Цельсия, впоследствии выявило, что артефакт был изготовлен около 3000 года до нашей эры – примерно в то самое время, когда египтяне впервые разработали свою пиктографическую систему письма.

Но как, спросил себя доктор де Роса, мог подобный объект появиться в Центральной Америке, за тысячи миль через Атлантический океан от колыбели египетской цивилизации в Нильской долине – задолго до того, как в тропических лесах этой самой Центральной Америки вообще возникла какая-либо человеческая культура. Догматы традиционной археологии не могли ответить на этот вопрос, а потому большинством экспертов артефакт был объявлен подделкой, после чего он пролежал в подвале Национального автономного университета до тех пор, пока тремя десятилетиями позже доктор де Роса не получил разрешения его изучить.

После тщательного исследования Себастьян заключил, что этот артефакт подлинный и что он представляет собой

первую материальную связь между египетской и Центральноамериканской цивилизациями, которая когда-либо выходила из-под земли на свет. Но он также понял, что единственный способ убедить других археологов в реальности данного объекта заключается в некоем «повторении эксперимента». Другими словами, ему следовало откопать схожий объект, захороненный примерно в то же самое время и в том же самом месте – вероятно, в погребальном зале, аналогичном тому, который сорока годами раньше обнаружил мексиканский крестьянин. А посему, как только Себастьян де Роса выяснил, что мексиканское правительство собирается вести строительство в окрестностях «Пирамиды Солнца», он воззвал к президенту Мексики, прося времени и финансов для поисков подобного артефакта.

Полтора года Себастьян де Роса и его люди вели эти раскопки и в итоге оказались с пустыми руками. Теперь их время кончалось.

– Профессор! Профессор!

Себастьян поднял взгляд, радуясь тому, что можно хоть на что-то отвлечься. Марко, местный наемный рабочий, махал у себя над головой длинным полотном компьютерной распечатки. Задачей Марко было обследовать землю металлоискателем, смонтированным на конце длинного шеста. Данные, собранные этим устройством, загружались в портативный компьютер. С этим компьютером, в свою очередь, работал Томас, археолог, лично обученный Себастьяном, а также

спец по цифровому представлению изображений, чьей задачей было истолковывать смутные, изменчивые картинки, что появлялись на мониторе.

– Давай сюда! – крикнул Марко Себастьян.

Изрядно запыхавшись, Марко пересек место раскопок и с улыбкой Чеширского Кота сунул компьютерную распечатку в руку археологу.

– Мы его нашли! – объявил Марко, пока Себастьян изучал изображение на распечатке.

– Где?

Команда Себастьяна вырыла вокруг «Пирамиды Солнца» ряд длинных глубоких траншей. Главная траншея была почти два метра в глубину. Марко указал как раз в сторону этой главной, и Себастьян, энергично работая руками и ногами, побежал туда.

К тому времени, как профессор домчался до места, землекопы уже вылезли и теперь стояли на краю, наблюдая за событиями и любопытствуя по поводу причин всей суматохи. Один лишь Томас остался в траншее, ожидая прибытия доктора де Роса. Себастьян спрыгнул в самую середину и сделал паузу, чтобы еще раз изучить цифровое изображение на компьютерной распечатке. Оно недвусмысленно указывало на то, что некий твердый объект – круглый и предположительно металлический – погребен как раз у него под ногами.

Опустившись на колени, Себастьян ощупал плодородную черную почву. Марко тоже спрыгнул и встал на четверень-

ки рядом с археологом. Всякая работа вокруг них прекратилась, когда слухи о крупной находке стремительно распространились по площадке.

– Он прямо здесь, – сказал Марко, хлопая по земле ладонью. – Томас говорит, он может быть металлический или типа того.

Себастьян взглянул на Томаса. Сложив руки на груди, компьютерный эксперт прислонился к стенке траншеи. Его раскрытый портативный компьютер был водружен на деревянный ящик.

– Что думаешь?

Томас обмозговал вопрос.

– Для погребального зала маловато.

Себастьян резко махнул рукой.

– Понятное дело, это не зал! – воскликнул он. – Это погребальное приношение. Теотиуаканцы обычно захоранивали порядка сотни разных даров вокруг погребального зала. Обсидиановые клинки, пиритовые зеркала, раковины... должно быть, мы сейчас прямо над этим приношением.

Пока Себастьян сгибался в три погибели над местом захоронения объекта, Томас вложил ему в руки небольшую кисточку и археологический щуп.

– Вам эта честь, – сказал компьютерный эксперт, отступая назад.

Пока вокруг собиралась толпа, оживленно тараторя на испанском, английском и французском, в передовую часть

группы незаметно выдвинулся высокий мужчина в темном костюме и с роскошными усами, откуда он стал внимательно наблюдать за доктором де Роса.

Голыми руками Себастьян принялся аккуратно убирать грязь. Затем он взялся за археологический щуп и осторожно втолкнул его острый конец в почву, медленно пронзая верхний слой, пока длинный металлический шип почти целиком не ушел под землю. С первой попытки доктор де Роса ничего такого не ощутил, а потому вынул щуп и попробовал снова.

Только с четвертой попытки Себастьян попал в точку. Почти сразу же после того, как кончик щупа исчез в почве, он наткнулся на что-то твердое. Артефакт находился в считанных сантиметрах от поверхности. Доктор де Роса немедленно вынул щуп и отложил его в сторону.

– Он что-то нашел, – прошептали в толпе.

Себастьян взял кисточку и принялся аккуратно смахивать грязь. Наконец он смог различить грубые очертания объекта. Артефакт был небольшой, размером с монету. И круглый, как монета.

– Что это? – спросил Марко.

Доктор де Роса не ответил. Вместо этого он стал зарывать руку в почву рядом с объектом, пока его пальцы не сомкнулись вокруг этой штуковины. Вынимая объект из земли, Себастьян затаил дыхание.

– Что там, профессор? – еле слышно прошептал Томас.

Наконец почва отпала, и объект обнажился. Себастьян ис-

пустил вздох.

– Глаза всех бутылку пепси-колы подкладывали? – холодно осведомился он.

– Дайте мне еще один месяц, – взмолился Себастьян, по-прежнему сжимая в кулаке проклятую крышку.

Хмурясь, министр Рамирес покачал головой.

– Нет, Себастьян, никак нельзя. Министерство культуры еще шесть месяцев тому назад было заинтересовано в ваших результатах. Мы ставим сюда другую команду.

Пока солнце садилось, мексиканский вечер становился прохладнее. Температура уже опустилась с сорока двух градусов до умеренных тридцати восьми. Себастьян де Роса был у себя в палатке, пакуя вещи, когда туда зашел Томас.

– Что у нас еще плохого?

– Мы потеряли полпартии, – хмурясь, ответил Томас.

– Бобби ушел?

– Угу. И Джо. И Кэролайн. И Ник. И Джерри со всей бригадой.

Себастьян тяжело воспринял это известие. Он осел на койке, плечи его поникли.

– Томас, погребальный зал здесь. Я точно знаю. – Он крепко сжал кулаки. – Мы обязательно его найдем, а вместе с ним и связь с египетской культурой.

– Я тоже это знаю, – отозвался молодой человек, смахивая с лица светлые волосы. – Но без археологической партии и нового разрешения на раскопки нам делать нечего.

Себастьян какое-то время смотрел на Томаса, затем встал. С новой решимостью он побросал в свой чемодан еще несколько вещей.

– Постарайся удержать остаток партии вместе еще двое суток. Я поеду в Мехико... поговорю с чиновниками. Я добьюсь возобновления наших раскопок.

– Возможно, я помогу вам этого добиться, профессор.

Низкий голос с идеальным британским акцентом принадлежал незнакомцу. Дружно повернувшись к входу в палатку, Себастьян и Томас увидели там высокого негра. Де Роса прикинул, что этот мужчина как пить дать за два метра ростом, и даже безупречная, английского покроя, пиджачная пара кое-как скрывала его широченную грудь и необыкновенно мускулистые руки. Несмотря на свои габариты, двигался он весьма грациозно.

– Мы с вами знакомы? – спросил Себастьян.

– Меня зовут Максвелл Стаффорд, – ответил мужчина.

Затем он подошел к Себастьяну и вручил почтовый конверт цвета слоновой кости с рельефной монограммой «Вейланд индастриз».

Себастьян разорвал конверт и уставился на листок бумаги внутри – личный чек от Чарльза Вейланда, выписанный доктору Себастьяну де Роса. Сумма на этом чеке имела больше нулей, чем приблизительное датирование по радиоуглеродному анализу. Себастьян вопросительно взглянул на незнакомца.

– В обмен на небольшое количество вашего времени, – пояснил Максвелл Стаффорд.

ГЛАВА 5

Рядом с Южным полярным кругом, в трехстах двадцати пяти милях от мыса Доброй Надежды

Массивный вертолет британского производства «Морской царь» с бортовым номером «Вейланд-14» летел сквозь собирающийся грозовой фронт. Снаружи роились свинцовые тучи, а порывы ветра становились все сильнее, делая полет неровным, но никто из пассажиров не замечал содроганий и внезапных нырков «Морского царя».

Алекса Вудс крепко спала, развалившись на сиденье в главном салоне вертолета. На ней по-прежнему было то же самое снаряжение для холодной погоды, которое она надела, когда ее сняли с Гималаев. На груди лежал раскрытый номер «Сайентифик американ». На обложке журнала красовалась недавняя фотография основателя и главы «Вейланд индастриз», а заголовок гласил: «Чарльз Бишоп Вейланд – пионер современной роботехники».

У окна рядом с Лекси стоял высокий тощий мужчина с нескладными конечностями и выпирающим кадыком. На носу у него сидели очки с толстенными стеклами, а в руках был цифровой фотоаппарат. Этот фотоаппарат мужчина за-

тем положил на сиденье, пытаясь снять самого себя. Однако с первой попытки ему лишь удалось себя ослепить. Во время второй попытки вертолет дал крен, и мужчина обрушился на Лекси.

– Прощу прощения, – сказал он, когда Лекси проснулась. Она молча кивнула и собралась было снова закрыть глаза, но тут мужчина попросил: – Впрочем, раз уж вы проснулись, вас не затруднит?

Он поднял фотоаппарат и попытался одарить Лекси чарующей улыбкой. Но стал от этого только еще больше похож на дегенерата.

Лекси взяла камеру и сделала снимок.

– Я документирую путешествие для моих мальчиков, – объяснил мужчина. – Пусть они знают, что их отец не всегда бывает скучным. – Он сунул руку в карман парки и достал оттуда толстый бумажник с фотографиями. Затем показал одну фотографию Лекси. – Вот Джейкоб, а вот Скотти, – гордо указал мужчина.

– Очень симпатичные, – вежливо похвалила Лекси. – А это ваша жена?

– Моя бывшая жена, – сказал он. Затем мужчина подал ей руку. – Грэм Миллер, специалист по прикладной химии.

Они обменялись рукопожатием.

– Алекса Вудс, специалист по охране окружающей среды и проводник.

– Вы работаете у Вейланда?

Лекси помотала головой.

– Я работаю в небольшом экологическом фонде и в то же время вожу научные экспедиции по льду. Одно оплачивает другое. Хотя, признаться, не очень хорошо оплачивает.

– По льду?

– В арктические и субарктические экспедиции, в Гималаи, в Антарктику...

Как раз в этот самый момент второй пилот высунул голову в салон.

– Лекси, ты и твой приятель, пристегнитесь, пожалуйста. Мы уже недалеко от корабля, но сейчас должны войти в нештучную турбулентность.

Лекси пристегнулась. Миллер сел напротив нее и сделал то же самое.

– Ваш друг? – спросил он.

– Друг моего отца. Он здесь большинство пилотов обучил. А мы с сестрой в летние каникулы всегда с ним болтались.

– Ваша сестра работает вместе с вами?

Лекси чуть не расхохоталась от такого предположения.

– Нет-нет. Она холод терпеть не может, даже во Флориду переехала. Если увидите ее на лыжах, значит, ее тянет катер.

Второй пилот, не вставая с сиденья, повернул голову и крикнул из кабины:

– Только что ТБВ прошли!

– Проклятье! – выругался Миллер, сжимая фотоаппарат. – Я хотел сделать фотографию.

– Чего?

– Этого ТБВ. Вообще-то, им следовало предупредить, прежде чем мы его прошли.

«Где они такого откопали?» – качая головой, подумала Лекси.

– ТБВ – это точка благополучного возвращения, – задушевно объяснила она химику. – Объявление означало, что мы уже использовали больше половины горючего и теперь не сможем вернуться назад.

Миллер заметно побледнел.

– Мы могли бы сделать вынужденную посадку, – желая облегчить его состояние, добавила Лекси. – Правда, вода здесь такая холодная, что мы в ней через три минуты загнемся.

Миллер еще пуще побледнел, пока вертолет продолжал содрогаться и грохотать.

– Антарктика, – негромко проронил химик, глаза в окно.

278 000-тонный ледокол «Пайпер Мару», в двухстах семидесяти милях от мыса Доброй Надежды

Широко расставив ноги, капитан Лейтон стоял на покачивающемся капитанском мостике и с прищуром вглядывался в забрызганные дождем окна. Серые пенные волны разбивались о нос испытывающего килевую качку корабля, а жгучий ветер тем временем терзал надстройки. В это время го-

да так близко к Антарктике ночи бывали длинными, а дни короткими. Постоянно сумеречное небо казалось навеки затянуто клубящимися лиловыми облаками. Шторм, что трепал корабль, явно не собирался утихомириваться, и мощные порывы ветра гнали соленые потоки по палубе.

Проведя в море почти сорок лет, Лейтон много раз плавал у мыса Доброй Надежды, и ему не требовалось сверяться с барометром, чтобы понять – погодные условия в обозримом будущем могут только ухудшиться. Бартоломеу Диаш, первый европеец, которому довелось здесь пройти, окрестил это место Кабо Торментозо – в переводе с португальского «мыс Штормов». В подобные дни Лейтон недоумевал, почему первоначальное название мыса не прижилось.

– «Вейланд-14» вызывает «Пайпер Мару». Мы на подлете, – сквозь треск корабельного радио объявил голос.

Капитан Лейтон включил бесконтактный коммуникатор и произнес в микрофон:

– Говорит «Пайпер Мару». «Вейланду-14» посадку разрешаю, но будьте осторожны. У нас серьезный крен от ветра. Будет довольно круто.

Он прервал связь с вертолетом и повернулся к старпому:

– Гордон, мне нужно, чтобы ты послал туда аварийную команду. Просто на всякий случай. Поставь людей на палубу, но так, чтобы их не было видно. Незачем нам этих летунов страшать.

Все на капитанском мостике прыснули. Считанные мгно-

вения спустя они уже из относительного комфорта командного отсека наблюдали за тем, как массивный вертолет садится на терзаемый штормом ледокол. Матросы поспешили наружу под дождь, чтобы принайтовать машину крюками и тросами. После того как двигатели были заглушены, боковая дверца скользнула в сторону, и оттуда высадились пассажиры, пересекая палубу под проливным дождем.

Со своей командной позиции капитан Лейтон сквозь забрызганные дождем окна их пересчитал.

– Двое вновь прибывших. Надеюсь, места у нас достаточно.

Тут у капитанского плеча неслышно возник Максвелл Стаффорд.

– Эти должны быть завершающими.

Внизу, на качающейся палубе, последней высадившейся пассажиркой стала Лекси Вудс. Усталая, с зудящим и занемевшим телом, она помедлила у двери вертолета, прежде чем, наконец, ступить на скользкую металлическую палубу. После того как ее сорвали с горного насеста, Лекси пересела с вертолета на частный реактивный самолет, затем снова на вертолет, пересекая целые континенты и безбрежные океаны, и все это время ей не удавалось ни сменить одежду, ни принять ванну, ни хорошенько поспать. Теперь, когда она вроде бы добралась до своего конечного места назначения, терпение Лекси почти иссякло. Она совершенно определенно рассчитывала скорее раньше, чем позже выяснить, что

там для нее приготовил промышленный миллиардер Чарльз Вейланд.

«Хотя горячая пища тоже бы не помешала», – подумала Лекси. Единственным, что переварил ее желудок, если не считать бутербродиков с икрой и копченых миндальных орешков в личном реактивном самолете Вейланда, был пакетик с вяленным мясом яка на Тумбу.

Выбравшись из вертолета, Лекси быстро догнала своего попутчика. Миллер, увлеченный фотографией химик, явно испытывал проблемы с ходьбой по качающейся палубе.

– Осторожно! – воскликнула Лекси и ловко поймала долговязого очкарика, прежде чем он рухнул.

Сияясь вернуть себе упавший чемодан, Миллер случайно его пнул. Чемодан, точно хоккейная шайба, понесся по скользкой палубе, и Лекси едва успела не дать ему оттуда свалиться за борт.

– Спасительница! Благодарю вас! – с непринужденной признательностью выдохнул Миллер.

Он разглядывал Лекси сквозь влажные очки, стекла которых казались толще иллюминаторов батисферы. Вручая молодому человеку его чемодан, она заметила, что его кроссовки уже насквозь промокли.

– Вам нужно подыскать себе обувь получше.

Миллер пожал плечами.

– Я прямо с рабочего места сюда прибыл.

«Я тоже», – подумала Лекси.

Сражаясь с ветром и дождем, они пробирались по кораблю – Лекси бодро шагала, а Миллер в основном спотыкался. Впереди матрос махал им красным лучом фонарика, указывая на металлическую лестницу, ведущую вниз, в трюм корабля.

Со своей позиции на капитанском мостике Максвелл Стаффорд с довольным видом наблюдал за тем, как великолепная Лекси идет бок о бок с неловким Миллером.

– Алекса Вудс... необычное имя, – заметил он капитану Лейтону.

Ответил ему, впрочем, не капитан.

– Лекси назвали в честь ее отца Александра Вудса, полковника Военно-воздушных сил Соединенных Штатов.

Капитан Лейтон обернулся на этот бас и увидел, как на капитанский мостик с важным видом заходит мускулистый мужчина. А Максвелл продолжал смотреть в окно.

Вновь прибывший ухмыльнулся. Меж его белых зубов торчала незакуренная кубинская сигара. Куинн излучал чисто животную энергию и обычно говорил в вульгарной от переизбытка тестостерона манере, хотя его звероподобность несколько сглаживалась смекалкой и природным умом. На его жилистую фигуру и дубленую кожу наложила отпечаток жизнь, прожитая в борьбе со стихией. Колючая щетина покрывала квадратный подбородок, а его непослушные рыжеватые волосы торчали из-под пропитанных потом полей мя-

той ковбойской шляпы.

Куинн коснулся этих самых полей, небрежно отдавая честь капитану, а затем побрел дальше, чтобы присоединиться к Максвеллу Стаффорду у окна.

Двое мужчин стояли бок о бок, наблюдая за тем, как прелестная атлетичная мулатка шагает по палубе, поддерживая идеальное равновесие и не обращая никакого внимания на бушующий вокруг нее шторм.

– Ее папаша был крутым ублюдком со скверной репутацией во льдах, – сказал Куинн. – Наверняка он хотел сына. – Тут он сделал паузу, играя желваками. – Что ж, он его получил.

– Славные игрушки, – изумленно выдохнула Лекси, продвигаясь по пещерообразному главному трюму «Пайпер Мару».

Гусеничные вездеходы, тяжелое грузоподъемное и землеройное оборудование, сборные убежища, электрогенераторы, гидравлическая аппаратура, снаряжение для суровых климатических условий, кислородные баллоны, пилы и ручные приспособления для земляных работ загромождали просторный трюм. Благодаря отцу Лекси в свои двадцать восемь лет уже успела побывать в большем числе антарктических экспедиций, чем основная масса ученых за всю жизнь, но даже она еще никогда не видела столько дорогостоящего оборудования в одном месте.

Транспортные средства – включая целых десять хагглен-

дов – преобладали, горы упаковочных контейнеров были прикреплены к четырем стенам. Большинство контейнеров было помечено вездесущим «В» «Вейланд индастриз» – тем самым «В», которое Лекси видела на всех трижды проклятых транспортных средствах, комбинезонах и форменных костюмах служащих аэропорта во время своего путешествия к этому ледоколу.

В одном из углов гигантского трюма Лекси заметила импровизированную зону инструктажа. Десятки складных стульев были расставлены в неровный кружок возле сложенного из упаковочных контейнеров подобия помоста. Лекси прикинула, что по трюму шлялось от тридцати до сорока других пассажиров. Все они с восторгом пожирали глазами игрушки экспедиции. Она разделила их на две группы: «ученых», куда входила она сама, и «подсобников», которым предстояло оперировать тяжелым оборудованием. Последнюю группу составлял народ совершенно иной породы, вполне обычной в Антарктике, с которой Лекси, к несчастью, была слишком хорошо знакома.

К центру трюма была приостовлена пара колоссальных транспортных средств, каждое размером приблизительно с восемнадцатиколесный вездеход. Лекси узнала их благодаря опыту своей работы в качестве специалиста-эколога в Научно-исследовательском центре естественного и ускоренного биовосстановления в Национальной лаборатории Окриджа. Это были самообслуживающиеся мобильные буровые стан-

ки, оборудованные лабораториями спектрального отбора проб, хотя прототипы в НЛОР были далеко не так высокоразвиты, как эти модели. Лекси подошла к машинам, желая получше их разглядеть. Секунду спустя у нее под боком появился Миллер минус чемодан и плюс сухая одежда.

– А тут чертовски модное оборудование, – заметила Лекси, указывая на буровые станки.

Миллер кивнул.

– Интересно, что оно делает?

Прежде чем у Лекси появилась возможность ответить, это сделал кое-кто другой.

– Что ж, – сказал Себастьян де Роса, подступая к ним. – Вот это вот, – он обратил их внимание на целый набор трубок, идущих по боковой части машины, – довольно сложный теплообменник. Отсюда я заключаю, что это какая-то разновидность бурового устройства, основанного на использовании тепла.

Миллер поднял палец.

– Сейчас-сейчас... я сам догадаюсь... вы физик?

– Вообще-то археолог, – сказал Себастьян. – Мы с моим коллегой Томасом заинтересованы во всем, что роет или прокладывает тоннели.

– Тогда загадка еще больше усложняется, – сказал Миллер, явно наслаждаясь каждой минутой необыкновенного приключения. – У нас есть прикладной химик, археолог и специалист по охране окружающей среды. Я даже встретил

здесь египтолога. Так что мы все делаем в одной лодке?

Себастьян наморщил лоб.

– Надо думать, один из нас убийца. Разве традиция не такова?

Лекси улыбнулась – впервые со времени своего вынужденного отбытия из Непала. Этот мужчина не мог ее не очаровать. Когда Лекси заметила необычный объект, свисающий с кожаной тесемки у него на шее, она без обиняков спросила:

– А зачем эта крышка от бутылки?

– Это ценная археологическая находка, – без тени иронии ответил профессор.

Миллер тем временем исполнился столь ненасытного любопытства по поводу буровых станков, что взобрался по металлической лесенке и принялся без всякого разрешения их обследовать. Постояв на верху машины, он затем спустился по противоположной стороне. Дверца кабины оказалась не заперта, а потому Миллер запрыгнул за руль и принялся раскачиваться туда-сюда, точно малый ребенок на коне-качалке.

Внезапно Миллера окружила четверка здоровенных мускулистых мужчин в походном обмундировании. Бейджи на форме гласили: Верхейден, Борис, Михаил и Свен. Ни один не улыбался. Вместо этого они мрачно нависли над химиком. Между ними Миллер смотрелся сущим флосстиком для чистки зубов. На щеке у самого здоровенного – Верхей-

дена – тянулся длинный шрам. Он просунул голову в кабину и оказался нос к носу с Миллером.

– Что, забавно?

Миллер кивнул:

– Мое первое настоящее приключение. Просто не терпится рассказать обо всем этом моим детишкам.

Верхейден осклабился:

– Для тебя, папаша, может и приключение, а вот для нас – работа. Выметайся отсюда в свою деревню, пока ты нас всех на дно не пустил.

Когда Миллер мгновенно не повиновался, Верхейден заорал:

– И не лапай матчасть, не то я тебе глаз на жопу натяну!

Миллер быстро выбрался из кабины, а Лекси только что к ним подошла.

– Классный командный дух, – заметила она.

Верхейден взглянул на Лекси, затем на Максвелла Стаффорда.

– Держите этих Пробирок подальше от оборудования, – прорычал он.

Максвелл Стаффорд вздохнул. Добросовестный организатор, он провел долгую и трудную работу, собирая воедино эту весьма дорогостоящую экспедицию. Меньше всего ему теперь были нужны личностные конфликты, ведущие к оскорбленному самолюбию и впустую растроченной энергии. Предприятие, за которое им предстояло взяться, было

слишком важно для всех. Он встал между командами Миллера и Верхейдена.

Тогда Верхейден повернулся спиной к Лекси с Миллером и презрительно осмотрел пеструю коллекцию чересчур образованных, недоразвитых мозгляков, что шатались по трюму и изучали все с таким видом, как будто вглядывались в электронные микроскопы.

– Просто держите долбанных Пробирок подальше от моего оборудования, – снова прорычал он.

На сей раз ремарка Верхейдена вызвала аплодисменты, одобрительный свист и издевательский смех у его людей и части подсобников.

– А при чем тут пробирки? – поинтересовался Миллер.

Лекси скрестила руки на груди.

– Так здесь ученых зовут. Помните того персонажа из «Маппет-шоу»?

Лицо Миллера прояснилось.

– А, Пробирка... он мне вроде как нравился.

– Инструктаж начнется через пять минут, – объявил Макс Стаффорд. – Пожалуйста, рассаживайтесь.

Себастьян де Роса нашел себе место в переднем ряду рядом с импровизированным подиумом. Когда он уселся и закинул ногу за ногу, Томас торопливо прошелся по трюму и устроился рядом с ним.

– Чек Вейланда принят, – сообщил он. – Отлично, – сказал Себастьян. – Теперь мы слушаем все, что у него есть

нам сказать. Киваем, улыбаемся, а потом вежливо отклоняем предложение, берем деньги и летим назад в Мексику.

Через пять минут все в гигантском трюме сидели на складных стульях, сгруппировавшись по профессиональному признаку. Дуболомы – Верхейден, Свен, Михаил, Борис и Адель Руссо – сидели одной группировкой; Куинн, Коннорс и другие подсобники – другой. Третья группа представлялась более пестрой. Ее составляли ученые и исследователи самых разных отраслей знания, которых Чарльз Вейланд собрал со всех концов света.

Стаффорд отметил, что Лекси расположилась среди последних.

Опытный руководитель, Максвелл Стаффорд чувствовал, как напряжение перемещается по трюму корабля, точно заряженные частички перед ударом молнии. Такое возрастание эмоций отчасти объяснялось неуверенностью членов команды в том, зачем их сюда притащили и чего здесь от них ожидают. Впрочем, как только этим людям сообщат причины этого вояжа, неуверенность сменится другими эмоциями – научным любопытством и радостью открытия наряду, пожалуй, с более фундаментальными инстинктами вроде зависти и амбиций.

Выковать из столь разношерстной группы функциональную и эффективную команду будет нелегкой задачей, решил Стаффорд, ступая на импровизированный помост. Впрочем, его работа другой обычно и не бывала.

– Прошу внимания! – объявил Стаффорд в микрофон. Его усиленный голос гулко завибрировал в пещерообразном трюме.

– Большинство из вас уже меня знает, а я знаю вас всех – по репутации, если не лично. Меня зовут Максвелл Стаффорд, и мистер Вейланд уполномочил меня собрать эту группу...

Внезапно бледная ладонь опустилась ему на плечо. Максвелл обернулся.

– Мистер Вейланд?! – удивленно сказал он.

– Спасибо, Макс. Дальше я сам расскажу, – отозвался Чарльз Вейланд.

Стаффорд отступил назад, и промышленный миллиардер, а также глава этой загадочной экспедиции занял самый центр подиума.

Хотя этому мужчине было уже прилично за сорок, ни намека на седину не проглядывало в густой копне его черных волос. С широким лбом, большим ртом, пронзительными, голубыми, как лед, глазами и жилистой фигурой Чарльз Вейланд скорее выглядел как энтузиаст-физкультурник, чем как промышленник. Эту иллюзию он активно поддерживал, появляясь на публике с клюшкой для гольфа на плече. Терпеливо дождавшись, пока удивленные перешептывания узнавания улягутся, Вейланд разок махнул своим девятым номером со стальной головкой, после чего обеими руками на него оперся.

– Надеюсь, вы все получили возможность подкрепиться и даже, быть может немного поспать, – начал он. – Я знаю, некоторые из вас только что прибыли, и все вы проделали длинную дорогу сюда, причем в очень короткие сроки. Позвольте мне вас, однако, заверить, что ваше путешествие было не напрасным.

Свет в трюме померк, и цифровой проектор высветил большой квадрат шелушащейся металлической переборки за помостом. Силуэт Вейланда попал в этот квадрат.

– Семь дней тому назад один из моих спутников над Атлантикой искал там залежи минералов, когда внезапное тепловое излучение из-под земли очертило вот это...

Квадрат белого света сменился смутным, красновато-желтых тонов спутниковым изображением. Очерченный кроваво-красным на фоне бледно-желтого и тускло-оранжевого, там был ясно различим узор из взаимосвязанных квадратных форм.

– Это тепловое изображение, – продолжил Вейланд, жестикулируя своей клюшкой. – Красные линии указывают на твердые стены. Оранжевые – на камень. Эксперты сказали мне, что это пирамида. Они только не смогли найти согласия насчет того, кто и когда ее построил...

Себастьян де Роса впервые со времени прибытия на корабль ощутил пробуждение интереса.

– А что вызвало тепловое излучение? – спросил Томас.

– Этого мы не знаем. Но один эксперт говорит, что эта

структура напоминает ему ацтекскую...

Картинка за спиной у Вейланда развернулась под другим углом.

– Другой говорит, что она скорее камбоджийская...

Еще одно спутниковое изображение появилось на стене над плечом Вейланда.

– Но все разделяют мнение, что гладкая сторона определенно египетская...

Томас, признанный египтолог, кивнул, ничего не имея против.

– Но зачем кому-то понадобилось строить там пирамиду? – спросил Миллер.

– Древние карты показывают Антарктиду свободной ото льда, – сказал Томас, повторяя тезисы теории своего учителя Себастьяна. – Вполне вероятно, что этот континент некогда был обитаем.

Себастьян де Роса встал и подошел поближе к изображению на стене. Пронзительные голубые глаза Вейланда буквально его сверлили.

– Мистер де Роса?

– Думаю, ваши эксперты правы.

– Который из них?

Себастьян улыбнулся.

– Все они. И египтяне, и камбоджийцы, и ацтеки строили пирамиды. Три отдельные культуры, которые проживали в тысячах миль друг от друга...

– Не имея между собой никакого сообщения, – вставил Томас.

– И, тем не менее, то, что они строили, было почти идентично. – Себастьян подступил вплотную к стене и уставился на проекцию. – Это, совершенно очевидно, храмовый комплекс. Вероятно, ряд пирамид, соединенных церемониальной дорогой.

Слова Себастьяна де Роса вызвали возбужденный ропот в «пробирочной» стороне помещения. Выдержав эффектную паузу, Вейланд махнул своей клюшкой, затем пристроил ее на плече.

Не обращая внимания на растущий гомон, Себастьян по-прежнему сосредоточивался на спроецированном изображении.

– Почти идентично... – повторил он.

– А что вы, собственно, имеете в виду? – поинтересовалась Лекси.

– Эта пирамида может быть первой из всех, когда-либо построенных, – ответил Себастьян.

Миллер почесал в затылке.

– Но кто ее построил?

Тогда Себастьян де Роса с едва сдерживаемым волнением ему ответил:

– Первичная культура, от которой произошли все остальные.

– Если эта пирамида может быть первой, она также может

быть последней, – заметил Вейланд. – Как амальгама всех тех, что были построены до нее. Нет никакого доказательства существования той связи между культурами, о которой вы упоминали.

Себастьян ткнул пальцем в изображение.

– Вот это фото как раз и есть доказательство.

Вейланд улыбнулся доктору де Роса – несколько снисходительно, как показалось Лекси.

– Я не могу сказать вам, кто ее построил, – поднял голос Миллер. – Но если я возьму пробу, узнаю, сколько ей лет.

– С какой точностью, профессор? – спросил Максвелл Стаффорд.

– Вообще-то я доктор, – ответил Миллер. – И я назову вам точный год... я достаточно компетентен.

– Хорошо, доктор Миллер, – сказал Вейланд. – Предлагаю вам подобраться вплотную к этой штуковине.

Лекси, явно озадаченная, воззрилась на изображение.

– А где конкретно во льдах она находится?

– На острове Буве, – ответил Вейланд, вызывая у Лекси рвотный позыв. – Но она не на льду. Она в шестистах с лишним метрах под ним.

Тепловой образ пирамиды исчез со стены, и его заменило спутниковое изображение чего-то наподобие города-призрака где-нибудь в Монтане в зимнюю пору.

– Пирамида находится прямо под этой заброшенной китобойной стоянкой, которая станет нашим базовым лагерем.

Тут сразу со всех сторон зазвучала разноголосица.

Вейланд указал своей клюшкой на высокого подсобника в ковбойской шляпе.

– Мистер Куинн.

Мужчина встал. Приглядевшись к нему, Лекси нахмурилась.

– Мистер Стаффорд, мистер Вейланд, – начал Куинн. – Перед вами находится лучшая буровая бригада в мире. Мы за семь суток пробуемся на эту глубину.

– Плюс три недели на то, чтобы всех здесь подготовить, – добавила Лекси.

Стоя на подиуме, Вейланд покачал головой.

– Такого времени у нас нет. Спутники над Антарктикой имеются не только у меня. Другие скоро сюда прибудут, если уже не прибыли.

– Возможно, я неясно выразилась, – сказала Лекси. – Никто в этом трюме к подобному путешествию не готов.

Вейланд одарил ее, как ему представлялось, чарующей улыбкой. Однако Лекси она почему-то напомнила оскал голодной акулы.

– Именно поэтому, мисс Вудс, я вас сюда и пригласил. Вы наш эксперт по снегу и льду.

Лекси не любила, чтобы ее ставили под удар, и это сразу же стало ясно по выражению ее лица. Но и осадить назад она тоже не пожелала.

– Остров Буве – одно из самых изолированных мест в ми-

ре. Если мы попадем в беду, никто нам не поможет.

Вейланд кивнул.

– Вы правы. Это заброшенная земля. Но поезд уже ушел. Думаю, я говорю от имени всех находящихся на борту этого судна...

Изображение за спиной у миллиардера снова изменилось. Теперь там демонстрировался еще один угол зрения на загадочную погребенную пирамиду. Своей клюшкой Вейланд указал туда.

– Ради этого стоит рискнуть.

Лекси оглядела помещение. На всех лицах вокруг нее ясно проглядывали любопытство, интерес и жадность. Но только не страх. Даже ни малейшего опасения. Именно это больше всего Лекси и тревожило.

Спроецированный образ исчез, и свет зажегся.

– На этом, джентльмены... и леди, наш инструктаж закончен. Столовая ждет вас через девяносто минут. Надеюсь, вам там все понравится. Наш кок прилетел прямиком из моего парижского отеля... бифштекс из вырезки будет превосходен.

Чарльз Вейланд в упор посмотрел на Лекси Вудс.

– Вы к нам присоединитесь?

Повернувшись спиной к миллиардеру, Лекси зашагала по трюму.

– Найдите себе другого проводника, – крикнула она через плечо.

ГЛАВА 6

Ледокол «Пайпер Мару», в шестистах десяти милях от острова Буве

Одышка началась у Чарльза Вейланда в коридоре, еще раньше, чем он успел добраться до своей каюты. Глаза его заслезились. Миллиардер уткнулся подбородком в грудь и сдержал кашель. Если он теперь начнется, то уже вряд ли остановится. А потому Вейланд подавил приступ, но дорогой ценой. Он споткнулся и чуть было не упал, а его клюшка для гольфа загрохотала по металлическому полу.

Тогда могучая рука обхватила его за пояс, и низкий голос пророкотал ему в ухо:

– Обопритесь на меня.

– Все в порядке, Макс, – прохрипел Вейланд.

Обретя равновесие, он оттолкнул Максвелла в сторону и выпрямился.

– Дай мне клюшку и открой дверь, пока кто-нибудь меня таким не увидел.

Пользуясь клюшкой как тросточкой, Вейланд проковылял в свою каюту. Максвелл быстро закрыл и запер за ним дверь, а затем помог Чарльзу Вейланду сесть в пухлое кожа-

ное кресло. Ключку для гольфа Максвелл поставил к стене и предложил боссу кислородную маску из прозрачной пластмассы.

Вейланд сделал несколько долгих глубоких вдохов, и его изможденное лицо снова стало нормального цвета.

– Спасибо, – произнес он между вдохами. Когда силы к нему вернулись, Вейланд отбросил маску и осмотрел свою каюту, которая больше напоминала больничную палату. Миллиардер сморщил нос от медицинского запаха, стоявшего в комнате.

– Зеркало, пожалуйста.

Макс прикатил к креслу Вейланда передвижной туалетный столик с зеркалом и отступил. Вейланд ненадолго взгляделся в свое бледное отражение, а затем откинулся на спинку кресла и погрузился в воспоминания. В возрасте двадцати одного года Чарльз Вейланд владел Гарвардской МБА и небольшой компанией спутникового картографирования, унаследованными им от отца. Два года спустя он приобрел кабельное предприятие на Среднем Западе, затем телекоммуникационную сеть в Неваде. Через десятилетие, отмеченное проницательной и взвешенной экспансией, «Вейланд индастриз» стала крупнейшим конгломератом спутниковых систем в мире, компанией стоимостью свыше трехсот миллиардов долларов. Поставив свою финансовую империю на надежные рельсы, Чарльз Вейланд вознамерился изменить мир.

Броская фраза «Расширить границы человеческих возможностей» была не просто лозунгом «Вейланд индастриз» – это была совокупность личной философии Чарльза Вейланда. Его мать умерла, когда Чарльзу еще не исполнилось и двух лет, после чего ребенка воспитывала целая череда нянек под всевидящим оком его отца, сурового агностика. Вейланду отчаянно не хватало родительской любви или хотя бы утешительной веры в высшие силы. Тогда он сделал своим кредо прогресс, давая клятву использовать свое богатство для расширения границ человеческой цивилизации.

И с оглядкой на это он стал вести двойную жизнь. Публичный Чарльз Вейланд закатывал щедрые вечеринки, посещал разнообразные презентации и благотворительные мероприятия, покупал роскошные отели в Сан-Франциско, Париже и Лондоне. Миллиардер Чарльз Вейланд строил казино в Лас-Вегасе и постоянно присутствовал в светской хронике в качестве легкомысленного плейбоя, под рукой у которого всегда имелась красивая женщина, а на плече – именная клюшка для гольфа. Однако, подобно отелям, казино и гольф-клубу, эти женщины были всего-навсего бутафорией – элементом тщательно продуманного и рассчитанного обмана, который позволял Чарльзу Вейланду добиваться (так сказать, за сценой и вне радара) своих истинных целей.

Тогда как сам он изображал радушного хозяина на открытии отеля «Вейланд-Уэст» в Сан-Франциско, представители Вейланда тайно приобретали нанотехнологическую фир-

му в Силиконовой Долине. Пока он гостил в Лондоне в разгар театрального сезона, юристы Вейланда заключали сделку на предмет покупки роботехнического завода в Питтсбурге. В то время как он посещал неделю моды в Париже, дочерняя компания Вейланда организовывала неблаговидное поглощение фармацевтической компании в Сиэтле и покупала научно-исследовательскую фирму в Киото, занимающуюся генетикой. К своим сорока годам Вейланд стал главным спонсором самых передовых научных исследований на земном шаре.

Четырьмя годами раньше Вейланд сказал Максвеллу Стаффорду о том, что, учитывая еще сорок лет его жизни на земле, научные исследования, финансируемые его компанией, позволят «Вейланд индастриз» открыть свой филиал на лунной базе Моря Спокойствия. Но это было еще до того, как у него диагностировали позднюю стадию рака бронхов. Теперь же, поскольку рак всюду разъедал его легкие, у Чарльза Вейланда больше не было еще сорока лет. В самом удачном случае он мог прожить еще сорок дней.

Вот почему замечательная находка в Антарктике и эта экспедиция становились так важны. Это был последний шанс Чарльза Вейланда по-настоящему отличиться перед человечеством. И вот почему Вейланд был так благодарен тому единственному человеку в его организации, который сделал этот последний шанс возможным.

– Пятнадцать минут отдыха, а потом я опять... влезу в

костюм... и пойду по коридору в мой кабинет.

– Вы уверены? Пожалуй, сейчас лучше всего было бы удалиться на покой.

– Зачем? Все равно я не буду спать. – Вейланд сделал глубокий вдох и выдавил из себя улыбку. – Знаешь, Макс, в последние три месяца ты стал просто бесценен. Найти нужный персонал, за считанные дни собрать всю эту экспедицию воедино...

– Я просто делаю свою работу.

Резко недовольный своим отражением, Вейланд оттолкнул зеркало.

– Не думал, что это случится так скоро...

Максвелл прошелся по комнате и положил свою могучую руку Вейланду на плечо. Прикосновение этого гиганта было удивительно нежным.

– Когда вы так себя изнуряете, раковый процесс только ускоряется... – Он поколебался, не особенно желая выдвигать все те же старые аргументы, но затем почувствовал, что все-таки должен. – Пожалуй, вам следует передумать насчет того, чтобы вы нас сопровождали. Вы могли бы остаться здесь. Следить за нашими успехами по радио...

С осторожностью пойманного в ловушку животного Вейланд оглядел больничную койку, кислородные баллоны, лекарства и покачал головой.

– Я умираю, Макс. И будь я проклят, если я умру здесь.

Следуя указаниям старпома, Себастьян де Роса нашел свою каюту. Он открыл дверь, вошел внутрь и с радостью обнаружил, что его жилье скорее напоминает апартаменты роскошного лайнера, чем каюту ледокола. На секунду Себастьян даже задумался, тот ли ему дали ключ, но затем увидел в центре комнаты свой скудный багаж.

Себастьян открыл выдавший виды чемодан и достал оттуда ворох одежды. Однако, распахнув дверцу гардероба, он с удивлением обнаружил, что одежда уже висит там простые вещи, удовлетворявшие его нетребовательному вкусу, а также специальные костюмы для холодной погоды и даже кое-какое дополнительное снаряжение. Себастьян нашел водонепроницаемые брюки и куртки, шерстяные свитера и носки, нижнее белье с подогревом, перчатки на манер лыжных, ботинки, шерстяные шапочки и несколько ярко-желтых пуловеров «полартек», помеченных вездесущим логотипом Вейланда. Быстрый осмотр выявил, что решительно все подходит ему по размеру.

– Эх, мистер Чарльз Вейланд, где вы были всю мою жизнь? – усмехнулся профессор.

Себастьян все еще испытывал необыкновенный подъем после инструктажа Чарльза Вейланда. Наконец-то у него появился шанс доказать археологическому сообществу, что мировая история в нынешнем ее виде, написанная профессорами и академиками, представляет собой всего-навсего цепочку допущений и гипотез, что она полна полуправды и

прямой лжи. Открытие храмового комплекса в Антарктике вдребезги разбивало все предубеждения современной археологии, из-за которых так называемые объективные ученые сопротивлялись правде – даже когда им представляли бесспорные доказательства. Это в самом начале своей карьеры Себастьян испытал на личном опыте.

Еще будучи аспирантом, Себастьян получил доступ к хранящемуся в Библиотеке Конгресса собранию морских карт. Карты эти использовались моряками четырнадцатого и пятнадцатого столетий для путешествий из одного порта в другой. Одна из обнаруженных им карт была составлена в 1531 году Оронтеусом Финеусом. Там были обозначены точные очертания антарктического материка, каким современная наука ныне могла видеть его из космоса. Каждый залив, каждая бухта, каждая река, каждая гора – вся земля, скрытая под тоннами льда, была точно воспроизведена на морской карте Финеуса почти пятисотлетней давности.

«Но как?» – задумался тогда Себастьян. От картографов он узнал о том, что большинство морских карт, использовавшихся в эпоху мореплавания, на самом деле представляют собой копии куда более старых карт составленных древними римлянами и египтянами. Но даже в пору расцвета древнеегипетской культуры, аж четыре тысячелетия тому назад, Южный полюс был полностью покрыт паковым льдом толщиной до трех километров. Если египтяне и плавали в Антарктику – а это было абсурдно, ибо у них вообще не имелось

никакого флота, пока в 2000 году до нашей эры отец Хеопса таковой не создал, – ничего, кроме льда, древние моряки там бы не обнаружили. Только во второй половине двадцатого столетия современные ученые открыли подлинную топографию скрытого подо льдом материка, а они для этого использовали весьма изощренную эхолокационную аппаратуру.

Так кто же в древние времена нанес на карту территориальные особенности Антарктики и каким образом?

Себастьян тогда заключил, что в данном случае приложимы только две теории. Первая была выдвинута в 1967 году Эрихом фон Деникеном в его книге «Колесницы богов». Фон Деникен сделал вывод о том, что тысячелетия тому назад пришельцы из космоса навестили Землю и помогли первобытному человеку составить карты, построить пирамиды, создать календари и соорудить ритуальные комплексы, причем люди и пришельцы друг с другом сотрудничали.

Теория Себастьяна была куда менее скандальной. Он считал, что первоначальная карта, которую скопировал Финеус, скорее всего, была составлена в те времена, когда Антарктида была теплой и обитаемой, служа домом ныне забытой цивилизации. Существование морской карты Финеуса наряду с картой Пири Ре, обнаруженной в Стамбуле, являлось твердым доказательством того, что теория Себастьяна была верна.

И, тем не менее, когда он представил свои находки собратьям-археологам, его работа сразу же была отвергнута,

несмотря на тот факт, что материальное доказательство, подтверждающее его гипотезы, хранилось в Библиотеке Конгресса, и любой мог его изучить. После этого отрезвляющего инцидента Себастьяну пришлось сделать вывод о том, что-либо собратья-археологи просто не позаботились ознакомиться с его документами, либо они наотрез отказываются обратиться лицом к правде. Так или иначе, комплекс пирамид, который Вейланд обнаружил в Антарктике, – если это и впрямь был комплекс пирамид – теперь должен был захлопнуть дверь перед заскорузлыми, традиционными мыслителями из академической толпы.

Пусть они только попробуют от этого отмахнуться!

Бреясь и переодеваясь для обеда, Себастьян, фальшивя, насвистывал. Он не мог не думать о том, что теперь, после долгих лет споров, насмешек и пренебрежения, вся его работа очень скоро будет оправдана, все его теории подтверждены.

Лекси закрыла глаза и стала наслаждаться тем, как горячая вода ее оmyвает. После двух недель в дикой местности, за которыми последовало путешествие длиной в сутки, душ казался ей почти священным омовением.

Обшаривая душевую кабину на предмет куска мыла, Лекси обнаружила там «Савон де Марсель», дорогущее, ручного изготовления мыло из оливкового масла с юга Франции. Она его понюхала, затем нахмурилась. Надо думать, точно такое

же мыло Чарльз Вейланд предлагал в номерах люкс своего парижского отеля. Так что Лекси это не удивило. Подобно первоклассной одежде и дорогостоящему снаряжению, которое она нашла у себя в гардеробе, а также этим до нелепости роскошным апартаментам, все, что обеспечивал Вейланд, было высшего сорта. Но Лекси терпеть не могла, когда ее покупали, – золотая клетка все равно оставалась клеткой. И она куда больше предпочитала палатку, разбитую на северном склоне Эвереста на пяти тысячах метров над уровнем моря.

С другой стороны, ей отчаянно требовалось помыться. Разрывая пакет и сжимая в руке мыло, Лекси размышляла о Вейланде – теперь, когда она непосредственно с ним познакомилась. До сих пор все свидетельства вели к совершенно определенному заключению: еще один эксцентричный миллиардер. И эта дорогостоящая экспедиция: исключительно пустая трата времени, а также опасная авантюра, которая, вполне возможно, будет стоить жизни большинству из них – если не всем.

Она уже видела типов, подобных Вейланду, – слишком богатых, слишком скучающих, слишком зацикленных на себе. Дилетантов, которые временно очаровывались какой-либо темой, но лишь затем, чтобы, точно безмозглые сороки, вскоре перепорхнуть к очередной яркой, блестящей идее, подброшенной Си-эн-эн. Лекси возмущала такая порода людей – не потому, что она им завидовала, а потому, что Вей-

ланд и ему подобные обладали деньгами и властью, бездарно и то и другое расходуя. Они дрейфовали по жизни, не занимаясь ничем более достойным, нежели накопление портфеля ценных бумаг размером с Годзиллу. Тогда как ученые и исследователи, которые целиком посвящали свои карьеры и репутации настоящему делу, вынуждены были кланяться и собирать крохи, подбрасываемые им в порядке некой уловки или в расчете на налоговую скидку.

Пока Лекси терла дорогушим мылом толстую мочалку и драила свое крепкое тело, она почти слышала голос Гейба Каплана, финансового директора фонда. Голос этот звенел у нее в ушах, будто нескончаемая реклама кроссовок «Найк» со всем ее сомнительным шармом: «Давай, Лекси, берись за эту программу. Подбирание крох и поклоны ничего нам не стоят, а фонду это дает все. Сделай это».

Лекси приняла деньги, которые Вейланд пообещал Фонду ученых-экологов, но вести экспедицию к коллективному самоубийству она категорически отказывалась.

В лучшем случае, прикидывала Лекси, Вейланд и компания доплывут до острова Буве; затем Куинн с корешами – ходячие экологические катастрофы все до единого – пробурят дырку во льду; наконец все эти археологи, болтающие про пирамиды, найдут там большую грудку кварца, профилированный лед, вулканические трещины или любое из доброго десятка других природных образований, которые худо-бедно могли подражать очертаниям храмового комплекса.

Рассматривать же самый скверный вариант было слишком жутко.

Лекси прекрасно помнила свои восхождения на вершину Эвереста. Воздух такой разреженный, как будто ты дышишь через полусплющенную соломинку. Кошмарные минусовые температуры, ветер за сто миль в час. Мучительная боль от подъема на тысячу метров в сутки и от попыток дышать (не говоря уж о попытках есть или пить) на отметке в 8 882 метра.

Однако все это казалось сущим воскресным пикником по сравнению с тем, чему подвергнется экспедиция Вейланда, если что-то пойдет не так. Без Лекси у них не будет ни единого шанса. Смывая роскошную пену со своей кокосового оттенка кожи, Лекси попыталась убедить себя в том, что все существенным образом улучшится, если она все-таки с ними пойдет. Затем она еще ненадолго задержалась под теплой водой. Душ мог смыть с Лекси все самообманы, возникавшие у нее в процессе обмозговывания предложения Вейланда, но он определенно не смыл с нее вину за решение бросить эту компанию на произвол судьбы.

Облачившись в джинсы «Ливайс» и свитер из славно затаренного гардероба, Лекси оставила всю остальную одежду нетронутой. Собственной чистой одежды у нее не имелось – иначе она бы вообще ничего не взяла.

Когда она паковала свои скудные пожитки, в дверь каюты

неожиданно постучали.

– Я поговорил с мистером Вейландом, – сообщил ей Максвелл Стаффорд. – Деньги на счет фонда уже перечислены. Вертолет, на котором вы полетите домой, сейчас дозавляется.

И Максвелл повернулся к двери.

– Кого вы заполучили?

Не оборачиваясь, он помедлил в проходе.

– Джеральда Мердока, – ответил Максвелл Стаффорд, закрывая дверь.

Через пятнадцать минут Лекси забарабанила в дверь личного кабинета Чарльза Вейланда на борту корабля.

– Входи...

Лекси ворвалась в кабинет.

– ...те.

Вейланд сидел в кожаном кресле за большим дубовым столом. Пусть и не слишком роскошный, кабинет был большой и хорошо оборудованный. До прибытия Лекси промышленник просматривал личные дела членов отряда. А в момент ее прихода он по иронии судьбы как раз читал ее досье.

– Джерри Мердок провел всего два сезона во льдах. Он не готов.

Вейланд отвернулся.

– Да вы не беспокойтесь.

Лекси подалась вперед над столом.

– А как насчет Пола Вудмена или Эндрю Килера?

– Им уже звонили.

– И что?

– Они твердили ту же чепуху, что и вы, – сказал Максвелл Стаффорд, входя в дверь.

– Вот что, мистер Вейланд. То, что я вам сказала, вовсе не чепуха. Если вы вот так туда броситесь, люди пострадают или даже погибнут.

Вейланд снова к ней повернулся. В глазах его сверкал гнев.

– Прошу прощения, мисс Вудс, но ваши возражения мне непонятны. Мы не собираемся подняться на Эверест. Нам нужно, чтобы вы провели нас от корабля к пирамиде, а потом обратно к кораблю. Только и всего.

– А как насчет внутренностей пирамиды?

– Насчет этого вам не следует беспокоиться. Как только мы окажемся на месте, у нас будет превосходное оборудование, технологии и эксперты. Все самое лучшее, что только можно купить за деньги.

Лекси противопоставила его гневу свой собственный.

– Вы не понимаете. Когда я веду отряд, я никогда его не бросаю.

Вейланд хлопнул ладонью по столу.

– Ваше рвение восхищает меня не меньше ваших талантов. Хотел бы я, чтобы вы с нами пошли.

Но Лекси лишь покачала головой.

– Вы совершаете ошибку, – сказала она. Вейланд бросил на стол сводку погоды.

– Прямо сейчас идет очень опасная качка. Капитан Лейтон заверяет меня, что из худшей зоны шторма мы выходим, но он считает, что вам следует на пару часов отложить вертолетную прогулку. – Он встал и принялся расхаживать вокруг стола. Затем протянул руку и тронул Лекси за плечо. – Подумайте о моем предложении. Присоединяйтесь к остальным за обедом, а если вы не передумаете, через пару часов вертолет доставит вас домой.

– Насчет еды он не шутил! – широко распахнув глаза, воскликнул Миллер, прожевывая сочного краба.

– Еще вина? «Шато лафит» 77 года, превосходное.

Миллер кивнул, и Себастьян налил ему вина. Затем археолог поднял стаканчик.

– Прекрасная выдержка, даже для французов. Кроме того, в порядке протокольного замечания, из пластика оно еще вкуснее.

Первая трапеза Себастьяна на борту «Пайпер Мару» стала исследованием контрастов. Замечательная закуска и великолепное вино подавались в стиле забегаловки на помятых металлических подносах стандартного выпуска и в пластиковых стаканчиках. Уровень шума в столовой вызвал у него воспоминания о студенческих годах.

Непохоже было, что мистер Вейланд собирался сегодня

вечером с ними обедать или хотя бы тот парень, Стаффорд. К счастью, обеденная компания Себастьяна с лихвой возмещала любые разочарования.

– Тот малый, который еду на тарелки раскладывает. По моему, я его по кулинарному каналу видел, – сказал Миллер.

– Часто телевизор смотрите? – поинтересовался Себастьян.

– В Кливленде больше почти нечем заняться... особенно после развода.

– Так вы из Кливленда? – спросил Томас. – Ну да. Я родился в Кливленде. Купил себе в Кливленде первый набор «Юный химик». И гараж моих родителей тоже там взорвал. А когда закончил университет нашел себе работу в Кливленде, женился там и до сих пор там живу.

– По округе вы особо не болтались, а, Миллер? – принялась терзать его Лекси.

– Нет-нет! Не совсем так... я уезжал из Кливленда учиться в университете.

– Неужели вы за морем учились?

– Нет, в Колумбийском.

Лекси заметила, как Себастьян вздрогнул, затем потер колено.

– Что с вами?

– Несколько лет назад повредил колено. У меня там металлическая скоба стоит. И в такую холодную погоду боль просто адская.

– А это ранение вы в каком-то отважном археологическом приключении получили?

Томас заржал, затем глотнул еще вина.

– Я получил его в «Сьерра-Мадре».

Лекси удивилась.

– На горной гряде?

– В техасско-мексиканском баре в Соединенных Штатах. В Денвере. Я там лекции читал. Малость перебрал текилы и рухнул с механического буйвола.

Лекси оттянулась на спинку кресла и громко расхохоталась. Себастьян тоже.

В другой стороне столовой, среди рабочих, Куинн обратил внимание на то, что Лекси сидит за столом с несколькими Пробирками.

Коннорс, его напарник, остановил вилку с сочным бифштексом в считанных сантиметрах от зубастого рта.

– Думаешь, она сюда заявила, чтобы нас работы лишит?

Куинн осклабился.

– Она не может нас лишит работы. Работу нам дает Вейланд. У мисс Вудс и всего ее питомника экологических Пробирок просто силенок не хватит остановить Вейланда.

– А на Аляске она нам, помнится, капитально все обломала. Она и этот ее фонд...

Не обращая внимания на напарника, Куинн по-прежнему

глазел в другую сторону.

– Долбаная страховка по безработице у меня уже, по-моему, кончилась, – продолжил Коннорс. – Если эта работа сорвется, я на пособие сяду.

– Кончай ты мне мозги дурить!

Коннорс усмехнулся и подлил Куинну вина.

– По-моему, босс, тебе еще выпить не помешает.

– Чертовски не помешаете – проревел Куинн. – Но только не этого модного виноградного сока. Сходи-ка ты лучше в трюм и притарань нам ящик чего-нибудь настоящего. Проклятье, два ящика! Давай мы тут все в дупель напьемся.

– А кто тот парень? – спросил Себастьян, заметив огненный взгляд, явно устремленный в их сторону.

Прежде, чем ответить, Лекси глотнула вина.

– С Куинном я столкнулась на Аляске. Он и его парни там новые нефтяные разработки проталкивали. На его стороне было и много аборигенов. Но мы его остановили – экологическая группа, в которой я работаю. Думаю, у него теперь на меня зуб.

– У меня тоже был бы зуб, – сказал Миллер. – В смысле, если бы кто-то меня работы лишил.

– А что там с той пирамидой? – спросила Лекси, решая сменить тему. – Вы, правда, думаете, что она может быть подо льдом?

– Хотел бы я так думать, – сказал Себастьян. – Это стало

бы открытием века. По сути, это подтвердило бы некоторые мои теории. Я считаю, что четыре тысячелетия тому назад...

Тут Себастьян осекся. Лекси больше не уделяла ему внимания. Вместо этого она сосредоточенно смотрела куда-то поверх его плеча.

– Я вас утомляю?

Лекси отодвинула свой стул от стола и тронула за руку сначала Себастьяна, затем Миллера.

– Идемте на палубу... вы тоже, Томас.

– А в чем дело?

Но Лекси уже встала и направилась к двери. Себастьян последовал за ней. Томас пристроился у него в хвосте. Миллер проглотил последний кусок бифштекса, добавил к нему глоток «Шато лафита» и поспешил их догонять.

Через дверцу в толстой водонепроницаемой переборке Лекси вывела всех на палубу. Ледяной ветер тут же принялся нещадно их трепать, забирая тепло. Однако всякий дискомфорт прошел, стоило им только увидеть развернувшийся на небосводе спектакль.

– Боже мой! – воскликнул Томас.

Вся ночь сделалась водопадом мерцающего великолепия. Вертикальные ленты света змеились по южному небу, рождая разноцветное изобилие визуального хаоса. Полоски последовательно более ярких красок пылали огнем, тогда как лоскутки потемнее ритмично пульсировали. По громадному занавесу красных, синих и зеленых тонов будто бы пробегал

некий межзвездный ветер.

Лекси раскинула руки в стороны, словно обнимая чудесную панораму.

– Это свечение класса X, сопровождаемое гало-корональным выбросом массы. Иначе известно как «аврора австралис»... южное полярное сияние.

Себастьян был заморожен.

– Никогда не думал, что увижу такую красоту.

Миллер поправил очки, затем вытащил из кармана пиджака фотоаппарат.

– Это в верхних слоях атмосферы, – объяснил он. – Потoki протонов и электронов от Солнца отражаются магнитным полем Земли, вызывая бурю солнечной радиации.

– А, неважно... это прекрасно, – отозвался Себастьян. – Даже в том виде, в каком вы это описываете, доктор.

– Спасибо, – поблагодарил Миллер и щелкнул фотоаппаратом. – Совершенно с вами согласен.

Лекси оперлась о поручень и воззрилась на небо.

– Шеклтон назвал Антарктиду последним великим путешествием, какое еще осталось у человека. Это единственное место в мире, которым никто не владеет, которое совершенно свободно... – Затем она ухмыльнулась. – Что касается меня, то я вроде как пингвинам завидую.

– Хотел бы я, чтобы вы передумали и отправились с нами, – сказал Миллер.

Лекси взглянула на него и улыбнулась. Но затем покачала

головой.

– Нет, разумеется, не ради меня, – добавил Миллер. – Просто я думаю, есть масса других ребят, которые действительно в вас нуждаются. – Он ткнул ее кулаком в плечо. – Ну, давайте же, не заставляйте меня снова вытаскивать фотографии моих детишек.

– Ваши детишки не настолько симпатичны.

– А что, если мы фотографии еще чьих-нибудь детишек достанем? – вмешался Себастьян. – Что вы тогда скажете?

Лекси взглянула на них обоих.

– Хотите моего совета? Оставайтесь на корабле.

Тут Себастьян ощетинился.

– Мы не останемся на корабле.

– Послушайте, ребята, первое правило этой работы – не брать людей в те места, куда они не готовы идти.

– Нет, это вы послушайте, – откликнулся Себастьян. – Я собирался на первом же самолете лететь назад в Мексику. Моя археологическая партия ждет. Но если Вейланд хотя бы наполовину прав, эта находка изменит историю.

– Вейланда куда больше заботит, как бы сделать очередной миллиард, чем что-либо еще, – возразила Лекси. – В том числе и ваша безопасность.

Себастьян подошел к ней вплотную.

– Позвольте вас кое о чем спросить. Вот вы здесь. Вы это место знаете. Скажите, больше у нас шансов уцелеть с вами, чем с кандидатом номер два?

Лекси молчала, но выражение ее лица говорило само за себя.

– Но если это так и если вы не пойдете, а с нами что-то случится, как вы потом с этим сможете жить?

Лекси открыла было рот, но ответа не последовало. Внезапно на палубу вышла высокая светловолосая женщина.

– Мисс Вудс? Ваш вертолет заправлен и готов к полету. Вас ждут.

ГЛАВА 7

В двух тысячах миль над Морем Спокойствия

Как раз за пределами лунной гравитации из гиперпространства выпрыгнул громадный корабль. Изыщно огибая спутник Земли, судно прошло на фоне Солнца, бросая зловещую тень на лунную поверхность.

Почти километровая в длину, гладкая органическая форма этого судна скорее напоминала морского ската или хищную птицу, чем межзвездный корабль. Пока звездолет неслышно нырял сквозь пустоту, гиперпространственные двигатели отключились, и тонкая струйка ионов потянулась от обычных моторных отсеков, толкая судно по последнему отрезку его маршрута к орбите затянутой облаками сине-зеленой планеты все еще более чем в 238 000 миль оттуда.

Внутри корабля самоактивировалась энергетика и система жизнеобеспечения. Лабиринты коридоров и куполообразные залы заполнились жаркой и влажной, богатой кислородом атмосферой тропиков. Одна за другой палубы стали иллюминироваться рептильно-зеленым свечением. Архитектура была примитивной, и многие отсеки корабля вполне могли сойти за интерьер крепости самурайского полководца

или мрачную камеру пыток средневекового замка.

В полусвете зловещие тени плясали вдоль стен с выгравированным на их острогранными иероглифами. Высокие сводчатые потолки наводили на мысль о готическом соборе, но здесь они отсвечивали кроваво-красным оттенком скотобойни.

Другие отсеки корабля скорее напоминали что-то органическое. Арсенал пародировал мясистые внутренности некоего гигантского монстра. Кривые терракотовые ребра украшали помещение. Стены между этими фальшивыми ребрами были покрыты фресками с пиктограммами и увешаны широким разнообразием жуткого на вид техно-средневекового оружия: копьями со съёмными древками; кривыми клинками, вырезанными из желтой кости и связанными в пучки наподобие древнеримских фасций; обоюдоострыми церемониальными ножами с зазубренными лезвиями и причудливыми рукоятками; металлическими булавами, усеянными разрозненными белыми зубьями; круглыми дисками размером с автомобильные колпаки, окаймленными тонкими, как иголки, шипами; дротиками покрупнее железнодорожных костылей.

Обагранные кровью трофеи предыдущих охот также размещались в этом мрачном зале – черепа самых разных форм и размеров, некоторые пробитые, с пустыми глазницами и клыкастыми челюстями. За полупрозрачной металлической переборкой также висело поразительное множество самого разного трофейного оружия – от копья с кварцевым нако-

нечником до пистолета, выпускающего пучок частиц достаточно мощный, чтобы разрезать любую гору напополам.

За арсеналом, в самом сердце таинственного корабля, компьютерный экран прояснился, демонстрируя тепловое изображение ледокола «Пайпер Мару» в широком океанском просторе. Инопланетные криптограммы разворачивались на экране, пока кибернетический мозг звездолета вычислял расстояние между ледоколом и комплексом взаимосвязанных четырехугольников в Антарктике.

Завершив процесс, компьютер выдал сигнал тревоги – громкое шипение, слышное по всему инопланетному кораблю. Вокруг центрального монитора замигали огни, являя на свет круглый зал, полный влаги. Глубокий бассейн темной жидкости занимал большую часть пола. Белый туман вился над вязкой жижей. Вокруг бассейна, подобно лепесткам цветка, располагались пять полупрозрачных криостатических цилиндров, внутри которых шевелились массивные фигуры.

Внезапно криостатические резервуары лопнули, сбрасывая свое содержимое в центральный бассейн. Густая жидкость взбурлила, когда колоссальные фигуры энергично зашевелились в ней. Широкие пятнистые лица появлялись на поверхности взбаламученного бассейна. Их черты напоминали кошмарную амальгаму насекомого, моллюска и рептилии. Разум горел в глазах, которые казались до странности человеческими. И эти осмысленные глаза сосредоточи-

вались на изображении ледокола «Пайпер Мару», все еще
высвеченном на мониторе. У рта каждой твари зловеще сги-
бались и разгибались пальцеобразные жвала.

ГЛАВА 8

На борту ледокола «Пайпер Мару», в одиннадцати милях от побережья Антарктиды

Небо казалось свинцовым полотном, а низкая луна лишь временами проглядывала сквозь прорехи в облаках. После нескольких последних часов свирепствовавшей погоды море теперь казалось удивительно спокойным. Его сладкую поверхность нарушали только глыбы льда, многие размером с приличный ледокол. Такая погода могла показаться почти умеренной для Южного полярного круга, если бы неугомонный ветер не обрушивался на палубу, ледяными когтями хватая сгрудившихся там людей. Несмотря на прослойки шерсти, фланели, хлопка, а также комбинезоны «полартек», как предполагалось, защищавшие их от стихии, некоторые из этих людей дрожали.

Выйдя на палубу, Себастьян де Роса и Томас внезапно оказались среди деловитых рабочих. Избегая пристальных взглядов подсобников, которые при помощи крана выуживали из трюма гусеничные вездеходы и выстраивали их на палубе, Себастьян перебрался к ученым и наемникам, собравшимся у поручня. Хотя на нем было столько слоев одежды,

что Себастьян чувствовал себя ходячим плюшевым мишкой, он весь дрожал. К тому времени, как он встал рядом с Миллером, на подбородке у него уже появился тонкий налет инея.

– Ну как, ничего? – спросил Миллер.

– Я слишком долго был в тропиках.

– Да, с таким загаром вид у вас в этих местах очень странный.

Себастьян обратил глаза к небу, надеясь уловить там лучик теплого солнца. Но в синевато-серых небесах виднелась только луна.

– А сколько сейчас времени?

Миллер взглянул на часы.

– Полдень.

– Тогда где же солнце?

– Так далеко к югу шесть месяцев царит тьма. Солнце все это время не встает Полярная ночь... или как там это называется.

Себастьян сдержал озноб. Разумеется, ему самому уже следовало об этом догадаться, но все его мысли были отвлечены древними пирамидами Мексики, Египта и Камбоджи.

– Чудесно.

– Когда начнется этот урок выживания? – спросил Томас. – Мне нужно массу всего проделать, прежде чем мы доберемся до места раскопок.

Себастьян наблюдал за тем, как по палубе к ним прибли-

жается Алекса Вудс.

– Простой закончен. Вот идет преподаватель.

Увидев молодую женщину, Миллер ухмыльнулся.

– Вот видите? – сказал он. – Я же говорил, что она останется. Это все мой физический магнетизм. Ему просто невозможно сопротивляться.

– Все собирайтесь вокруг меня, – без всякой преамбулы начала Лекси. – Моя задача состоит в том, чтобы после этой экспедиции вы все остались в живых, а для этого мне понадобится ваша помощь. Антарктика – самая враждебная окружающая среда на белом свете. В этом климате чрезвычайно сложно поправить здоровье, зато очень легко погибнуть.

Пока Лекси говорила, Томас достал видеокамеру и принялся записывать ее инструктаж. Также, пока шло наставление, Адель Руссо – высокая, эффектная женщина с шапкой светлых волос на голове и телосложением амазонки – начала раздавать всем коммуникационные устройства. Тем временем техник компании Вейланда с демонстрационными целями разложил на палубе набор инструментов и снаряжения для холодной погоды.

– Поскольку у меня нет времени как следует вас обучить, я изложу три простых правила, – продолжала Лекси. – Правило первое. Никто никуда не ходит один. Ни-ког-да. Правило второе. Все поддерживают между собой постоянное сообщение. Правило третье. Неожиданное действительно случается. И когда оно случается, никто не пробует быть героем.

– У некоторых из нас это выходит непроизвольно, – со смешком сказал Миллер.

– Засохни, Пробирка, – рявкнул наемник Верхейден, указывая себе на щеку. – Когда какой-нибудь герой из твоей команды свое задание запарывает, ты получаешь вот такой шрам.

Лекси встала между ними.

– Если один из нас отстает, мы все идем за ним. Понятно? – отчеканила она, адресуя свой вопрос Верхейдену.

– Понятно, – сказали все. Верхейден промолчал.

Дальше Лекси обратила их внимание на идентичные ярко-желтые куртки «полартек», розданные всем научным сотрудникам и техникам. Она взяла одну куртку, вывернула ее наизнанку и прошла по кругу, чтобы все смогли хорошенько посмотреть.

– То, что вы теперь носите, – это промышленного производства костюмы для холодной погоды. Наружный материал изготовлен из переработанных пластиковых бутылок из-под газировки, и он практически воздухонепроницаем. А внутренняя полипропиленовая подкладка уберет с вашей кожи пот, прежде чем влага замерзнет. Перчатки также изготовлены фирмой «Полартек». Они имеют капиленовую подкладку, которая впитает умеренный объем пота, но ваши ладони будут много потеть, а потому всегда носите с собой дополнительную пару. Эта одежда – самая лучшая из всех. А потому, если вам уже сейчас холодно, просто постарайтесь привык-

нуть, потому что дальше станет еще хуже...

– Класс, – пробормотал Себастьян.

– Температура здесь регулярно опускается ниже минус сорока пяти градусов по Цельсию, а с ледяным ветром может стать вообще чуть ли не минус девяносто. – Остановившись перед наемниками, Лекси стала играть в гляделки с Верхейденом.

– Если слишком долго оставаться в неподвижности, вы замерзнете и умрете. Если слишком много трудиться, вы вспотеете, пот замерзнет, и вы умрете...

Она взглянула на Себастьяна и Томаса.

– Если слишком активно дышать, влага скопится в ваших легких. Она заморозит вас изнутри, и вы опять-таки умрете.

Лекси сделала паузу, чтобы все это усвоили.

– Ну вот. А теперь я хочу, чтобы вы осмотрели разложенное перед вами снаряжение. В ближайшие несколько минут мы пройдем его использование. На данный момент есть какие-либо вопросы?

Самодовольно улыбаясь, Свен, один из наемников, поднял руку.

– А правда, что вы были самой молодой женщиной, поднявшейся на Эверест?

– Нет, неправда.

Миллер толкнул Себастьяна локтем.

– Она была самой молодой, которая поднялась на Эверест без кислородного запаса... я в Интернете смотрел.

Группа разбрелась, когда отдельные ее члены стали проверять снаряжение, которое им предполагалось использовать, – ледорубы, палатки, печки, предохранительные пояса, термосы, неопреновые бутылки с водой и несколько видов аптечек первой помощи для разных заболеваний и травм.

Лекси подметила, что наемники, легко опознаваемые по паркам цвета хаки, решительно игнорировали снаряжение. Либо они были экспертами по выживанию в холодных климатических условиях, либо просто самонадеянными нагледцами.

Тогда Лекси подошла к Адели Руссо, которая чистила свой пистолет.

– За семь сезонов во льдах я ни разу не видела, чтобы пистолет спас чью-то жизнь, – начала Лекси.

Руссо подняла взгляд. Когда она заговорила, в ее голубых глазах светилось удовольствие.

– Я не собираюсь его использовать, – ответила блондинка.

– Тогда зачем брать его с собой?

Руссо пожала плечами.

– За тем же, зачем и презервативю. Лучше иметь его при себе, чем в случае необходимости сожалеть, что у тебя его нет.

Она сунула оружие за пояс и протянула руку.

– Меня зовут Адель.

– Лекси.

– Рада, что ты решила с нами остаться.

Лекси также пожала плечами.

– Просто не смогла вам всю забаву оставить.

Адель уже собиралась ответить, но тут раздался грохот наподобие взрыва. Корабль содрогнулся и дал бешеный крен на правый борт, бросая людей на палубу. Миллера отшвырнуло назад, к поручню. Он чуть было не перекувырнулся за борт, но Лекси, стоящая рядом с Аделью, вовремя успела его поймать. Миллер взглянул на нее сквозь толстые очки.

– Это уже входит в привычку.

Лекси откинула назад свои длинные волнистые волосы.

– Но это вовсе не значит, что я в вас души не чаю.

– О да, я знаю, мисс Вудс, хотя вы умело это скрываете.

Еще один мощный удар потряс «Пайпер Мару». На сей раз десятитонный гусеничный вездеход хагглунд, болтающийся на кране, завис у них над головами, точно дамоклов меч. Послышались удивленные и испуганные крики. Матросы заспешили на палубу задраить все водонепроницаемые люки, и среди них внезапно появился капитан Лейтон.

– Всем очистить палубу! – приказал он. – Мы вошли в паковый лед. Возвращайтесь в свои каюты и закрепите там все, что не приколочено. Как можно скорее...

Прочный стальной нос корабля снова ударился о паковый лед. Судно дало крен, прежде чем со скрежетом рвущегося металла пропахать льдину. Миллер и Томас заметно встревожились.

– Не о чем беспокоиться, – объявил капитан Лейтон. –

Этот корабль по названию и по природе своей ледокол. А потому он может с этим справиться.

Когда палуба была очищена от всех членов команды, кроме жизненно необходимых, капитан Лейтон стал взбираться по надстройке, пока не добрался до капитанского мостика. За штурвалом стоял старпом, а рядом с ним – Максвелл Стаффорд и Чарльз Вейланд. Все они изучали данные, выдаваемые навигационной системой.

– Держимся твердо на пяти узлах, сэр.

– Очень хорошо, Гордон.

Чарльз Вейланд подошел к шкиперу.

– Сколько еще до земли?

Лейтон взглянул на наручный хронометр.

– С такой скоростью не более двух часов. Вейланд кивнул, сжимая зубы.

– Давай подготовим наших людей, Макс. Я хочу высадиться сразу же по прибытии.

Два часа спустя «Пайпер Мару» бросил якорь в тени темной горы. Через считанные минуты ледяное полотно уже замерзло вокруг неподвижного корпуса ледокола. Подсобники засуетились на палубах, и кран снова был запущен в работу, поднимая гусеничные вездеходы и опуская их на паковый лед.

На мостике капитан Лейтон привлек внимание Чарльза Вейланда к видневшимся трем отдаленным горам, серо-буromу пятну со снежной шапкой, сияющей белизной, и зали-

той лунным светом местности.

– Ближайшая из них – пик Олафа. Китобои также прозвали его Полосатиком. По сравнению с горным массивом Винсона или Эребусом особо не впечатляет, но китобои использовали Полосатик в качестве навигационного маяка в те дни, когда это ремесло еще было прибыльным.

Вейланд пригляделся сквозь линзы облегченной, высокоэффективной системы усилителя пассивного изображения. Эти армейские защитные очки ночного видения обращали антарктические сумерки в белый день.

– В тени той горы вы найдете нужную вам китобойную стоянку, – продолжил Лейтон. – Сожалею, что не могу подвести вас поближе, но там уже слишком мелко.

Вейланд внимательно приглядывался, пока не различил кучку строений в нескольких милях от подножия горы. Китобойная стоянка находилась, по меньшей мере, в десяти милях от корабля – слишком далеко, чтобы различить детали.

– Вы уже сделали достаточно, капитан, – сказал Чарльз Вейланд. – Только без нас домой не отправляйтесь.

ГЛАВА 9

В пятистах милях над островом Буве

Хищники уже проснулись и всюю занимались делом.

Совершенно обнаженная, их бледная и пятнистая плоть все еще поблескивала после погружения в бассейн с первичной слизью. Пять мощных существ с важным видом расхаживали по капитанскому мостику звездолета; глаза их светились природным разумом.

Всюду вокруг них мерцали компьютерные мониторы. Красные, зеленые и лиловые энергетические импульсы расцвечивали зал. Голос кибернетического мозга – непрерывное шипение, точно у озлобленной гремучей змеи, – приветствовал своих хозяев бесконечным потоком данных. Самой заметной деталью капитанского мостика было, однако, широченное окно, из которого открывался завораживающий вид на планету Земля.

Представая силуэтом на фоне мерцающей внизу сине-зеленой планеты, одна из фигур пробежала когтем по прозрачной панели управления. Тотчас же со свистящим хлопком герметичная часть стены открылась, являя на свет комплекты бронированных доспехов, пять демонических лицевых

масок, массу разнообразного оружия и несколько короткоствольных ручных орудий.

Без единого слова существа снарядились для неминуемого сражения.

Двигаясь с механической эффективностью, Хищники обернули гибкой кольчужной сеткой свои бледные мускулистые руки и широкие бочкообразные торсы. Затем была пристегнута сегментированная боевая броня, покрывшая толстые узловатые руки и мощные ноги. Дальше наступил черед армированных сапог и нагрудников. После этого объемистый механизм был прикреплен к предплечьям каждого существа как раз под локтевым суставом. Схожее устройство было пристегнуто к их правым запястьям.

Одно из существ проверило механизм. Посредством простого взмаха жилистой руки длинное телескопическое лезвие – кривое и бритвенно-острое – с легким щелчком было развернуто. Грозный охотник попробовал отточенный край лезвия, затем удовлетворенно крикнул.

Дальше к плечевой броне был прикреплен хребтообразный ранец со встроенными силовыми кабелями и лафетом для плазменной пушки. Затем были надеты плоские и тяжелые лицевые маски. Все маски были разными, но каждая при этом полностью закрывала лицо ее владельца – не считая горящих глаз и болтающихся по сторонам дредов с металлическими наконечниками.

Наконец, к левой кисти каждого Хищника был пристегнут

компьютер. После активации жидкокристаллический дисплей вспыхнул, и в тот же самый момент сегментированная броня с внезапным шипением оказалась герметично задрена. Внутренности доспехов заполнил жаркий и влажный воздух – атмосфера, имитирующая климатические условия родины Хищников.

Когда доспехи встали на место, охотники подобрали себе оружие – длинные складные копья с зазубренными наконечниками и кривые обоюдоострые кинжалы с ручками из слоновой кости. В специальных зажимах на их сияющих нагрудниках хранились складные метательные диски, которые при броске разворачивали втягивающиеся коварные лезвия. Могло показаться странным, что Хищники оставили грозные плазменные пушки на стойках, обзаводясь вместо этого лишь куда менее совершенной, почти примитивной амуницией.

Только одно существо выбрало высокотехнологичное оружие – крепящийся к запястью сетевой пистолет. Но и оно уравновесило этот выбор незатейливым кривым клинком, сработанным из какого-то костного вещества, твердого, как алмаз.

Завершив все приготовления к охоте, Хищники гуськом зашли в сравнительно небольшой ритуальный зал и почти-точно опустились на колени, поклоняясь колоссальному, затейливо вырезанному из камня изваянию свирепого бога-воителя. Божество это метало грома и молнии вместо оружия,

подобно некоему могучему инопланетному Одину.

Пока Хищники склонялись перед своим варварским божеством, на экране главного компьютера капитанского мостика появился исполосованный атмосферными помехами образ. Это было данное в режиме реального времени изображение парада вездеходов, что тащились по широкому ледяному простору.

ГЛАВА 10

Антарктический паковый лед, в семи милях к северу от китобойной стоянки на острове Буве

Пять гусеничных хагглундов, за которыми следовали две мобильные буровые платформы, растянулись в длинную процессию на неровном паковом льду. Лекси ехала в первой машине, ядовито-оранжевом хагглунде, помеченном вездесущим логотипом компании Вейланда. Представляя собой едва ли намного больше кабины, водруженной на гусеницы танка, всепогодный пассажирский вездеход норвежского производства обеспечивал самый эффективный способ передвижения у Южного полюса, а его просторные окна давали пассажирам превосходный обзор.

Рассматривая первозданную красоту сурового, залитого лунным светом пейзажа, Лекси прижималась щекой к холодному плексигласу, тем самым, позволяя полярной стуже просачиваться в нее. Таким способом Лекси приспособливалась к тяжелым климатическим условиям, с которыми ей очень скоро предстояло столкнуться.

– Белая пустыня, – объявил Свен.

Сидящий рядом с ним Верхейден кивнул в знак согласия.

Разочарованная их способностями к наблюдению, Лекси покачала головой. Требовалось всего лишь открыть глаза, и тогда сразу становилось очевидно, что Антарктика обладает столь же богатой экологией, что и любой другой континент планеты Земля. Эта суровая, кажущаяся враждебной окружающая среда на самом деле кишела разнообразной флорой и фауной, и большую ее часть легко было увидеть, если только дать себе труд хорошенько приглядеться.

Менее чем в пяти милях от этой точки в океане выделявали кульбиты финвалы, кашалоты и горбатые киты. Дюжина разных видов пингвинов благоденствовала вдоль побережья вперемешку с морскими слонами и котиками. Альбатросы, поморники, чайки и буревестники носились по небу, выхватывая из промоин рыбешек и мелких морских рачков.

Наемники, а также люди вроде Чарльза Вейланда или даже этого бандита Куинна, все они представляли себе природный мир как нечто, требующее разработки, дрессировки или эксплуатации, а не заботы и сохранения.

– Мы примерно в семи милях от стоянки, – объявил сидящий за рулем Максвелл Стаффорд, прерывая раздумья Лекси. Рядом с ним Чарльз Вейланд кутался в свою куртку.

Себастьян привлек внимание Лекси к полной луне. Она висела так низко, что ее практически можно было достать головой.

– Знаете, как называли такую здоровенную луну в Сицилии, где я рос?

Лекси помотала головой.

– Луна Охотника.

Двадцать минут спустя ведущий хагглунд прикатил к вершине снежного подъема и остановился у края китобойной стоянки. Один за другим к нему подтянулись другие вездеходы, переводя моторы на холостой ход. Вейланд открыл дверцу, наполняя кабину потоком морозного воздуха. Максвелл заглушил мотор и последовал за ним. Пока высаживались остальные, пошел непрерывный снег.

– Вот она, – объявил Вейланд.

Себастьяну де Роса заброшенная китобойная стоянка девятнадцатого столетия напомнила один из городов-призраков на Диком Западе, который он навещал, проводя там раскопки. Строго функциональные деревянные строения были возведены из одной и той же просмоленной, грубо обтесанной древесины. Там имелись столбы для привязи, главная улица с несколькими крупными зданиями и более мелкие лачуги на разных стадиях обветшания.

Различие заключалось в том, что здесь песок и сорняки сменились снегом и льдом. Крытые дранкой крыши провисли от десятилетиями скапливавшегося на них снега. Трехметровые сугробы собрались между зданиями и почти скрыли некоторые из меньших, более ветхих лачуг.

Однако самой злобещей казалась темная завеса. Китобойная стоянка была построена у подножия горы, и в это вре-

мя года мрачная тень постоянно падала на заброшенный город-призрак. Двигаясь по городку, Себастьян и Миллер испытывали искушение воспользоваться для освещения главной улицы своими фонариками.

– Здесь совсем как в тематическом парке, – заметил Миллер.

– Да, – согласился Томас. – «Мир Моби Дика».

Пока остальные осматривали окрестности, Томас заприметил Адель Руссо. Женщина прикурила сигарету и сделала глубокую затяжку.

– Привет, – сказал Томас.

Наемница сделала еще затяжку и ничего не ответила.

– Признайся честно, – стал приставать Томас. – Ведь ты малость разочарована, что тебе такой желтой куртки не дали?

Адель повернулась к нему. На ее лице не было ни намека на улыбку.

– Желтые куртки только молокососам дают. Когда ты свалишься в трещину и подохнешь, так нам твой труп будет легче найти.

Томас с трудом сглотнул, кивнул и двинулся дальше.

– Рассредоточьтесь! – поверх завывания ветра выкрикнул Максвелл. – Выясните, какие строения меньше всего повреждены. Мы будем использовать это место как базовый лагерь. На таком ветру наши палатки долго не простоят. – Затем Стаффорд повернулся к подсобникам: – Мистер Куинн.

Как только станет возможно, вы сразу же начнете буровые работы.

– С радостью.

Лекси миновала Куинна и пошла дальше по тенистой главной улице. Миллер и Себастьян догнали ее у заброшенной гавани. Там был ветхий док и длинная пристань, что тянулась в бухту. Однако сама бухта наглухо замерзла.

Гигантский черный котел, установленный на высоком утесе, нависал над гаванью. Выкованный из железа, имеющий пять метров в высоту и десять в ширину, он клонился под безумным углом. Почти все деревянные подпорки резервуара давным-давно сгнили и рухнули. Только лед со снегом да одна-единственная подпорка не давали тяжелому железному котлу сверзиться с утеса вниз, в бухту.

Себастьян задумался о его назначении.

– Ведьмин котел?

– Это сепаратор, – ответила Лекси. – Туда бросали китовый жир, грели и отделяли ворвань. Китовый жир был тогда предметом большой торговли. Почти как сейчас нефть.

Пока Миллер открывал дверь и заходил в одно из строений, Себастьян осторожно подобрался к краю полуразрушенного причала, проверил толщину льда и спросил:

– А как они подводили сюда корабли?

– Эта стоянка работала только летом, когда таял паковый лед. Она была заброшена в тысяча девятьсот четвертом году, – ответила Лекси.

– Почему?

Она помрачнела:

– Надо полагать, не на кого стало охотиться.

Затем Лекси нашла прислоненный к столбу на пристани деревянный гарпун и попыталась его поднять, но не смогла. Гарпун намертво примерз к земле.

Тем временем внутри одного из самых крупных зданий Миллер обнаружил замерзшую столовую. Длинные деревянные столы и грубо обтесанные скамьи сплошь покрывал толстый серовато-голубой лед. Металлические чашки и миски, а также вилки и ложки из китовой кости и даже кофейник примерзли к тем самым местам, где их оставили сотню лет тому назад.

Миллер энергично попытался поднять одну из чашек. Раздался металлический треск, и ручка оказалась у него в руке, а чашка осталась на столе. Ухмыляясь, химик отступил назад и поднял фотоаппарат.

– А ну-ка для «Национального географического журнала»!

Когда последовала вспышка, внезапный свет растревожил нечто в дальнем углу помещения. На долю секунды Миллеру почудилась блестящая черная фигура. Затем там что-то задвигалось, и он услышал странное поскребывание, словно клешни какого-то невероятно крупного насекомого торопливо царапали дощатый пол.

– Эй! – крикнул Миллер в сторону теней. Звук прекра-

тился, но Миллер теперь чувствовал, что он в столовой не один – там что-то такое было.

– Эй!

На сей раз, Миллер крикнул громче, и голос его заметался по столовой. Он напряг слух, но ничего не услышал. Тогда он повернулся к выходу – и тут поскребывание возобновилось. Теперь шум уже казался ближе.

Чувствуя легкую тревогу, Миллер расправил грудь и бухнул по ней кулаком.

– А ну выходи оттуда, не то я тебе глаз на жопу натяну! – выкрикнул химик, неплохо имитируя рокочущий голос Верheyдена.

Шум прекратился.

Дернув кадыком, Миллер с трудом сглотнул. Внезапно один из столов отпихнуло в сторону что-то ниже уровня глаз. Миллер сделал шаг назад и – с кем-то столкнулся. Крепкая рука упала ему на плечо.

– АЙ! – взвизгнул химик, выбрасывая руки вверх.

– В чем проблема? – крикнула ему в ухо Лекси.

– Там что-то такое есть!

Лекси с сомнением на него взглянула.

– Что? Где?

– Вон там... – Миллер указал на упавший стол.

Лекси вгляделась в сумрак, и луч ее фонарика стал прощупывать самые темные уголки столовой.

– Слышите? – прошипел Миллер.

Лекси слышала. Легкое поскребывание, вроде как ногтями по классной доске. Что-то ползло по покрытому льдом полу, что-то достаточно небольшое, чтобы оставаться незамеченным под столами и между скамьями.

И оно все приближалось...

– Осторожно, Лекси! – воскликнул Миллер.

Внезапно черная фигура выбралась из-под стола под сопровождение уже знакомого поскребывания. Лекси направила на существо фонарик.

– Боже мой, Лекси! – вскричал Миллер и съежился.

– Это пингвин! – сказала она, едва удерживаясь от смеха.

– Я вижу, что это пингвин, – смущенно ответил химик. –

Я подумал, что это может быть... гм...

Пингвин вразвалку проковылял к Миллеру и, наклонив голову, уставился на него одним, похожим на бусинку, глазом.

– Осторожно, – предупредила Лекси. – Они щиплются.

ГЛАВА 11

Китобойная стоянка на острове Буве

Выйдя из столовой, Лекси и Миллер услышали чьи-то крики.

– Сюда! Вы просто глазам своим не поверите!

Кричал Себастьян. Заслышав его, Куинн и его напарник Свен бросили свое занятие. Вейланд тоже туда поспешил, а Максвелл Стаффорд держался рядом.

Лекси внимательно следила за миллиардером, пока тот двигался по покрытому снегом льду. Она тут же отметила, что движется он с трудом. Вейланд тяжело дышал и всей тяжестью опирался о лыжную палку. Тем не менее, когда он заговорил, голос его не потерял ни капли своей энергичности.

– Что там, доктор де Роса?

Себастьян провел их всех за угол обветшалой фабрики по обработке китового жира. Во льду там зияла трехметровая дыра. Если у этого идеально круглого провала и было дно, то оно терялось далеко во мраке.

Вейланд озадаченно взглянул на Куинна, затем на мобильные буровые платформы, которые подсобники все еще распаковывали и собирали.

– Откуда, черт побери, здесь это взялось?

Куинн опустился на одно колено и осмотрел провал.

– Пробурено под идеальным углом в сорок пять градусов.

Он стянул объемистую перчатку и провел ладонью по краю шахты. Ледяные стенки были совершенно гладкими на ощупь, почти отполированными.

Лекси пригляделась поверх плеча Куинна.

– А как глубоко эта шахта идет?

Свен зажег осветительный патрон и швырнул его в провал. Многие секунды все наблюдали за тем, как патрон отскакивает от стенок, пока фосфоресцентное свечение, наконец, не поглотила тьма.

– Бог мой, – негромко вымолвил Вейланд.

Максвелл Стаффорд взглянул на доктора де Роса:

– Нас здесь ждут?

Взмахом руки Вейланд отмел это предположение.

– Должно быть, это другая группа. Не только у меня есть спутник над Антарктикой. Быть может китайцы... или русские...

– Не уверена, – сказала Лекси, вглядываясь в бездну.

– Какое еще здесь можно найти объяснение? – продолжал настаивать Вейланд.

Лекси оглядела город-призрак и голые ледяные поля вокруг него.

– Где их базовый лагерь? Где их оборудование? И сами они где?

Максвелл Стаффорд пожал плечами.

– Возможно, они уже внизу.

Куинн снова встал на колени, изучая входное отверстие шахты.

– Посмотрите на лед. Тут нет никаких неровностей, никаких отметок от бура. Стены идеально гладкие – эту шахту не бурили.

– Но как тогда ее сделали? – спросила Лекси.

Куинн посмотрел на молодую женщину.

– При помощи какого-то теплового оборудования.

Вейланд кивнул.

– Вроде вашего.

– Более совершенного, – возразил Куинн. – Невероятно мощного. Никогда ничего подобного не видел.

Куинн включил фонарик и направил луч на строение рядом с шахтой. Большая круглая дыра зияла в прочной деревянной стене. Внутри строения также была расплавлена металлическая аппаратура. Как явствовало из траектории, то же самое, что проделало шахту, пробило и дыру в здании.

– Я уже сказал, что не только у меня есть спутник. Это должна быть другая группа, – сказал Вейланд. Затем он взглянул на Куинна. – Но кто бы это ни был, их оборудование лучше нашего.

– Послушайте, – отозвался Куинн, подходя к миллиардеру. – Тот, кто это выполнил, пронзил паковый лед, здание, прочные бревна и металлические машины. Прежде чем дви-

немся дальше, мы должны выяснить, как это было проделано.

Максвелл Стаффорд впился глазами в Куинна.

– А я думал, вы самый лучший специалист.

Куинн оцетинился. Он приосанился, откровенно бросая вызов Стаффорду:

– Я и есть самый лучший.

Вейланд обошел Куинна и уставился в шахту.

– Они должны быть внизу.

Лекси изучала лед у самой горловины.

– Нет. Взгляните на лед. Нет никаких неровностей... вниз никто не спускался.

Вейланд нахмурился.

– Когда спутник «Большой орел» снова здесь пройдет?

Максвелл Стаффорд взглянул на часы.

– Прошел одиннадцать минут тому назад, сэр.

– Свяжись с Нью-Мексико. Добудь мне эти данные.

Пока Максвелл делал запрос материалов со спутника, Куинн подогнал к шахте один из хагглюндов и направил туда его фары.

Миллер и несколько подсобников собрались у самого края, желая получше рассмотреть, но Коннорс их отогнал.

– Не хватало еще, чтобы кто-нибудь туда свалился. Потом вас оттуда вынимай.

Вейланд стоял, привалясь плечом к вездеходу, когда там снова появился Максвелл Стаффорд. В руках у него бы-

ли компьютерные распечатки и изображения со спутника. Максвелл разложил бумаги на капоте хагглунда. Куинн, Себастьян, Лекси, Миллер и Верхейден собрались вокруг них.

– Вот она, ясно как день, – сказал Вейланд, указательным пальцем прослеживая красную линию, идущую по всей карте прямиком к взаимосвязанным квадратам. – А вчера в это же время?

Макс развернул вторую распечатку. Вейланд ее изучил.

– Ничего.

Себастьян с прищуром воззрился на карту.

– Значит, эта шахта была проделана за последние двадцать четыре часа.

– Это просто невозможно, – сказал Куинн.

– Ну, возможно или нет, а она вот проделана, – резонно парировал Себастьян.

Двое мужчин уставились друг на друга, и на загорелом лбу Куинна взбухла синеватая вена.

– Говорю вам, нет в мире такой бригады и такой машины, которая бы за двадцать четыре часа на такую глубину пробила.

Чарльз Вейланд встал между ними:

– Единственный способ точно все разузнать, это спуститься туда и выяснить. – Затем Вейланд повернулся к остальному отряду. – Итак, джентльмены, – сказал он достаточно громко, чтобы все слышали. – Похоже, мы можем ввязаться в гонку. Если это состязание, то проигрывать его я не наме-

рен...

Тут Вейланд закашлялся. А затем согнулся пополам. Спазмы терзали его тело. Максвелл держал его за плечи, пока Вейланд подавлял приступ и восстанавливал дыхание.

– Ладно, за работу. Я хочу узнать, что там внизу. И узнать я это хочу в ближайшие несколько часов. – Голос Вейланда ослаб, но глаза все так же горели.

Ковыляя к дверце одного из хагглундов, миллиардер потянулся и сжал руку Максвелла.

– За второе место здесь призов не дают, – прохрипел Вейланд. – Понимаешь, Максвелл?

Максвелл кивнул только раз.

– Мои люди готовы, сэр.

Зона вокруг шахты активно бурлила деятельностью. Туда пододвинули еще хагглунды, и их фары преобразили нескончаемый мрак в ясный день. Бригады подсобников разгружали мотки веревок, а сложная система блоков и лебедок, водруженная на металлическую треногу, была смонтирована у самого жерла шахты.

Лекси как раз вбивала в лед крюки, когда туда прибыл Миллер, волоча за собой тележку с аппаратурой для химического анализа.

– Что вы делаете? – поинтересовался он.

– Страхочные линии налаживаю, – ответила Лекси. – Вниз путь далекий... а терять я никого из вас не хочу.

Распаковывая свою аппаратуру, Миллер снял шерстяную шапочку и почесал голову.

– Шапочку обратно наденьте.

– Что?

– Шапочку, говорю, обратно наденьте.

– Она чесучая.

Опустив молоток, Лекси сделала паузу.

– Я как-то видела человека, который оба уха от обморожения потерял, – сухо сообщила она. – Когда ушной канал открыт в вашу голову можно на целый дюйм заглянуть – до самой барабанной перепонки.

Затем Лекси мило улыбнулась, сунула молоток в набор инструментов у себя на поясе и зашагала прочь. А Миллер в темпе натянул на уши шапочку.

Избегая подсобников, Лекси пересекла освещенную зону по пути к ведущему хаггунду. Она открыла дверцу и обнаружила внутри Чарльза Вейланда. Сидя там в одиночестве, он глотал кислород из переносного баллона. Когда Лекси залезла в вездеход, Вейланд снял прозрачную пластмассовую маску.

– Вы застали меня... врасплох, – смущенно прохрипел он.

Лекси закрыла дверцу и села рядом с ним.

– Насколько все скверно?

Вейланд обратил на нее запавшие от непрерывной боли глаза.

– Очень.

– В этой экспедиции нет места больным.

– Врачи говорят, что худшее уже позади.

Лекси покачала головой.

– Вы не очень хорошо умеете лгать, мистер Вейланд. Оставайтесь на корабле. Мы будем постоянно держать вас в курсе.

Пройдя в другой конец кабины, Вейланд спрятал кислородный баллон в ящик. Когда он снова обратился лицом к Лекси, часть прежнего огня уже вернулась в его глаза.

– Понимаете, – начал он, – когда вы заболеваете, вы начинаете задумываться о жизни и о том, какая память о вас останется. Знаете, что случится, когда я умру? Акции «Вейланд индастриз» упадут на десять процентов... может на двенадцать. Хотя я вполне могу себя переоценивать...

Вейланд снова опустился в кресло.

– Это падение цен на акции продлится примерно неделю – достаточно долго, чтобы совет директоров и финансовые круги поняли, что без меня им так идеально не справиться. Вот, в общем-то, и все. Сорок с лишним лет на этой земле – и нечем похвастаться.

Вейланд кивнул на деловитую суматоху за окном.

– Это мой шанс оставить наследство. Оставить свою отметку...

– Даже если это вас убьет?

Миллиардер потянулся и взял ее руку. Лекси ощутила слабое пожатие умирающего.

– Вы этого не допустите, – сказал он.

– Вы не можете идти, – возразила Лекси.

– Мне это необходимо.

Лекси вздохнула.

– Такие речи я уже слышала. Мой отец сломал ногу в двухстах с лишним метрах от вершины горы Ренье. Он вел себя как вы, отказываясь вернуться или позволить нам остановиться...

Ей пришлось сделать паузу, когда воспоминания снова всплыли, а вместе с ними и скорбь.

– Мы добрались до вершины и открыли бутылку шампанского. Я в первый раз пила шампанское со своим отцом на высоте без малого полутора километров... А по пути вниз у него в ноге образовался тромб, который дошел до легкого. Он четыре часа страдал. А потом, за двадцать минут до базового лагеря, умер. – Лекси смахнула слезу со щеки.

Вейланд тронул ее за плечо:

– И вы думаете, это было последнее, что он запомнил? Вся та боль? Или, быть может то, как он пил шампанское со своей дочерью на высоте полутора километров?

ГЛАВА 12

На борту ледокола «Пайпер Мару»

...Предупреждение всем кораблям в море... был объявлен прогноз погоды... флот Соединенных Штатов... шторм... опасные ветра...

Остальная часть радиопередачи была безнадежно искажена помехами. От досады старпом сорвал с себя коммуникатор и отшвырнул его в сторону. Затем он быстро прошел по капитанскому мостику к экрану радара. В тених фосфоресцирующей зелени монитор демонстрировал зловещую массу стремительно летящих грозовых туч.

Неожиданный поток ледяного ветра ворвался на мостик, и там появился капитан Лейтон. Снег прилип к его ресницам, засыпал плечи. Грубоватое лицо шкипера казалось мрачным, пока он приближался к старпому.

– Массивный грозовой фронт капитан, – начал старпом. – Шторм силой в двенадцать баллов идет напрямиком от этих чертовых гор.

Ветер уже колотил в окна, а снег налетал непрерывной белой завесой.

– Сколько у нас еще времени, Гордон?

– Шторм дойдет до нас чуть больше чем через час. И будет очень крутой.

– Как связь?

– С внешним миром... неустойчивая, – ответил Гордон. –

Но до пакового льда я могу добраться без особых проблем.

Лейтон нахмурился, затем кивнул.

– Свяжите меня с группой Вейланда. Мы должны их предупредить.

Китобойная стоянка на острове Буве

Куинн распахнул дверцу и высунул голову из работающего на холостом ходу хагглунда.

– Слушайте, люди. На нас идет шторм. И очень большой. Если хотите все это дело сохранить, как следует привяжите.

– Проклятье, босс! Ты шутишь?

– В чем дело, Райхел?

– Дело в Пробирках, – ответил тот. – Мы уже целую их компанию в эту дыру спустили. Что, если треногу сдует?

Куинн пожевал сигару.

– Черт. Тогда, надо полагать, долбаные Пробирки сами будут оттуда выбираться.

– Но Вейланд тоже внизу. И этот англичанин Стаффорд. И Коннорс с ними отправился.

Куинн изрыгнул ругательство.

– Тогда тебе лучше как следует об этой ерундовине позаботиться. Собери команду и закрепи треногу. В темпе. Если придется, закрой горловину тоннеля «яблочной» палаткой. Тогда тренога, может и сдюжит. И пошустрее, черт побери... Если мы потеряем Вейланда, нам ни цента не заплатят!

Спускаясь на веревке вдоль ледяных стенок шахты, Лекси вынуждена была исполнять двойные обязанности. Она надзирала за спуском, что означало раскачиваться на своей страховочной веревке и убеждаться в том, что другие веревки не запутываются, а также что все десятка два людей, предпринимающих спуск, выдерживают взятый темп.

По-прежнему озабоченная физическим состоянием Вейланда, Лекси к тому же то и дело проверяла, как он там. По предыдущему опыту она знала, что никакой спуск не бывает легким, а этот вдобавок проходил фактически в темноте, при температуре более низкой, чем в морозильной камере. Она сомневалась, что Вейланд справится с задачей, однако пока что ему удавалось выдерживать темп остальной группы.

Активно толкаясь ногами, Лекси в очередной раз понеслась по стенке ледяного тоннеля к Вейланду. Там она немного покачалась, обретая равновесие. А затем наклонилась к самому уху миллиардера.

– Как дела?

Вейланд ухмыльнулся. Лицо его в резком свете нашлемного фонарика казалось Лекси очень бледным. Максвелл

Стаффорд проворно спустился Вейланду под бок, а вместе с ним двое здоровенных мужчин с бритыми головами и логотипами «Вейланд индастриз» на голубых, как лед, куртках «полартек». В руке у Стаффорда потрескивал суперсовременный приемопередатчик.

– Это Куинн. Говорит в нашу сторону идет шторм.

Вейланд повернулся к Лекси.

– А нас он как-то затронет?

– Мы в двухстах с лишним метрах подо льдом, мистер Вейланд. Куинн мог бы там хоть атомную бомбу взорвать, а мы бы ничего не заметили.

Лекси похлопала Вейланда по спине, затем спустилась чуть ниже по шахте, желая понаблюдать за успехами Миллера.

– Ну что, крутой спуск? – спросила она.

– Для нас, героев, сушая ерунда.

– Только держитесь подальше от стенок, – сказала Лекси. – Постарайтесь оставаться в середине шахты. Вы на лебедке. Пусть всю работу машина делает.

Химик показал ей поднятый кверху большой палец.

Лекси отцепилась от лебедки и пристегнула свои ремни к одной из страховочных веревок. Затем она стремительно спустилась, оказавшись метров на десять впереди экспедиции. Нашлемный фонарик освещал дорогу. Когда мрак стал слишком густым, Лекси достала из кобуры альпинистский пистолет и всадила крюк в ледяную стенку. Затем она пове-

сила там небольшую лампочку с батареей, чтобы остальным было легче ориентироваться.

До отметки в двести пятьдесят метров все шло вполне буднично. Затем, глядя на экран портативного компьютера, Вейланд вдруг почувствовал, что опускающая его веревка резко натянулась. Рывок был таким мощным, что его сильно ударило о ледяную стенку. Почти лишившись способности дышать, Вейланд попытался оттолкнуться от нее, но тут второй рывок порвал его пристяжные ремни, и миллиардер полетел вниз.

Максвелл Стаффорд потянулся поймать босса, но не успел и только закачался на своей страховочной веревке. Расположившийся ниже него Себастьян увидел, как мимо падает Вейланд. Он тоже попытался его поймать, но от резкого движения, а также получив портативным компьютером Вейланда по голове, беспомощно закрутился на конце веревки.

– Эй, внизу... Лекси, внимание! – заорал Себастьян.

Лекси вскинула голову и успела заметить, как вдоль противоположной стенки тоннеля несется Вейланд. Резко оттолкнувшись ото льда, она метнулась через провал и едва успела прижать Вейланда к стенке. Прежде чем он успел выскользнуть из ее хватки, Лекси всадила в стенку ледоруб и прижалась еще теснее. Они сцепились в объятии лицом к липу.

– Порядок?

Пытаясь восстановить дыхание, Вейланд лишь слабо кивнул.

– Спасибо вам, – сказала Лекси. Вейланд удивленно заморгал.

– Вы спасли мне жизнь... вы что, уже забыли?

– Да нет, не за это. За то, что вы сказали... о моем отце.

Трогательную сцену прервал ищущий их луч нашлемного фонарика Стаффорда. Спустившись на их уровень, Максвелл обнаружил, что Лекси по-прежнему липнет к стене, точно паучиха, а Вейланд зажат ее надежной хваткой.

В резком свете фонарика лицо промышленника казалось совсем бледным и осунувшимся. Вейланд пытался сделать вдох, и его рот широко раскрылся, точно у рыбы на песке. Сквозь два комплекта зимнего снаряжения Лекси ясно ощущала его сердцебиение.

– Может, передумаете? Еще не поздно вернуться.

Вейланд покачал головой и даже сподобился на улыбку.

– Когда вы так обо мне заботитесь, мисс Вудс? Даже думать не стану.

Тем временем Максвелл Стаффорд нажал на клавишу своего приемопередатчика и крикнул туда:

– Эй, Куинн, что у вас там за дьявольщина творится?

А наверху ключья изолирующей яблочной палатки – названной так из-за своей круглой формы и четко различимого на снегу ярко-красного цвета – попали в лебедку.

Куинн оттолкнул одного из подсобников в сторону и сам осмотрел механизм блока. Затем поднес ко рту приемопередатчик.

– Это все шторм, сэр, – начал он, перекрикивая ветер. – В лебедку мусор попал.

Затем Куинн подождал отклика. Долго ждать не пришлось.

– Хо-ро-шо, – гневно отчеканил Стаффорд. – Смотрите, чтобы больше такого не случилось.

Куинн опустил глаза на свои ботинки. Затем сплюнул и снова поднес приемопередатчик ко рту.

– Больше не случится, – пообещал он. Прервав связь, Куинн глухо прорычал: – У, засранец английский...

На борту ледокола «Пайпер Мару»

Снаружи, на узком мостике, капитан Лейтон оглядывал горизонт через сверхпрочные защитные очки ночного видения, произведенные «Вейланд индастриз». Свирепый ветер уже терзал ледокол, а на отдалении капитану было ясно видно, как снежная завеса – зеленоватая из-за цвета стекол очков – с ревом несется от пика Олафа к китобойной стоянке.

Большая часть острова Буве уже находилась во власти непогоды, однако у «Вейланда-35» имелась встроенная система геопозиционирования, которая вычисляла расстояния. Курсор бдительного дисплея высвечивал приблизитель-

ное местоположение стоянки, которая невооруженному глазу уже казалась погребенной под снежной лавиной.

– Плохи дела.

Дверца распахнулась, и Гордон высунул голову с капитанского мостика.

– Капитан Лейтон? Думаю, вам лучше на это взглянуть.

Лейтон прошел обратно на капитанский мостик и закрыл за собой дверцу. Старпом горбился над экраном радара, дожидаясь его.

– Что там? Шторм?

– Нет, сэр, кое-что еще. – Вид у старпома был встревоженный.

– Давай, сынок, говори, – потребовал Лейтон.

Старпом ткнул пальцем в экран радара, когда там снова появился тот сигнал.

– Я только что его засек, – сказал Гордон. – Он в трехстах милях отсюда, пеленг один-три-ноль. Чем бы он ни был, он движется со скоростью в семь махов.

– Что?

– Разгоняется до десяти махов, капитан.

Лейтон оттолкнул Гордона в сторону и уставился на экран радара.

– Это невозможно. Так быстро ничто не летает, ничто! Должно быть, это метеорит.

– Я так не думаю. – Затем Гордон вздрогнул. – По-моему... по-моему, он только что изменил курс... Да, он опре-

деленно изменил курс.

– Дайте мне новый пеленг, – приказал Лейтон.

Гордон сел за пульт радара и принялся стучать по клавиатуре, запрашивая данные. Казалось, навигационному компьютеру потребовалась целая вечность, чтобы выдать ответ. Когда же он, наконец, это сделал, Гордон поднял взгляд на капитана Лейтона. На лице у старпома читалась откровенная тревога.

– Объект менее чем в тридцати милях отсюда и приближается, – сказал он. – Направляется прямо к нам.

Капитан Лейтон рванулся к дверце, а старпом наступал ему на пятки. Оказавшись снаружи, капитан с прищуром посмотрел в сумеречное небо, пытаясь пронзить взглядом снежную пелену. Матросы на палубе что-то почувствовали и стали смотреть туда же, куда и шкипер.

– Ничего не вижу, – сквозь ветер крикнул Лейтон.

– Он должен быть прямо над нами...

– Смотрите! – крикнул один из матросов, указывая пальцем.

Что-то такое и впрямь летело с небес напрямиком к «Пайпер Мару». Явление это представляло собой некое высокоскоростное пятно, прорезающее низко висящие облака и оставляющее за собой след прозрачной ряби. Прямо на глазах у замороженной команды оптическое искажение вроде бы еще больше увеличило скорость.

Капитан Лейтон обеими руками вцепился в поручень.

– Держись! – крикнул он за долю секунды до того, как неопознанный летающий объект достиг их местоположения.

Пока загадочная штуковина приближалась, команда слышала странный электронный писк. Когда же объект пронесся у них над головами, его уже сопровождал мощный гул, который бил стекла и сдирал лед с надстроек. Испытав могучий удар воздушной волны, ледокол дал резкий крен на один борт, затем качнулся обратно. По всему кораблю, возвещающая о столкновении, завывли сирены, а несколько членов команды не удержались за поручень и полетели за борт.

В последовавшем хаосе палуба огласилась воплями боли и потрясения вперемешку с криками «Человек за бортом».

– Что это была за дьявольщина? – заорал один матрос.

Гордон не ответил. Вместе этого он внимательно оглядывал небо, пытаясь различить там любые признаки почти невидимого агрессора. Наконец его острый глаз заметил полосу, прорезанную в низко висящих свинцовых тучах.

– Он полетел к стоянке! – крикнул старпом.

Лейтон с трудом поднялся на ноги и уставился вдаль.

– Свяжись с Куинном.

Нисходящие ветра прокатывались по горе и обрушивали смертоносные удары на китобойную стоянку. Куинн напрягался под жестокими порывами шквала и острыми уколами налетающего снега, выкрикивая своим людям приказы, пока вконец не охрип.

Тут порыв ветра с такой чудовищной силой ударил по хаггунду, что чуть было не опрокинул тяжелый вездеход.

Куинн треснул кого-то ладонью по голове и чудесным образом снова обрел голос.

– Я же велел привязать эту машину!

Он сунул моток веревки в руки подсобнику и дал ему под зад, чтобы тот пошевеливался.

Тут под боком у Куинна появился Райхел и сунул ему в физиономию приемопередатчик.

– Тебя к трубке, босс! По-моему, это «Мару»...

– Думаешь?

– Не знаю, помех до черта.

Куинн бросил на своего напарника многозначительный взгляд типа «И что дальше?», после чего схватил приемопередатчик.

– Это Куинн! – завопил он, покрепче прижимая к уху коммуникатор. Оттуда донесся голос, явно настойчивый, однако сообщение было слишком обрывочным и невнятным. – Повторите! – проорал Куинн. – Я вас не слышу... не слышу... а-а, к черту! – Он сунул передатчик обратно Райхелу: – Положи его туда, где взял.

– Может, мне еще раз попробовать связаться с «Мару»?

– Не трать время. Лучше загони всех в укрытие. Мы заляжем и подождем, пока эта жуть пройдет, где-то через неделю шторм точно уляжется.

Куинн осмотрел затянутые снежной пеленой окрестности.

Его люди надежно привязали ко льду машины и оборудование. Мобильные буровые платформы также были закреплены. На треногу над горловиной тоннеля была наброшена палатка и крепко вокруг нее затянута.

От ярко-красных палаток экспедиции остались почти одни клочья, а потому Куинн направил своих людей в единственное доступное убежище – прочные деревянные строения, которые столетие тому назад защищали поколения китобоев.

– В здания! Все под крышу! – проревел он, хлопая перчатками. – Вперед, ребята! В темпе, в темпе...

Бригада поспешила найти себе убежище в древних строениях, а Куинн тем временем бросил последний взгляд на горловину шахты. На мгновение он задумался о том, как там Вейланд и Стаффорд.

А затем, когда Куинн повернулся спиной к шторму и вслед за подсобниками направился к китобойной столовой, невероятно крупный объект пронесся у него над головой, неслышно прорезая тучи и снежную пелену...

ГЛАВА 13

Над островом Буве

Совершенно невосприимчивый к обрушивающимся на него ветрам, почти невидимый звездолет парил в паре сотен метров над китобойной стоянкой. Огни святого Эльма заплясали вдоль его корпуса, когда маскирующее устройство отключилось.

Под сопровождение ряда глухих ударов пять блестящих металлических снарядов вылетели из утробы корабля Хищников. Точно гигантские пули, они вонзились в землю, и от каждого осталась глубокая воронка в твердом паковом льду. Энергетическое поле зарябило, а затем, с той же стремительностью, с какой корабль появился, он снова трансформировался в оптическое пятно. Выполнив свою задачу, звездолет неслышно нацелился в небо и унесся прочь.

На дне одной из недавно образовавшихся воронок загудел мерцающий стальной снаряд. Хотя вокруг него бушевали ураганные ветра, все равно можно было слышать громкое шипение выходящих оттуда газов.

Трещинка с волос толщиной появилась на гладкой поверхности снаряда в том месте, где раньше не проглядывало

никакого стыка. Пока трещинка расширялась, в земную атмосферу была выпущена новая порция фосфоресцирующего зеленого дыма.

Наконец снаряд раскрылся. Внутри него что-то зашевелилось – что-то живое.

Внезапно воздух был пронзен свирепым воем хищного зверя. Крик этот заглушил даже шумы ураганного ветра и снежного бурана...

ГЛАВА 14

В шестистах метрах под островом Буве

По контрасту с ураганной силы ветрами на поверхности на дне шахты, когда исследователи, наконец, его достигли, царила необыкновенная тишина. Все звуки – голоса, даже шаги – казались приглушенными, скорее подавленными собственным эхо, нежели усиленными. Лекси всегда находила любопытным это уникальное для глубочайших пещер Земли явление.

Вейланд уселся на свой рюкзак и склонил голову в попытке отдохнуть.

Тем временем Коннорс и здоровенный малый по прозвищу Датчанин при содействии нескольких техников компании Вейланда в вездесущих голубых парках распаковали запас переносных галогеновых ламп и принялись их монтировать.

Отступив в сторону от остальных, Лекси присела на корточки и провела ладонью по полу. Как и стены и потолок, он был изо льда. Из древнего льда ледникового происхождения, вероятно образовавшегося миллион лет тому назад. Это означало, что они находились внутри ледяной пещеры,

а не под земной корой.

«Спустились на шестьсот метров, – подумала Лекси, – а до твердой земли так и не добрались».

Затем она встала и сняла с пояса осветительный патрон. Миг спустя прохладная, мерцающая голубизна выхватила из темноты картину поистине неземной красоты. Выяснилось, что они не в пещере, а в гроте. Просторный зал был очерчен сталактитами и сталагмитами, будто хрустальными клыками в искрящейся стеклянной пасти. В этом свете решительно все переливалось и сверкало. Древний лед был прозрачен. Подобно сердцу бриллианта, он, казалось, испускал внутреннее сияние.

Себастьян охнул.

– Вот красотища!

– Лучше не скажешь, – подходя к нему, согласилась Лекси.

Впереди грот открывался в еще большее помещение, крышей которому служил теряющийся во мраке свод.

– Даже не понять, насколько велика эта пещера, – сказал Себастьян.

Лекси тронула его за руку.

– Между прочим, спасибо за бдительность. Там, наверху.

Себастьян ухмыльнулся.

– Ну, рассматривая Антарктику как самую враждебную окружающую среду на всем белом свете, я просто прикинул, что мы должны друг за другом приглядывать.

Лекси рассмеялась.

– Приятно узнать, что хоть кто-то уделил внимание моей лекции.

Максвелл Стаффорд опасливо смотрел во тьму по ту сторону грота.

– Давайте-ка эти лампы зажжем.

– Сию секунду, босс, – отозвался Коннорс.

– А как там те провода?

Датчанин ухмыльнулся.

– Сверху никто к нам не обращается, но генератор по-прежнему фурычит. – Он дотронулся одним проводом до другого, и между ними пробежала искра. – С проводами все о'кей.

– Хорошо, – сказал Макс. – Тогда давайте их подключать.

Чарльз Вейланд встал и прошелся по гроту. Спуск оказал свое пагубное действие на ослабленное здоровье этого человека. Плечи его совсем поникли. Таким вялым и изможденным Максвелл еще никогда его не видел – даже в самый худший период курса химиотерапии.

– Не понимаю, – задыхаясь, вымолвил Вейланд. – Никакого оборудования. Никаких признаков другой группы...

– Надо думать, этот тоннель не сам по себе появился.

– Есть контакт! – воскликнул Коннорс. Максвелл кивнул:

– Тогда давайте свет.

Внезапно сложная система галогеновых прожекторов ожила. На несколько секунд неожиданное сияние и перемиги-

вающиеся отражения ото льда всех их ослепили. Отчаянно щурясь, Лекси первой отняла ладонь от глаз.

– Боже мой!

Себастьян, обратившийся спиной к свету, развернулся обратно, услышав реакцию Лекси, и был мгновенно заморожен.

– Это потрясающе! – воскликнул Миллер. – Бесподобно...

Над ними высилась массивная пирамида. Вершина ее касалась потолка пещеры. Структура имела гладкие стороны, по одной из которых вверх бежала длинная лестница из сотен ступенек. Себастьяну тут же стало очевидно, что эта пирамида – крупнейшая из всех, доселе обнаруженных, вдвое превосходящая грандиозную пирамиду Хеопса в Гизе.

Себастьян подался вперед, буквально пожирая глазами каждый квадратный сантиметр чудесной структуры. Поверхность пирамиды казалась нетронутой и незапятнанной, хотя сосульки, свисавшие с каменных блоков, скрывали некоторые детали. Гладкие резные ступеньки – все до единой мерцающие от ледяного покрова – вели к плоской вершине. На этих ступеньках даже с такого расстояния виднелись пиктограммы, и Себастьян немедленно заключил, что эти письмена не являются ни египетскими, ни доколумбовыми в то же самое время смутно напоминают и те и другие.

– Это просто... – Томас осекся.

– Невозможно?

– Поразительно, Себастьян, – негромко сказал Томас. –

Просто поразительно.

Лекси положила руку Вейланду на плечо.

– Мои поздравления. Похоже, в конечном счете, вы все-таки оставите свой след на Земле.

Вейланд кивнул и, несмотря на свои страдания, сумел наградить Лекси широкой улыбкой.

– Смотрите! – крикнул Себастьян. – Там, дальше во льду. Целый храмовый комплекс! Соединенный церемониальной дорогой. Общий дизайн представляется амальгамой ацтекского, египетского и камбоджийского... но эти иероглифы... думаю, они отражают все три языка.

Томас изумленно поднял брови.

– А такое возможно?

– Вот оно, здесь. – Затем Себастьян указал на пирамиду. – Похоже, там, у самого основания, есть вход.

Вейланд вышел вперед и обратился лицом к исследователям.

– Спасибо вам за все, – сказал он, и в голосе его прозвучала удивительная энергия. – Давайте делать историю!

Пока Максвелл давал Коннорсу и Датчанину указания позаботиться о базовом лагере, остальные собрали оборудование – в основном фонарики, светильники и осветительные патроны, но также камеры, хронометры и компасы, комплекты миллеровской аппаратуры для химического и спектрального анализа, дополнительные кислородные баллоны для Вейланда, походную аптечку, массу фляг и даже несколько

продуктовых наборов.

Выйдя из грота, группа направилась по широкой и неровной ледяной равнине, что тянулась до основания пирамиды. По пути слышался только глухой звук их шагов. Он казался жалким и незначительным, и необъятная ледяная пещера тут же его поглощала.

В дороге Лекси стало ясно, что Вейланд все больше слабеет. Максвелл нес с собой дополнительные кислородные баллоны, к которым Вейланд то и дело прикладывался. При ходьбе промышленник почти все время опирался о лыжную палку, но, когда они пересекали несколько коварных участков, ему приходилось обращаться за поддержкой к Стаффорду.

Короткая церемониальная лестница – из тринадцати ступенек, отметил Себастьян, – вела к зияющему входу в пирамиду. Дверной проем был несколько узок, но при этом очень высок. Дальше в пирамиду вел длинный коридор, на стенах которого было выгравировано куда больше иероглифов, чем на внешней части строения.

Томас с Себастьяном водили по древним письменам своими фонариками и указывали друг другу на различные знаки, пиктограммы и завитки, обсуждая возможный перевод.

– Египетские иероглифы я узнаю, а вот две других строки – нет, – сказал Томас, указывая на три набора письмен, вырезанных в полу перед дверным проемом.

– Вторая строка ацтекская, доконкистадорской эпохи, –

объяснил Себастьян. – Третья камбоджийская. Напоминает смесь банту и санскрита.

Подняв голову, Себастьян обнаружил, что Лекси внимательно на него смотрит.

– Что, впечатляет?

Легкая улыбка тронула уголки ее полных губ.

– Возможно.

– Итак, вы были правы, – сказал Вейланд. – Эта пирамида действительно содержит в себе все три культуры.

– Именно так все и выглядит – отозвался Себастьян. – И это противоречит всем учебникам истории, какие когда-либо были написаны.

Томас опустил на одно колено и провел пальцами по резным пиктограммам.

– «Можете... избрать... войти». – Он еще раз задумался над переводом и потер шею. – Или, возможно: «Кто изберет может войти...»

– Совсем как древний коврик перед дверью, – заметил Миллер.

Себастьян сделал шаг вперед и воззрился на письмена.

– Какой невежда научил тебя так переводить?

Томас ухмыльнулся.

– Вы не поверите, но этот невежда очень похож на вас.

– Это не «избрать» и не «изберет», коллега... это «избранные», – заявил Себастьян. – «Только избранные могут войти».

Пока они так теоретизировали, Верхейден оттолкнул Томаса в сторону и двинулся внутрь пирамиды. При первом же шаге его ботинок опустился на причудливую каменную плиту, приводя в действие потайной механизм. Никто из группы этого не заметил, пока все переступали порог и направлялись вперед по коридору.

ГЛАВА 15

В самом мрачном сердце огромной пирамиды, куда исследователи еще не забрели, с хриплым рокотом пробудились inferнальные машины. Внутри обширного каменного зала, главное место в котором занимал центральный бассейн, покрытый клубящимися ледяными испарениями, глубоко из-под мгlistой поверхности исторглись звенящие отзвуки.

Шипастые, бритвенно-острые цепи выскочили из узких щелей в высоком сводчатом потолке и глубоко опустились в клубящийся призрачный туман над бассейном. Цепи болтались и лязгали, а затем вдруг до отказа натянулись, когда незримые лебедки потащили из бурлящего бассейна некий массивный объект.

Вначале появился длинный и изогнутый костяной гребень, украшенный волнистыми, изменчивыми контурами наподобие коралла. В этом костяном гребне имелись тонкие трещинки, как в древней слоновой кости. Его твердые рогатые края пронзали остроконечные крючья, приваренные к цепям. Безглазая продолговатая голова торчала из— под гребня.

С каждым поворотом незримых лебедек существо все больше приподнималось из бассейна. Затейливо очерченная голова покоилась на длинной сегментированной шее, закутанной в костяную оболочку и обмотанной неорганическими

на вид трубками. Шишковатый позвоночник существа был примерно той же длины, что и у малого полосатика, весь усеянный острыми, кривыми шипами.

Туловище защищала толстая выпуклость, которая сужалась к невероятно тонкой, почти до толщины хребта, талии и тазу.

Длинные черные трубки торчали из обоих боков существа, а тонкие жилистые руки, похожие на лапки насекомого, заканчивались кистью, которая жутким образом напоминала человеческую. В целом очертания представлялись стройными, изящными и совершенно кошмарными. Несмотря на колоссальные габариты – куда больше, чем у легендарного тираннозавра, – впечатляющее существо, судя по всему, обладало силой, стремительностью и ловкостью.

Очевидно, оно также было очень опасно. В добавление к зловещим на вид оковам, что пронзали его завуалированный гребень, локтевые и кистевые суставы монстра были обвязаны колючими цепями, а также и его ребра, ключицы и лопатки – все это в попытке обездвигнуть жуткое существо.

И было там кое-что еще.

Сквозь мглу проглядывала громадная машина с гротескной, почти органической наружностью. Шланги, полные замерзшей жидкости, изогнутые провода и трубки, напоминавшие куриные шеи, тянулись из этой машины и внедрялись в тело существа в сотне разных мест, будто какое-то дикое средневековое устройство для пыток. Большинство са-

мых толстых трубок группировалось у нижнего брюшка монстра, где, прямо под суженным тазом, сегментированный, почти прозрачный хвост полностью сливался с машиной в причудливом биотехнологическом симбиозе.

Пока существо все выше приподнималось над клубящимися испарениями, обнажались дополнительные оковы — ими была обвязана каждая оконечность. Когда цепи еще сильнее натянулись, руки монстра стали насильственно разводиться по сторонам, голова приподнялась в до странности царственное положение, а костяной гребень существа разошелся вокруг нее неподобающим существом нимбом.

Наконец цепи издали последний лязг и замерли. Распростершись в воздухе над бассейном, точно пойманный в полете огромный дракон, Матка Чужих застыла в неподвижности. Сосульки замерзшей слюны свисали с ее зубастых челюстей, а изморозный глянец покрывал черную шкуру, не позволяя различить, где кончается нечеловеческая плоть и начинается биомеханическое устройство.

Раздался резкий, внезапный щелчок, и лед на морде существа треснул. Ледяные шипы полетели в разные стороны, а за ними последовали большие куски, пока трещина расширялась, бросая все больше и больше льда в клубящиеся внизу испарения.

С диким свистом громадная пасть Матки раскрылась, обнажая вторичную ротовую полость внутри первой. Клыки твари заскрежетали, глотая воздух. Почти сразу же Матку

охватил пароксизм ярости, и она стала предпринимать попытки освободиться от неразрывных цепей, которыми ее сковали – конечности бились, зубы скрипели, цепи лязгали, пока существо мотало головой.

Эти усилия продолжались не одну минуту. Лед и горячая слюна летели во все стороны. Однако вскоре существо все же сдалось, вяло повисая на цепях. Матка Чужих выяснила, что, несмотря на свою необъятную громаду и сверхъестественную силу, в этом зале она всего лишь пленница, рабыня жестокого, пока еще безымянного господина.

Внутри биомеханического приспособления начала генерироваться энергия и заработали насосы. Электрические и химические импульсы передавались по мириадам трубок и проводов, тянущихся в самую глубь тела Матки Чужих, чтобы привести в действие специфические части анатомии монстра.

Нижнее брюшко Матки задрожало. Красная жижа бурлила и булькала под прозрачной кожей на хвосте. Покрытая панцирем плоть над тазом сокращалась в конвульсиях, и сгустки комковатой слизи хлынули на наклонный металлический желоб, соединявший механизм с длинным ленточным транспортером.

Первые роды были мучительными.

Матка билась, гремя цепями. Затем она с чудовищным усилием подняла голову, напряглась под продетыми в ее гребень крючьями и испустила тонкий пронзительный визг, от-

кривая мясистый клапан на внутренней поверхности хвоста и выпуская оттуда кожистый мешок. Покрытое слизью яйцо легко покатилося по желобу и оказалось затем в неглубокой каменной выемке.

Каменный блок для транспортировки яйца заскользил по колее с пазом, вырезанной в уступе, что тянулся вдоль стены к еще одной машине. Здесь из щели в стене вылезли механические манипуляторы, больше напоминавшие абстрактную структуру, нежели функционирующее устройство.

Мощный лазерный луч омыл яйцо, являя на свет его содержимое – недвижимого уродца. Затем машина с металлическим гудением отбросила яйцо, и оно продолжило свой путь по уступу, приближаясь к каменной двери, которая со скрежетом растворилась.

За той дверью редела печь, и ее свет наполнял зал адским, неестественным сиянием. Каменный блок доставил яйцо к этой печи, а затем скинул его туда.

Увидев, что ее яйцо уничтожается, Матка Чужих снова взорвалась неистовым всплеском активности, силясь порвать цепи и спасти свое обреченное потомство. Несколько минут спустя еще одно яйцо скатилось на ленточный транспортер. Затем его также отвергли и уничтожили. То же самое и с третьим.

Но когда было изучено четвертое яйцо, плавающая внутри него форма откликнулась, бешено колотя похожим на кнут хвостом. Еще одна пара механических манипуляторов

появилась из люка в стене, схватила яйцо с зародышем и унесла его прочь.

Матка Чужих снова попыталась порвать цепи, а затем выплеснула гнев и недовольство в вое настолько громком, что он зарокотал по всей массивной пирамиде.

ГЛАВА 16

Лекси помедлила во входном коридоре пирамиды, внимательно прислушиваясь. Она могла поклясться, что услышала тревожный вой, подобный крику дикого зверя. Затем она оглядела своих спутников, но больше никто как будто этого не заметил.

После секундного раздумья Лекси пожала плечами, решая, что ей просто померещилось.

– Пирамида идеально сохранилась, – подивился Томас. – Эти письмена столь же первозданны, что и в тот день, когда их только-только выгравировали.

– Никогда ничего подобного не видел, – пробормотал Себастьян. – Эти иероглифы, похоже, представляют собой некий гибридный язык, содержащий как ацтекские, так и египетские особенности. Возможно, это письмена Ура – утраченный и забытый язык, который стал прародителем всех человеческих языков.

Миллер уже достал свой набор для спектрального анализа и принялся за работу. Увидев цифровые показания на экране портативного компьютера, он удивленно заморгал.

– Цифры говорят о том, что этим камням, по меньшей мере, десять тысяч лет.

Себастьян покачал головой.

– Это невозможно. Проверьте еще раз.

– Я уже это сделал.

– Поразительно, – сказал Вейланд.

– Если вам это нравится, то вот это вы точно полюбите, – крикнула Лекси, размахивая фонариком, чтобы привлечь их внимание.

Она стояла у входа в угольно-черный коридор, который вел еще глубже в массивную пирамиду.

Вейланд заковылял вперед, постукивая лыжной палкой по каменным плитам. Себастьян и Томас с нетерпением на лицах подбежали к Лекси. Но, прежде чем они успели войти в тоннель, она махнула им рукой, призывая остановиться. Все наблюдали за тем, как Лекси кладет один стробоскопический источник света на пол позади себя, а другой – на резную каменную полку.

– Они будут гореть шесть часов. Мы сможем найти дорогу обратно.

Затем она повела их вперед – в короткий коридор, украшенный резными каменными перемычками и очерченный сложными пиктограммами. В конце этого коридора оказался очередной дверной проем – еще более впечатляющий, чем первый. Косяки с выгравированными на них тысячами иероглифических символов были обрамлены массивными колоннами с барельефами.

– Очевидно, это центральный ритуальный зал, – благоговейным тоном прошептал Себастьян. – Именно ради него и была построена вся эта структура.

Прощупывая тьму, их фонарики осветили гигантский каменный зал с высоким сводчатым потолком, что скрывался в тени. У стен располагались терракотовые колонны с выгравированными теми же самыми иероглифами. На полу располагались семь каменных плит на постаментах, на каждой из которых лежал мумифицированный труп. Мумии были циклично размещены головами друг к другу, как цветочные лепестки. В центре находилась резная каменная решетка. Под этой решеткой царил непроглядный мрак.

Вейланд коснулся холодной каменной плиты.

– Что это?...

– Жертвенные плиты, – ответил Себастьян.

– Совсем как у ацтеков и древних египтян. Тот, кто построил эту пирамиду, верил в ритуальные жертвоприношения, – объяснил Томас.

Лекси направила луч фонарика в сторону дальней стены – на груды человеческих черепов двухметровой высоты.

– Боже мой, – тихо прошептал Максвелл Стаффорд.

Миллер склонился над мумией.

– Она почти идеально сохранилась.

Подобно остальным, этот труп был заморожен и высушен суровыми условиями окружающей среды. Плоть и сухожилия по-прежнему липли к костям. Мертвец носил ритуальную накладку и ожерелье с самоцветами. Драгоценные камни и благородный металл тускло поблескивали под тысячелетней пылью. Хотя других ран, кроме дыры в самом низу

грудной клетки, у мумий не имелось, все черты лиц были искажены, а рты разинуты, словно бы в невыразимом страдании.

– Именно здесь они предлагали избранным божествам, – сказал Томас.

Миллер осторожно коснулся останков. Плоть была жесткой, а кости обызвествились почти до текстуры камня.

Тем временем Себастьян поводил фонариком по одной из каменных плит. Темные пятна виднелись на поверхности – немое свидетельство ритуальной бойни, что творилась в этом зале.

– Здесь должны были лежать только избранные, – сообщил он остальным. – Их никак не сковывали и не привязывали. Они по доброй воле шли на смерть... Это считалось честью.

– Вот счастливицы, – сказала Лекси. Затем она пробежала пальцами по округлой вмятине наподобие чаши у основания плиты. – Зачем эта чаша?

Себастьян пожал плечами.

– Мнения расходятся. Некоторые археологи считают, что сюда клали сердце после того, как вырывали его из тела... из тела живого человека.

Вейланд направил луч фонарика на каменную решетку в центре зала.

– Посмотрите!

Максвелл зажег осветительный патрон и бросил его вниз

сквозь решетку. Затем, присев на корточки, стал наблюдать за тем, как он падает. Все услышали, как патрон обо что-то ударился.

– Какая здесь глубина? – спросил Вейланд.

– Сложно сказать, – отозвался Стаффорд. Опустившись на колени, он прижал лицо к решетке. – Может, метров тридцать. Похоже, там еще одно помещение.

Вейланд прибавил яркости своему фонарику и поводил лучом по стенам. Луч высветил еще несколько груд человеческих костей. Многие скелеты были по-прежнему целыми.

Вейланд затаил дыхание.

– Здесь их, должно быть, сотни.

– По меньшей мере, – согласился Максвелл.

Всякий раз, когда Вейланд уходил от основной группы, Адель Руссо оставалась рядом с ним, держа ладонь на кобуре пистолета. Подобно остальным, она была не в силах справиться с изумлением и в ужасе смотрела на гору побелевших костей.

Затем Руссо исследовала грудную клетку одного из неповрежденных скелетов. Как и у мумий на плитах, в самом низу его ребер виднелась дыра.

– Что здесь происходило? – спросила она, просовывая палец в отверстие.

Томас пододвинулся к ней.

– Для ритуального жертвоприношения вполне обычным считается изъятие сердца жертвы.

Но женщина покачала головой.

– Сердце не там. Кроме того, похоже, что кости были выгнуты наружу. Из этого тела что-то выломали.

Тут Томас заприметил кое-что в груди человеческих останков. Затем он выпрямился и показал остальным свое мрачное открытие.

– Невероятно, – сказал Миллер. – И содержимое черепа, и позвоночник были удалены вместе.

При содействии Миллера Томас так повернул изъятый им из груди скелет, чтобы все смогли увидеть поврежденные ребра.

– Чистота работы... просто замечательная, – сказал Миллер, почесывая голову под шерстяной шапочкой. – Прямо сквозь кость. Никаких царапин. Такое тяжело проделать современными ножами – или даже лазерами...

Рассуждения Миллера прервал долгий и гулкий вой, словно бы мучили какого-то зверя. Звук тянулся несколько мгновений, прежде чем затихнуть.

– Вы слышали? – спросила Лекси, теперь уже уверенная, что раньше ей вовсе не померещилось.

– Быть может, воздух? – предположил Миллер. – Скажем, он так движется по тоннелям...

– Не знаю, – сказал Себастьян, озираясь. – Возможно...

Высматривая источник звука, Себастьян заприметил коридор с низким потолком, скрытый меж двух причудливых колонн. Направив луч фонарика во мрак, он все равно не

смог различить по ту сторону дверного прохода никаких деталей. Тогда, обойдя скелет, археолог двинулся, как он считал, к источнику звука.

– Вы что-нибудь видите? – прошептал Миллер.

Себастьян действительно что-то видел или так ему казалось. Он вынужден был низко пригнуться, ибо потолок прохода круто шел вниз. Затем археолог тщетно попытался высветить лучом фонарика самые темные углы крошечного, нагоняющего клаустрофобию зальчика.

Внезапно что-то плюхнулось Себастьяну на спину. Он попытался и упал навзничь. Издав сухой стук, тварь – тяжелая, бледно-белая, с множеством кривых лапок – приземлилась на каменную плиту рядом с головой археолога. Он почувствовал, как липкий, холодный хвост хлестнул его по лицу.

С диким воплем Себастьян откатился от твари в тот самый момент, когда Лекси поймала ее в луч фонарика.

– Что это за гадость? – лишившись всей своей легендарной невозмутимости, вскричал археолог.

Размером существо было примерно с шар для боулинга и порядком напоминало краба без клешней, хотя у него имелся длинный змееобразный хвост. Этот хвост был молочно-белым и тянулся на добрых полметра. Миллер низко склонился над тварью, тыча ее фонариком.

– Осторожней, – предостерег его Себастьян.

– Чем бы эта гадость ни была, она давно мертва. Кости уже обызвествились.

Лекси взглянула на Себастьяна, который все еще не совсем отошел от дикого испуга.

– Должно быть, вы сковырнули ее из трещины в потолке.

– Понятия не имею, сколько она там пробыла, но здешняя температура прекрасно ее сохранила, – сказал Миллер. – По моему, это что-то вроде скорпиона.

– Нет, – возразила Лекси. – Для скорпионов здесь слишком враждебный климат.

– Видели вы когда-нибудь что-либо подобное?

Лекси покачала головой.

– Наверное, это еще не открытый вид.

– Возможно, – ответила Лекси, но в голосе ее прозвучало сомнение.

С брюшка существа свисал твердый, окаменелый отросток, который больше всего напоминал Лекси засохшую пуповину.

ГЛАВА 17

Китобойная стоянка на острове Буве

Куинн совершал обход на предмет комфорта и безопасности членов своей бригады. Его люди расположились в грубом, неказистом строении, которое столетие тому назад служило домом китобоям. Часть подсобников сгрудилась вокруг яркого огня, полыхающего в каменном очаге. Проходя мимо, Куинн подбросил туда еще несколько обломков отжившей свой срок мебели.

Снаружи шторм по-прежнему бешено скатывался с горы, принося с собой непроглядную снежную завесу. Нисходящие ветра так свирепствовали, что струи морозного воздуха проникали сквозь щели в полуторавековой давности строение, отчего целые сугробы скапливались у дверей и под окнами.

Подсобникам по большому счету нечем было заняться, так что они просто сидели, стараясь сохранять свое тепло и не обращать внимания на непрерывный вой злобных порывов ветра. Кроме того, поскольку в последние двадцать часов поспать им не удалось, многие теперь решили поуютнее свернуться в своих спальных мешках и попытаться малость

покемарить.

Потому-то Куинн так и удивился, наткнувшись на пятерых членов «охранной группы» Вейланда, которые деловито распаковывали длинные деревянные ящики и снаряжались для нешуточной баталии. Куинн подметил, что у Свена, самого здоровенного из парней, на бицепсе имелась татуировка – орел и заросший ракушками якорь с эмблемы военно-морского флота.

– Какой такой дьявольщиной вы тут занимаетесь? – осведомился Куинн.

– Работу свою делаем, – ответил Свен. – Предлагаю и тебе, Куинн, своей заняться.

Сидящий возле него мужчина с поистине бычьей шеей по имени Клаус впился взглядом в Куинна, одновременно проверяя затвор короткоствольного пистолета-пулемета «хеклер-и-кох». В кобуре на поясе у Клауса имелся револьвер «дезерт игл», а к его сапогу был пристегнут финский нож.

Еще двое раздавали остальным оружие и боеприпасы, вынимая их из упаковочных ящиков. Они разговаривали друг с другом по-русски и не обращали ни малейшего внимания на бригадира подсобников.

Куинн сделал шаг вперед.

– А мне никто не говорил, что мы воевать собираемся.

Один из русских, по имени Борис, поднял взгляд и что-то сказал своему приятелю Михаилу. Оба заржали. Потом

Борис вставил в «хеклер-и-кох» магазин и пристально посмотрел на Куинна. Губы его постоянно кривились в жесткой полуулыбке, которая, впрочем, на остальное лицо не распространялась. Светло-голубые глаза русского были холодны как лед.

– А ты бы спросил, приятель, – без тени русского акцента сказал Борис.

Куинн обвел взглядом пистолеты, пулеметы, кевларовые бронежилеты и все такое прочее.

– Вы, ребята, должны хорошо знать, что по Антарктическому договору 1961 года любым государствам запрещается приносить сюда всякое военное дерьмо. Конечно, никто не станет возбужать из-за пары пистолетов или даже ружей, но вещишки, которые вы распаковываете, – это уже прямое нарушение международного законодательства.

– А с чего ты взял, что «Вейланд индастриз» – это государство? – отозвался Свен, облачая свою могучую мускулатуру в бронежилет. – И потом я не помню, чтобы я какой-то там договор подписывал.

Внутри пирамиды

Прежде чем они двинулись еще глубже внутрь пирамиды, Лекси обратилась лицом к отряду.

– Температура здесь гораздо выше, чем на поверхности, – сказала она. – Можете снять куртки.

Обрадованные возможностью скинуть объемистое снаряжение, Себастьян со своим коллегой Томасом, а также Миллер, Вейланд, Максвелл Стаффорд, Коннорс и Адель Руссо свалили теплую одежду в большую груды.

Сама Лекси разоблачилась до ярко-красного комбинезона для холодной погоды. Надев рюкзак, она зажгла стробоскопический источник света и бросила его поблизости. Его постоянный огонь должен был послужить маяком и привести их обратно к теплой одежде.

Затем Лекси подняла взгляд и обнаружила, что Себастьян за ней наблюдает.

– Почему бы не оставить здесь просто хлебные крошки, как в той сказке? – поддразнил ее археолог.

Лекси улыбнулась.

– Птицы их съедят, и мы совсем заблудимся.

– Сомневаюсь, что здесь много птиц, а летучие мыши вряд ли любят хлебные крошки.

Пока остальные заново упаковывали свои вещи, Лекси прошла на несколько метров в следующий коридор, а Себастьян направился следом.

– Что, про кости вы уже позабыли?

– Об этой стороне дела Томас позаботится, – ответил Себастьян. – Он как раз тот тип археолога, который наполовину судебный следователь. Кроме того, Вейланд приказал ему остаться в жертвенном зале и все там зарегистрировать.

– Вейланд любитель приказы раздавать.

– Ничего, Томас не в обиде. С ним там эта светловолосая амазонка, Адель. Они могут поближе познакомиться.

– Да, и в таком романтическом месте. – Несколько секунд они шли молча, пронзая лучами фонариков лежащую впереди тьму. – А вы, доктор де Роса? – спросила Лекси. – Какой вы тип археолога?

Себастьян ощупал висящую у него на шее крышку от пепси-колы.

– Я люблю старые вещи. Есть какая-то особенная красота в очень древних предметах – что-то вневременное, бессмертное.

– Кстати о красоте... посмотрите, как на них свет играет – Лекси указала на потолок широкого коридора, где камень был покрыт целым лесом мерцающих голубоватых сталактитов.

Когда она двинула луч фонарика по замерзшей поверхности, сосульки стали менять цвет – от бледно-голубого до лазурного и дальше до лилового. Вейланд проковылял по коридору и встал рядом с Лекси, опираясь о лыжную палку и глядя на потолок.

– Должно быть, в этой воде есть какие-то минеральные примеси, – заключил Себастьян.

– Я тоже вначале так подумал, – сказал Миллер. – Но все обстоит иначе.

– Это не минеральные примеси?

– Это не вода.

Себастьян удивился. А Миллер показал на свой спектрометр.

– Еще там, в зале, я провел экспресс-анализ этого вещества.

Он сверился с жидкокристаллическим экраном.

– У нас тут есть трикрезилфосфат, этилат цинка, ди-тиофосфат, диэтиленгликоль, полипропиленовый эфир... и некоторые следовые элементы.

– А что из всего этого получается? – спросила Лекси.

Ответил ей, впрочем, Себастьян.

– Гидравлическая жидкость, – сказал он. – Или что-то достаточно близкое.

Все удивленно воззрились на археолога.

– У меня «шевроле» пятьдесят седьмого года выпуска. Это мое хобби. – Он развел руками и одарил Лекси слабой улыбкой. – Как я уже сказал, я чертовски люблю все старое.

Вейланд повернулся к Миллеру.

– И какой вы из этого делаете вывод?

– Никакого. Но я не могу себе представить, чтобы древние люди использовали гидравлическую жидкость.

– Совпадение?

Миллер уже открыл было рот для ответа, но Себастьян заговорил первым.

– Сомневаюсь, мистер Вейланд. Если пять тысячелетий человеческой истории хоть чему-то нас научили, так это тому, что совпадения бывают только у дураков.

Китобойная стоянка на острове Буве

Как только его люди были обустроены, Куинн взял себе отдых и три часа проспал. Когда пиканье наручных часов слишком скоро его разбудило, он выбрался из спального мешка и вышел наружу проверить шахту.

Там он с облегчением обнаружил, что прочная «яблочная» палатка вишневого цвета над отверстием по-прежнему стоит на месте, а лебедка находится в рабочем состоянии. На оборудовании не было и следа льда. Куинн проверил показания мареографа. Лебедка размотала свыше шестисот десяти метров стального троса, а это означало, что подземная группа достигла дна тоннеля много часов тому назад, вскоре после начала шторма.

Куинн сел, скинул перчатки и позвонил по радиотелефону, который давал прямую связь с подземной группой. Однако там ответить не потрудились.

Куинн не удивился. С тех пор как они обнаружили эту дыру во льду, Чарльз Вейланд стал не на шутку озабочен мерами безопасности. Он выдал приказ о полном запрете всех связей с внешним миром, хотя из-за этого шторма все равно ни черта не было слышно. А потом этот бывший флотский вояка и четыре его кореша, невесть откуда взявшиеся, сбросили свою личину «охранной группы» и принялись жонглировать пушками, точно отряд особого назначения, собираю-

щийся на задание.

Куинн заключил, что все это дело начинает попахивать хуже, чем убийство на большой дороге в Техасе.

Убедившись, что внутри «яблочной» палатки все в норме, Куинн вышел оттуда. Ветер долбанул его почище бейсбольной биты, а отдельные снежные хлопья стали впиваться в парк, точно шрапнель. Он завязал капюшон и раскатал шапочку, закрывая все лицо. Куинн прикинул, что нисходящие потоки делают свыше семидесяти миль в час, а это было совсем скверно.

Проходя по городку, Куинн едва сумел различить в белой снежной пелене черные очертания столовой.

– Стой! Кто идет? – Послышался чей-то голос. Крик был порядком приглушен снегопадом.

– Это Куинн! Куинн, черт побери!

Откинув капюшон и сделав шаг вперед, он вдруг обнаружил, что смотрит прямоком в дуло самого большого револьвера на свете. Тогда Куинн раздраженно сорвал с головы шапку, чтобы этот идиот смог его опознать.

Клаус сунул «дезерт игл» в кобуру.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – рявкнул Куинн. – Терпеть не могу, когда мне пистолеты в лицо суют.

– У меня приказ, – сказал Клаус, вызываяще пожимая плечами. Затащив Куинна в относительное убежище дверного проема, он подался к нему поближе, чтобы не надо было орать. – Вейланд хочет, чтобы эта территория охранялась.

– Охранялась? От кого?

– От желающих сделать заявку, – ответил Клаус. – От русских... китайцев... другой корпорации. Тут кто угодно может оказаться.

Куинн посмотрел на бушующий шторм.

– Поверь мне. Тут никого нет.

Когда он уже собрался уйти, Клаус его остановил.

– Ты куда?

– Ну, раз вы, ребята, тут так столовую охраняете, я решил хагглунды проверить. А теперь позволь мне уйти. У меня тоже работа имеется.

Клаус отпустил руку Куинна и отступил назад в тень. Затем он стал наблюдать, как подсобник пробивается сквозь снег, пока пелена совсем его не поглотила. После этого Клаус открыл прочную деревянную дверь в столовую.

Ощувив вторгшийся туда вместе с Клаусом поток холодного ветра, Свен поднял взгляд. Глаза его сузились.

– Ты должен на страже стоять.

– Просто горячего чаю захотелось, – отозвался Клаус.

Свен посмотрел на Бориса. Русский сидел в углу и что-то напевал на родном языке, кипятя воду на лагерной печке.

– Чай еще не готов.

Клаус выругался и закрыл за собой дверь, опять выходя наружу.

– Мишка, когда ты этот чертов нагреватель запустишь? – спросил Свен.

Михаил оглянулся на шведа, затем треснул кулаком по упрямому прибору.

– Сейчас я его... сейчас...

Оказавшись снаружи, Клаус заметил, как еще одна фигура движется сквозь белизну. Он вытащил из кобуры «дезерт игл» и прицелился.

– Стой!

Фигура продолжала приближаться, мелькая под снегопадом.

– Куинн?

Фигура приближалась.

– Кто идет?

Фигура помедлила, и Клаус прищурился, напряженно вглядываясь сквозь снег. Затем он вздрогнул, и палец его напругся на спусковом крючке.

Теперь там были две фигуры – черные дыры в снегопаде.

– Я спросил – кто идет?

Рядом с двумя фигурами появилась третья. И вместе они пошли на Клауса.

Будь у них дружественные намерения, они бы уже ему ответили. А потому Клаус аккуратно прицелился в среднюю из трех темных фигур и нажал на спусковой крючок...

ГЛАВА 18

Китобойная стоянка на острове Буве

Наемники отреагировали мгновенно, как только услышали выстрел. Прежде чем затихло эхо, «хеклер-и-кох» уже заменил отвертку в руках Михаила. Непрестанные русские песни у самовара мигом прекратились, когда Борис поменял свою алюминиевую чашку на пистолет-пулемет.

Ко второму выстрелу Свен уже был на ногах. Отперев железный засов на прочной деревянной двери, он отскочил от нее на случай, если кто-то туда ворвется.

– Михаил, – прошипел он, снимая с плеча «хеклер-и-кох». – Возьми рацию. Живо!

Через целую вечность безмолвия дверь с оглушительным грохотом распахнулась. Свирепый ветер и клубящийся снег наполнили помещение. Свен взял под прицел дверной проем, но разглядеть там сумел лишь мерцающее пятно белой пыли.

Он резко повернул голову:

– Борис! Проверь там.

Русский подобрался к порогу и выглянул в бурю. Сквозь снежную пелену Свен увидел, как Борис оглядывается и по-

жимает плечами. Ничего.

Михаил тем временем заговорил в приемопередатчик.

– Базовый лагерь вызывает «Пайпер Мару»... У нас ЧП. Повторяю. Базовый лагерь вызывает «Пайпер Мару»...

Не получив ответа, русский выругался и щелкнул пальцем по микрофону.

Снег и ветер продолжали залетать в столовую. Наконец Борис не без труда затворил дверь.

Михаил ощутил у себя на плече руку Свена.

– Давай, приятель... нужно предупредить корабль.

– Да я пытаюсь, но шторм...

Свен вдруг почувствовал, как Михаил содрогается под его хваткой, а потом здорового парня с силой выдернули из-под его ладони.

Резко развернувшись, он увидел, как русского поднимает в воздух некая незримая сила и приемопередатчик выпадает из его ослабевших пальцев. Выражение взволнованности и бдительности на лице Михаила сменилось страдальческим недоумением. Он знал, что сейчас умрет, но не мог понять, что его убивает. Взгляд его был устремлен к Свену. Рот русского раскрылся, но вышло оттуда лишь невнятное бульканье. Затем, уже мертвый, Михаил повис на прорисованном в воздухе копье, точно кусок мяса на вилке.

Оставшийся у двери Борис закрутился волчком, когда незримые клинки отрубили ему сперва правую руку, а затем и левую. Не успели отчлененные конечности упасть на пол,

как горло его окутала кровавая мгла. Кулак, что держал пистолет-пулемет, лишь раз сжался, всаживая очередь в дальнюю стену.

То, что Свен вначале увидел как смутное пятно, теперь обрисовывалось пороховым дымом – силуэт невероятно крупного гуманоидного существа. Бывший военный моряк сделал шаг назад и поднял пистолет-пулемет. Однако прежде чем он успел нажать на спусковой крючок, могучий удар свалил его на пол.

Пока кровь лилась из его разбитого носа, Свен шарил по полу в поисках оружия, которое выбили у него из рук. «Хеклер-и-кох» он не нашел, зато обжег пальцы о раскаленную кастрюлю, все еще кипящую на лагерьной печке. Тогда Свен обеими руками поднял и швырнул ее в призрака, окатывая кипятком.

Бесполезная теперь алюминиевая кастрюля покатилась прочь, а вот кипяток исторг из призрака гневный рев, пока электрические разряды очерчивали гуманоидную фигуру. Затем маскировочное устройство Хищника, испускавшее стремительный град голубых искр, на миг закоротило, и в этот миг Свен успел увидеть отражение своего до смерти перепуганного лица в зеркальных глазах под бронированной лицевой пластиной ужасной твари.

Выстрелы прозвучали достаточно громко, чтобы их можно было услышать сквозь шторм. Возвращаясь с инспекции хагглюндов, Куинн распахнул дверь столовой.

– О чем шумим, парни...

Тут Куинн осекся. Окровавленные тела и отрубленные конечности бросились ему в глаза, а также нечто массивное, бесформенное и незримое. Держа в руках два клинка, обогранных человеческой кровью, призрак как раз занимался оттапыванием здоровенных кусков мяса от забившегося в самый угол человека. Тот при этом испускал дикий вой. Когда снег за клубился в столовой, Куинн смутно разглядел стремительное движение. Силуэт снова менял свою форму.

Внезапно бритвенно-острый наконечник копья материализовался прямо перед лицом Куинна. Он мгновенно захлопнул дверь и пригнулся, но оружие пробило толстую древесину и вырвало кусок из левого бицепса.

Куинн сдержал крик, а потом бросился бежать.

Ковыляя сквозь белизну, Куинн услышал, как дверь столовой слетает с петель. Тогда он, сражаясь с порывами ветра, завернул за угол. Дыхание его выходило жаркими хрипами, а потоки теплой крови оставляли алый след на снегу.

Страшась погони, Куинн оглянулся через плечо и тут же впелся в какой-то предмет, свисающий с крыши столовой. Он упал навзничь и воззрился на то, что осталось от Клауса, опознаваемое лишь по табличке с именем на куртке «полартек». Мертвец был привязан там за лодыжки, а на месте его головы из обрубка шеи теперь свисали длинные красно-черные сосульки.

Сквозь белый туман за обезглавленным трупом Клауса

Куинн разглядел другие схожие фигуры. Лиц ему видеть не требовалось – он смог узнать их по одежде. Эта была оставшаяся часть его бригады. Райхел, Крапп, Тинкер и другие, будучи подвешены за ноги, раскачивались на ветру.

Задыхаясь, Куинн отвернулся и увидел в снегу что-то блестящее – «дезерт игл», револьвер Клауса.

Не успели пальцы Куинна сомкнуться на рукоятке оружия, как он почувствовал что-то у себя за спиной. Бригадир подсобников инстинктивно перекатился в снегу и выстрелил. Револьвер дернулся в его руке, и сквозь свирепствующую бурю Куинн с удовлетворением услышал, как кто-то взревел от боли и ярости. Затем охваченный ужасом мужчина увидел, что пуля пробила зеленую дыру в невидимой фигуре, надвигающейся на него из шторма. Дымящаяся зеленая кровь пятнала лед, зловеще фосфоресцируя.

С трудом поднявшись на ноги, Куинн попытался сбежать. Но не успел он сделать и двух шагов, как что-то сшибло его на землю. Летя головой вперед, Куинн попытался остановить свое падение и за что-либо такое ухватился. Оказалось, пальцы его вцепились в длинные лохмотья вишневого брезента – остатки «яблочной» палатки, разбитой над входом в шахту. С тех пор, как он последний раз здесь побывал, кто-то порвал палатку в клочья.

Снова заслышав позади хруст снега, Куинн перекатился на спину и вскинул револьвер. Однако призрачная рука мгновенно выбила у него оружие. Куинн попытался отполз-

ти назад, но призрачная ступня резко опустилась на его ногу. Треск сломавшихся костей был прекрасно слышен даже сквозь рев безумного ветра.

Незримая ступня опять опустилась. Новый удар сломал Куинну ребра и отправил его в полет по шестисотметровой шахте.

Замаскированный Хищник запрыгнул на треногу над шахтой и устоялся в пропасть. Мощные ноги удерживали его в бушующем шторме, а призрачные очертания пришельца мерцали и менялись в зависимости от силы ветра и снегопада. Сквозь завывание бури до существа доносились глухие вопли Куинна, пока тот отскакивал от ледяных стенок.

Непрерывная струя зеленой жижи по-прежнему булькала из теперь уже заметной полости в груди твари. Но если Хищник и испытывал боль, он никак этого не показывал. Запрокинув массивную голову и разведя мускулистые руки в стороны, охотник из глубин космоса испустил сверхъестественный боевой клич, который разнесся по всей китобойной стоянке.

Несколько мгновений спустя четыре мерцающих призрака соткались из снежной бури, чтобы присоединиться к своему вожаку у края пропасти. Сгустки энергии ползали по их бесформенным фигурам, пока пришельцы сбрасывали маскировку.

Не обращая внимания на дыру в бронированном нагруднике, из которой все еще сочилась зеленая кровь, вожак

включил компьютер. Послышалось слабое жужжание, и на экране появилось неяркое голографическое изображение. Хищники склонились над компьютером, изучая карту комплекса пирамид глубоко внизу.

В центре этой трехмерной решетки, в самом сердце большой срединной пирамиды, забился электронный пульс. Удовлетворенно покрякивая, Хищники снова окутали себя маскировкой и скрылись из вида.

Глубоко в шахте Куинн открыл глаза, приятно удивленный тем, что он все еще жив. Однако приятное удивление закончилось в тот же миг, когда он понял, что по-прежнему летит по ледяному тоннелю, с каждой секундой набирая скорость.

Тогда Куинн отчаянно попытался за что-нибудь ухватиться. Пальцы его скользнули по льду, затем поймали провода, идущие от генератора к галогенным лампам внизу. Куинн мгновенно их отпустил, ибо падал слишком стремительно, чтобы таким образом остановиться. Ему следовало сперва найти какой-то способ затормозить полет, а потом снова ухватиться за провода.

Протянув руку к поясу с инструментами, Куинн выхватил оттуда ледоруб и размахнулся. Лезвие впилося в ледяную стенку, и белые осколки слепящим душем полетели в лицо Куинну. Это никак его не замедлило.

На борту ледокола «Пайпер Мару»

Капитан Лейтон услышал у себя над головой внезапный треск, словно колоссальный сук отломился от векового дуба. Машинально втягивая голову в плечи, Лейтон поднял помятый мегафон.

– На палубе! Все в укрытие!

Голос капитана прогудел достаточно громко, чтобы его слышали сквозь ветер, со свистом огибающий капитанский мостик. Члены команды рассыпались по сторонам, когда сотни килограмм серо-белого льда, скопившегося на корабельных надстройках, разбились на куски о стальную палубу. В один прекрасный момент такой лед падал под собственной тяжестью.

Пока крупные обломки замерзшей воды прыгали по палубе, люди забивались под спасательные шлюпки и ныряли в лестничные колодцы. Один кусок размером с футбольный мяч долбанул по носовому прожектору. Другой расколотил иллюминатор.

На узких мостиках вдоль надстроек члены команды скалывали лед с поручней и сбивали массивные сосульки с лестниц, кранов и кабелей. Внезапно резкий порыв ветра пронесся по палубе, едва не вышвырнув одного матроса за борт.

– Крепить страховочные фалы! – проревел офицер на палубе. Лишенный мегафонного усиления, его крик тут же был

унесен бурей.

Закутанный в меховую парку, с инеем на ресницах и масляными пятнами на одежде, корабельный спец по радарам появился под боком у капитана Лейтона.

– Я проверил верхние палубы, – проорал он. – Радарная антенна засорена, и, пока буря не уляжется, ее никак не очистить. Мои приборы, похоже, работают, но в ближайшее время я бы не рискнул включать радар – купол совсем замерз, и так запросто можно повредить механизм тарелки.

– Хорошие новости есть?

Мужчина наградил Лейтона полуулыбкой.

– «Гиганты» победили в дополнительное время.

Капитан крикнул офицеру на палубе:

– Еще пятнадцать минут работы, а потом очистить палубы от всего персонала. Команде сейчас слишком опасно там находиться.

С этими словами Лейтон направился на капитанский мостик, где его ждали старпом и матрос из радиорубки.

– Сэр, мы только что приняли фрагмент сообщения от группы Куинна. Думаю, у них там беда.

Плечи Лейтона обвисли под тяжестью еще более скверных новостей.

– Как там с продвижением шторма?

– Мы крепко застряли, и скорость ветра по-прежнему растет, – ответил пардон, взглядываясь в замерзшие окна. – Нам самим, капитан, очень тяжело будет этот шторм пережить.

Что бы там ни случилось на стоянке, в ближайшие пять-шесть часов Вейланду и его группе придется самим выпутываться – и это еще в лучшем случае.

ГЛАВА 19

Внутри пирамиды

Лучи фонариков пронзали тьму, пока Себастьян и Лекси осторожно входили в новый зал. По тому, как гулко звучали их шаги, они заключили, что помещение это очень просторное.

– Мы в самом сердце пирамиды, – объявил Себастьян.

Лекси заприметила впереди неяркое свечение. Подойдя поближе, она поняла, что оно идет от осветительного патрона. Тогда Лекси взглянула на потолок, увидела там каменную решетку и поняла, что помещение, в котором они находятся, расположено как раз под жертвенным залом.

Минуя свет, Лекси двинулась вперед. Себастьян держался рядом с ней. Дальше шли Вейланд, Максвелл и Миллер, а Верхейден и Коннорс замыкали процессию. Вейланд стал водить лучом фонарика по каменным плитам пола, затем по причудливым каменным стенам и сводчатому потолку. Себастьян помедлил, разглядывая письмена на урне с прахом, а Лекси двинулась дальше к самому центру зала.

– Боже мой! – воскликнула она.

Все тут же повернули фонарики в ее сторону – и освети-

ли крупный продолговатый ящик, установленный на невысокую платформу из каменных плит. Ящик этот был изготовлен из тускло поблескивающего металла, покрытого тонкой пленкой мерцающего льда. Без малого пяти метров в длину и метр с небольшим в ширину, он очень напоминал гроб. Никаких петель или стыков различить не удавалось, но форма была идеальной.

– Это какой-то саркофаг, – вслух размышлял Себастьян. – По виду – скорее египетский. Их мастерили, чтобы защищать мертвецов во время их путешествия в загробный мир.

Вейланд коснулся холодной поверхности. Когда он отнял пальцы, они блестели от кристалликов льда.

– Можете вы его открыть? – спросил он. Себастьян изучил саркофаг. На крышке, поверхность которой сперва показалась археологу совершенно гладкой, ему удалось различить неглубокую гравировку – ряд круглых символов, фактически идентичных.

Затем Себастьян огляделся и обнаружил на стене более крупную версию того же самого ряда символов.

– Смотрите! – воскликнул он. – Символы на стене соответствуют тем, что на крышке саркофага.

– Должно быть, это погребальное украшение, – предположил Миллер. – Чтобы почтить покойника... возможно, письменна.

Но Себастьян покачал головой.

– Это код.

– Как у сейфа? – спросил Коннорс.

– Так как же мы все-таки собираемся его открыть? – настойчиво спросил Вейланд.

– У меня есть идея, – отозвался Себастьян, стирая лед с крышки саркофага. Затем он посвятил довольно долгое время сравнению символов на стене с теми, что были выгравированы на гробе. Так и не придя к окончательному заключению, археолог стал излагать свои мысли вслух.

– Эти древние люди должны были основать код на чем-то увиденном. Числом это быть не могло. Но что они могли видеть? Планеты? – Себастьян покачал головой. – Планет только девять... быть может, звезды? Но как они могли использовать звезды в качестве кода? Ведь небо все время меняется...

– Есть только одно отчетливое созвездие, которое так далеко на юге остается в небе круглый год, – вмешался Миллер. – Это Орион.

– Орион! – воскликнул Себастьян.

Затем он протянул руку и коснулся одного из кружков на стене. К всеобщему удивлению, кружок засветился тускло-белым светом. Себастьян нажал еще на один кружок и продолжал в том же духе, пока на стене тускло не высветилась карта созвездия Ориона.

Все разошлись по сторонам, освобождая Себастьяну путь к саркофагу. Когда он стал касаться кружков, выгравированных на металлической крышке, они засветились точно так

же, как их аналоги на стене. Затем крышка начала открываться.

Миллер подошел и пригляделся.

– Как такое возможно? – спросил он. Себастьян схватил Миллера за куртку и оттащил в сторону. Затем он также оттолкнул остальных.

– Держитесь подальше. Мы понятия не имеем, что там такое.

С безопасного расстояния все наблюдали за тем, как крышка полностью раскрывается и плавно замирает.

Вейланд недоуменно поднял брови.

– Итак, профессор де Роса, вы по этой части специалист, что вы теперь предлагаете?

По-прежнему оставаясь на безопасном расстоянии, Себастьян попытался присмотреться к черному нутру саркофага, но за его край было никак не заглянуть.

– Всем оставаться на местах, – приказал Себастьян, осторожно двигаясь вперед. Оказавшись у самого гроба, он помедлил. Затем направил туда фонарик и осторожно затянул.

– Нет... просто не верится.

– Что там?

– Взгляните сами, мистер Вейланд.

Саркофаг содержал в себе три футуристических на вид артефакта. Скорее всего – оружие.

Себастьян с Чарльзом Вейландом уставились друг на друга.

– Первичная культура, – зловеще прошептал археолог.

В гроте

Холодный иней сплошь покрывал неподвижное тело Куинна. Развалившись на ледяном полу, бригадир подсобников уже всюду мерцал и переливался в резком свете галогеновых ламп. Вокруг были рассеяны светильники и деревянные ящики, но во всех прочих отношениях грот казался заброшенным.

Струя морозного воздуха вырвалась из устья тоннеля. Как только она попала на лицо Куинну, он открыл глаза. Затем попытался пошевелиться, но тут же понял, что его руки и ноги совсем онемели. Куинн фактически примерз к полу. Пока он был без сознания, слюна натекла из его разинутого рта, а кровь – из раны на плече. Обе жидкости замерзли, и теперь Куинн оказался приклеенным к ледяному полу, точно муха к липучке.

Так продрогнув и ослабев, что даже не мог дрожать, Куинн открыл было рот, собираясь испустить жалобный стон, однако стон этот замер у него в глотке, стоило ему только заметить до жути знакомое оптическое искажение, колеблющееся у самого устья шахты. Монстр, который атаковал его на поверхности, последовал за ним сюда – да еще и приятеля с собой прихватил. Эти двое, скорее всего, явились сюда закончить свою работу.

Куинн задрожал, когда мерцающие призраки заскользили к нему. Двигаясь как единое целое, их незримые ноги оставляли след в инее. Подсобник крепко зажмурил глаза и затаил дыхание. Тяжелый сапог с хрустом опустился на лед рядом с его головой, и Куинн стал ожидать смертельного удара.

К его вящему изумлению, удара не последовало. Куинн очень долго не осмеливался открыть глаза. Когда же он все-таки это сделал, ему показалось, что призрачные убийцы ушли – их след тянулся к покрытой льдом пирамиде в отдалении.

Упираясь отмороженными, почти парализованными пальцами, Куинн все-таки сумел оторваться от пола. Замерзшая слюна содрала кожу с его щеки, а струп, что покрывал его плечо, тоже остался на льду. Ему уже было наплевать на адскую боль, на сломанную ногу, на помятые ребра, даже на отмороженные пальцы рук и ног. Куинн просто не мог поверить своей удаче: он остался в живых, и это было самое главное.

Но стоило подсобнику только перекатиться на спину, как глаза его в ужасе распахнулись. Над ним, выпустив клинки на запястье, стоял третий Хищник. Не успел Куинн даже вскрикнуть, как парные клинки убийственной косой метнулись вниз, врезаясь глубоко в его мозг.

В зале саркофага

Вейланду найденные объекты напоминали пистолеты, но невероятно крупные, отчего они казались еще более впечатляющими. Острый глаз промышленника отметил механизм отдачи ствола, посредством шарниров смонтированный на довольно широком наплечнике. В гробу также находились два других вида оружия, схожие по конструкции, но поменьше, а также без наплечника.

Миллер подался поближе и внимательно изучил устройства.

– Есть идеи насчет их назначения?

– Не-а, – отозвался Себастьян. – А у вас?

Миллер пожал плечами, затем помотал головой.

Максвелл Стаффорд нахмурился:

– Хороших же мы экспертов сюда захватили.

– Послушайте! – возмущенно воскликнул Миллер. – Мы только что нашли лазерный проигрыватель в гостиной у Моисея. А вы нам даже секунды на размышление не даете.

Лекси заметила, что Вейланду тяжело дышать. Он дал знак Максвеллу, и тот притащил ему переносной кислородный баллон. Трясущимися руками Вейланд прижал маску к лицу и принялся делать жадные вдохи.

– С ним все хорошо?

Лекси повернулась к Себастьяну.

– Это просто астма, – сказала она, прикрывая Вейланда. – Он в полном порядке.

– Давайте я проверю, удастся ли что-то понять по данным на этот металл, – сказал Миллер, доставая свой набор для спектрального анализа и портативный компьютер. Пока остальные ожидали миллеровских результатов, они затеяли бурные споры.

– Кто сделал эти штуковины и зачем? – прохрипел Вейланд.

Максвелл оставался рядом с ним, насыщая миллиардера кислородом.

– Что ж, если вы меня спрашиваете, то, судя по эргономике, их не для нас разрабатывали, – ответил Миллер. – Тот, кто изготовил эти вещицы, скорее всего, человеком не был.

Вейланд оторвал от лица кислородную маску.

– Спасибо за научно-фантастическое объяснение, доктор Миллер.

Внезапно компьютер Миллера запикал, и химик быстро изучил результаты.

– Тут два компонента. Тиланий и кадмий-240.

– Никогда о таких не слышал, – сказал Себастьян.

– Их чаще всего находят в метеоритах.

– В метеоритах? – воскликнул Себастьян. Миллер триумфально улыбнулся.

– Чем бы эти штуковины ни были, изготовили их не здесь.

– В каком смысле «не здесь»?! – возмутился Вейланд.

– В смысле – не на Земле.

Вейланд снова оторвал ото рта кислородную маску и хотел было заговорить, но вместо этого лишь захрипел.

– Все нормально? – спросила Лекси. Вейланд ей кивнул, но Лекси прекрасно видела, что все совсем не нормально.

– Сегодня мы уже здесь достаточно долго пробыли, – объявила она. – Вечером мы должны обустроить базовый лагерь на китобойной стоянке, а завтра первым делом ко всему этому вернемся.

Максвелл Стаффорд загородил Лекси дорогу.

– Вы не можете вернуться в базовый лагерь, мисс Вудс. – Он положил здоровенную ладонь на хрупкое плечо Вейланда. – Мы должны остаться здесь.

Игнорируя Максвелла, Лекси обратилась напрямую к Вейланду.

– Вы хотели прибыть сюда без надлежащих приготовлений, и мы это сделали! – воскликнула она. – Вы хотели быть здесь первым, и мы здесь первые. Вы заявили свои права на находку. Она ваша. Теперь мы работаем как единая команда, и на сегодня нам уже достаточно.

Вейланд взглянул на Лекси, затем на остальных.

– Вы ее слышали, – сказал он. – Давайте двигаться.

– А что мы сделаем с этим оружием... если это оружие? – спросил Максвелл.

– Возьмем его с собой, – ответил Вейланд. – На поверхности мы сможем провести другие тесты.

Коннорс подошел к саркофагу и сунул туда руку. Пальцы его сомкнулись на самом мелком предмете – гладком металлическом стволе с массивной рукояткой, до странности органической на вид.

– Нет! Не трогать! – закричал Себастьян. Слишком поздно. Стоило только Коннорсу чуть-чуть приподнять оружие, как он запустил скрытый под ним механизм. Послышался резкий щелчок, после чего громкое гудение разнеслось по всему залу, стряхивая сосульки с потолка.

А потом стены пришли в движение.

Подобно гигантскому кубику Рубика, пирамида стала менять свою конфигурацию. Под сопровождение оглушительной последовательности громоподобных хлопков, скрипа и рокота, скрежета металлических шестерней и блоков каменные стены заскользили в стороны, преобразая тупики в коридоры, ведущие в более потаенные части пирамиды. Тем временем другие коридоры наглухо перекрывались тоннами каменных плит или массивными опускаемыми дверями.

Себастьян схватил Лекси за руку, уволакивая ее с того места, куда с потолка опускалась гигантская каменная плита. Другие плиты перегородили коридор, ведущий из жертвенного зала в зал саркофага, разрывая цепочку осветительных патронов, которыми Лекси отмечала дорогу, и тем самым лишая группу единственного пути к спасению.

Движение древней структуры после стольких тысячелетий неподвижности стряхивало отовсюду сосульки, террако-

товые детали интерьера и даже каменные блоки. Вокруг них, точно минометные снаряды, рвалась всякая всячина.

В жертвенном зале Томас и Адель Руссо, а также несколько их помощников мгновенно оказались в ловушке, когда все входы и выходы были перекрыты гигантскими каменными барьерами с затейливой гравировкой, которые поднимались из пола или падали с потолка.

В зале саркофага Лекси изумленно взирала на движущиеся стены. Все вокруг каким-то сюрреалистическим образом менялось, а перспектива претерпевала странные метаморфозы, словно Лекси невеста каким образом угодила в одну из «невозможных» гравюр Эшера.

– Что это за дьявольщина? – завопил Коннорс.

Но его крик потерялся в какофонии скрежещущих шестерней и скользящих каменных блоков. А считанные секунды спустя никаких путей к спасению для них уже не осталось.

ГЛАВА 20

Внутри жертвенного зала

Стоя в дверном проеме, Адель Руссо ощутила первое дрожание пола. Наемница тут же переглянулась с Томасом, который стоял возле мумий, помогая четырем археологам Вейланда каталогизировать широкое разнообразие объектов в жертвенном зале.

Затем последовали сотрясения достаточно мощные, чтобы стряхнуть древнюю пыль с каменной кладки. Адель подняла глаза к потолку и увидела, как на нее опускается толстая каменная дверь. Прежде чем тяжеленная плита грохнулась на пол, Томас подоспел вовремя и вытащил Адель из-под двери.

Оказавшись в его объятиях, она стала наблюдать за тем, как еще одна каменная дверь опускается с потолка, перекрывая единственный оставшийся выход из священного зала.

– Подложите под нее что-нибудь! – крикнула молодая женщина.

Двое археологов в темпе сунули под дверь тяжелый алюминиевый ящик. Он тут же оказался расплюсчен.

– Как ты? – спросил Томас, все еще ее обнимая.

Адель оттолкнула его от себя, лихорадочно оглядывая помещение.

– Мы в ловушке!

Томас тоже огляделся.

– Совсем не обязательно. Давай попробуем поднять дверь. Может статься, она откроется так же легко, как и закрылась.

– Ладно, давайте! – крикнула Адель, обращаясь ко всем. – Мы должны попытаться открыть эту дверь.

Археологи и примкнувший к ним Томас приложились плечами к затейливой терракотовой двери. Наконец к ним присоединилась и Адель.

– Раз, два, взяли... и еще... взяли!

Несколько долгих и отчаянных мгновений все они силились столкнуть тяжелую каменную плиту, но безуспешно. Дверь наотрез отказывалась подчиняться грубой силе пяти взрослых мужчин и одной женщины.

– Немного Сизифом себя ощущаю, – признался профессор Джоши из Малайского университета.

– Эта плита тонны две весит, – мрачно заключила Адель. – Нам никогда ее не сдвинуть.

Она в разочаровании хлопнула ладонью по каменной двери. Стоящий рядом с Аделью Томас взял ее за руку и куда-то указал.

– Что это? – спросил он.

Пока они пытались сдвинуть каменную дверь, округлый кожистый мешок невесть откуда появился в резной впадине

рядом с одной из жертвенных плит. Яйцевидный органический объект пульсировал внутренней жизнью. Четыре пухлых, похожих на губы клапана пересекали его оконечность. Яйцо точно подходило под впадину, как будто ее специально для него вырезали.

Прямо на глазах у Томаса и Адели впадины на других плитах неслышно открылись в тех местах, где раньше не проглядывало никаких швов.

– Похоже, это какой-то гигантский механизм, – сказал доктор Шэннон, египтолог из Лондона. В голосе его звучал благоговейный страх.

Пока они наблюдали, новые яйца заполнили решительно все каменные впадины.

– Вот так так! – выдохнул Шэннон.

Теперь у одного края каждой из семи жертвенных плит подрагивал яйцевидный мешок. Люди инстинктивно сгрудились, образуя защитное кольцо. Впрочем, они чувствовали, что уже слишком поздно, что теперь никакая защита не поможет.

С влажным, слюнявым хлопаньем губы на первом яйце разошлись. Адель вытащила из кобуры пистолет. Уголком глаза она взглянула на Томаса.

– Как ты сказал, это помещение называется?

Томас воззрился на яйца, всю пульсирующие на плитах.

– Жертвенный зал...

Адель выстрелила, но слишком поздно. Пуля попала в яй-

цо через долю секунды после того, как существо выскочило из него и бросилось в атаку. Вялая яйцевидная оболочка лопнула, точно дыня, а его содержимое тем временем вцепилось в лицо Адели Руссо.

Пистолет загрохотал по каменному полу, когда молодая женщина отчаянно попыталась оторвать от своего лица гнусную тварь. Но тут гибкий хвост обернулся вокруг ее шеи подобно боа-констриктору, и чем сильнее она тянула, тем крепче он ее душил.

Адель упала навзничь. Крики молодой женщины заглушал плотно прижавшийся к ее рту невиданный паразит. Томас нагнулся к Адели и потянул за змееподобные кольца, что сомкнулись у нее на горле. Все попятились от бессильно корчащейся женщины и остальных яйцевидных мешков. Однако в достаточно тесном зале некуда было отступить. «Так, должно быть, древние архитекторы и задумывали», – промелькнуло в голове у Томаса.

Археологи собрались с духом, когда шесть яиц задрожали и их мясистые губы раскрылись. Прозвучало еще несколько пистолетных выстрелов, за которыми последовали крики дикого ужаса, а затем – страдальческие вопли.

В зале саркофага

В тот самый момент, когда Лекси уже собралась вывести людей в коридор, стены снова задвигались. Через решетку

из зала наверху донеслись пистолетные выстрелы под сопровождение отчаянных, мучительных криков.

– Что там происходит? – воскликнул Миллер.

Лекси повернулась к Максвеллу, который уже держал в руке коммуникатор.

– Свяжитесь с Руссо и Томасом.

И Максвелл Стаффорд, и Себастьян включили свои коммуникаторы, но ни одному из них не удалось достучаться до кого-либо из археологической партии наверху.

Чарльз Вейланд стоял перед тем местом, где прежде была каменная стена, а теперь открылся широкий коридор, такой длинный, что он терялся во мраке. В бледных ладонях миллиардер держал оружие Хищников.

– Замечательно, – с горящими глазами пробормотал он. – Гидравлическая жидкость, движущиеся стены, шахты, которые сами себя пробуривают.

Лекси повернулась к нему.

– Быть может, вы мне что-то про это место не рассказали?

– Нет. Я понятия не имею, что все это значит.

– Как могли древние что-то подобное соорудить? – настойчиво спросила Лекси.

– Ясно, что им помогали, – ответил ей не Вейланд, а Себастьян.

– Вы имеете в виду космических пришельцев?

– Насчет этого я не знаю, – отозвался Себастьян. – Но одно я знаю наверняка... – Он указал на оружие в руках у Вей-

ланда. – Пять тысячелетий тому назад наши предки убивали друг друга деревянными дубинами и обсидиановыми ножами. А вовсе не вот этим.

– Так что пришельцы из космоса – не такая уж неуместная версия, – заметил Миллер от стены. Химик перепроверял там показания спектрометра после тщательного исследования другого оружия Хищников. – Я только что завершил базовый спектральный анализ этого металла. Большинство его составляющих попросту неизвестны, но те два компонента, которые я могу определить, мы уже встречали – это тиланий и кадмий-240.

Миллер закрыл футляр спектрометра.

– В общем, что бы это ни было, мы к этому не готовы, – сказала Лекси, заглядывая в длинный и темный коридор, что открывался за Вейландом. – Мы должны собрать остальную группу и выбраться на поверхность. Вперед.

Тем временем Макс и два охранника, которых, согласно нагрудным табличкам, звали Басс и Стоун, вытащили в центр помещения большой деревянный ящик и вскрыли его. Внутри оказался упакован целый арсенал тяжелого вооружения, включая пистолеты-пулеметы, массу боеприпасов, а также большое разнообразие другого огнестрельного оружия и ножей. Верхейден начал все это раздавать. Питерс взял автомат и пистолет, Максвелл обзавелся «хеклером-и-кохом». Коннорс взял «дезерт игл».

– Что это за дьявольщина, Вейланд?! – воскликнул Се-

бастьян.

Вейланд прагматично улыбнулся. Кожа его светилась во мраке восковой бледностью.

– Мы потеряли связь с поверхностью. А это открытие слишком важно, чтобы передавать его русским или китайцам.

– Но ведь предполагалось, что это научная экспедиция.

Вейланд ощетинился.

– Это моя экспедиция, доктор де Роса, и я буду определять ее характер. Пока я не узнаю, что происходит, мы будем соблюдать все необходимые предосторожности.

Вейланд указал на саркофаг, и охранники тут же принялись выгружать оттуда древнее оружие. Они аккуратно упаковали приспособления в защитную обертку и запихали их в большой рюкзак.

Понаблюдав за их действиями, Лекси возмущенно обратилась к Стаффорду:

– Что вы делаете?

– Свою работу. Ваша уже закончилась, – ответил Максвелл, вставляя магазин в пистолет-пулемет.

Лекси сузила глаза.

– Я уже вам сказала, что, когда я веду отряд, никогда его не бросаю. Моя работа закончится, когда все живыми и невредимыми вернутся на корабль. И это оружие ничего не меняет.

Стаффорд взглянул на своего босса.

– Мистер Вейланд?

Вейланд посмотрел на Максвелла, затем на Лекси.

– Раз она нас сюда привела, она нас отсюда и выведет – Он повернулся к Максвеллу: – А твоя команда ее поддержит.

Когда все собрались на пороге нового коридора, Максвелл отступил в сторону, пропуская Лекси.

– Только после вас, – сказал он.

Лекси проигнорировала его слегка снисходительный тон и сверилась с наручным компасом.

– Этот курс должен привести нас обратно к входу в пирамиду. Затем мы поднимемся на поверхность и соединимся с остальной группой на китобойной стоянке.

– А как насчет Томаса и Руссо? – спросил Себастьян.

Лекси взглянула на него, затем отвернулась.

– Мы найдем их по пути наружу.

Через несколько минут после того, как Лекси и ее отряд покинули зал саркофага, кажущийся недвижимым каменный портал ушел в потолок. Затем мерцающее пятно появилось в дверном проеме мрачного зала, взбаламучивая затхлый воздух.

Затрещала голубая молния, и Хищник снял маскировку. Пока существо вышагивало к саркофагу, глухое пощелкивание доносилось из глубин его глотки. Когда же Хищник встал над опустевшим оружейным резервуаром, пощелкивание трансформировалось в злобный рокот.

Легкий ветерок побежал по залу, когда еще несколько призрачных фигур туда вплыло. Одна за другой фигуры выключали маскировочные устройства и подходили к саркофагу, пока все там не собрались.

Двумя странно вытянутыми средними пальцами первый Хищник потыкал в клавиатуру компьютера у себя на запястье. Из-под его маски стало доноситься энергичное гудение, а затем ярко-красный луч из узкой прорези над его стеклянным глазом пронзил тьму.

Используя тепловые датчики, встроенные в боевую маску, Хищник просканировал каменный пол на предмет любых следов остаточной энергии. Пока существо мотало головой влево-вправо, его высокотехнологичные дреды раскачивались, исследуя каждый квадратный сантиметр зала. Наконец Хищник обнаружил след – остаточное тепло от человеческих ступней.

Хищник испустил рев и указал кончиком кривого копья в сторону длинного коридора. Призрачные следы вели еще глубже внутрь пирамиды. Смещая в руке копьё, Хищник задействовал свою маскировку и пропал из вида. С пощелкиванием и побрякиванием остальные Хищники тоже превратились в смутные пятна и последовали за вожакom.

ГЛАВА 21

В лабиринте

Длинный и широкий коридор простирался из зала саркофага в непроглядную тьму. Лекси и остальной отряд прошли порядка сотни метров по проходу, пока вдруг не обнаружили, что преодолевают каменный мост, сооруженный из резных блоков размером с целые дома.

По обе стороны от моста не просматривалось ничего, кроме черной пустоты. Струи морозного воздуха тянулась из глубин. Лекси направила фонарик во тьму, но луч не смог пронзить мрачную бездну. Любопытства ради она зажгла осветительный патрон и бросила его с моста.

Долгое время все наблюдали, как он падает. Исчезнув, наконец, из поля зрения, патрон все еще падал.

– Какая тут может быть глубина? – спросил Коннорс.

Себастьян сподобился на ироничную улыбку.

– Думаю, примерно как до ада. Если мы уже туда не попали.

Миллер уставился на колоссальный строительный камень у себя под ногами.

– Мы стоим на цельном куске скалы, который больше Уол-

Марта, а этот народ из таких глыб мост построил. Как первобытные люди смогли их сюда притащить?

– Очевидно...

– Им помогали, – перебил Стаффорд. – Вы уже это говорили, доктор де Роса. Но кто им помогал?

– Внеземной разум из другой цивилизации, – ответил Миллер.

– Но почему? – поинтересовался Максвелл. – Если какая-то развитая цивилизация в древние времена действительно прибыла на Землю со звезд, чего ради ей тут находиться? Древние люди могли иметь какую-то цивилизацию, но по сравнению с расой пришельцев, способной путешествовать по галактикам, они были совершенно первобытны.

– Мы тоже, – откликнулся Себастьян. Мимо них с кислородным баллоном на плече проковылял Вейланд. Похоже, промышленника больше не интересовали их рассуждения. Максвелл Стаффорд тут же прервал разговор с Себастьяном и поспешил догонять своего хозяина.

По ту сторону моста они обнаружили еще один дверной проем – этот был обрамлен панелями, украшенными еще более затейливыми иероглифами.

– Эти письма представляются важными, – заметил Себастьян.

За порогом царила непроглядная тьма. Лекси достала мощный осветительный патрон и запалила его. Затем, подняв патрон над головой, она повела их по длинному и ши-

рокому коридору, по обеим сторонам которого на кубических каменных пьедесталах располагались гигантские статуи нефритового оттенка. Каждое изваяние смутно отображало гуманоидное существо под три метра ростом с невероятно широкими плечами и длинными дредами. Лица существ различались – некоторые были широкими, плоскими и невыразительными, тогда как другие имели узко расставленные щелки глаз и рот окруженный жвалами, которые наводили на мысли о каком-то ракообразном.

– У этих космических пришельцев приличные габариты, – заметила Лекси.

– И разные головы, разные лица, – добавил Стаффорд, поворачиваясь к Себастьяну. – Вы не думаете, что ого могут быть божества с телами отчасти людей, отчасти животных – вроде тех, которым поклонялись древние египтяне?

Себастьян покачал головой.

– Плоские лица – на самом деле маски. Думаю, скорее всего, церемониальные. И эти... крабы лица... они тоже могут быть масками.

– Очень надеюсь, – буркнул Басс.

Себастьян подметил, что некоторые изваяния стояли в царственных позах, но большинство вело себя более динамично. Как правило, они сражались со странными существами, которые щеголяли продолговатыми безглазыми головами и костяными сегментированными хвостами. Несмотря на внеземной художественный стиль и чуждую эстетику, бы-

ло очевидно, что центральная героическая фигура каждой скульптуры является гуманоидом.

– Совсем как святой Георгий, – подивился Стаффорд.

– Это тот английский рыцарь, который убил дракона? – спросил Миллер, разглядывая статую.

– Святой Георгий был турком... то есть на самом деле каппадокийцем, – заметил Себастьян. – Он родился в Малой Азии, хотя в четырнадцатом столетии действительно стал святым покровителем Англии.

– Узнаёте, что там у них на плечах? – спросила Лекси.

На плечах у существ имелось оружие – и оружие это в точности копировало устройства, которые Вейланд и его люди только что стащили из саркофага. Прищуриваясь сквозь толстые очки, Миллер изучал статуи.

– Это оружие вырезано примерно в натуральную величину, – прошептал он, глядя в слепые каменные глаза одного из изваяний. – Отсюда следует, что наши приятели чертовски здоровенные ребята.

Себастьян подозвал всех к большой цветной фреске, где изображались люди, молитвенно склоняющиеся перед гигантами. Первым рядом с ним встал Максвелл Стаффорд.

– Мы этим тварям поклонялись?

– По этой фреске выходит, что да.

– Безусловно, они были просто языческими божествами, – вмешался Вейланд, которому вдруг осточертели все эти рассуждения. Он двинулся вперед, но Миллер тут же его догнал.

– Теперь тепловое излучение, зарегистрированное вашим спутником, обретает больший смысл, – сказал химик.

– Что вы имеете в виду? – спросил Вейланд.

– Настолько изощренное сооружение требует мощного источника энергии. Именно это и зарегистрировал спутник – как электростанция этой пирамиды запускается... готовится...

– Готовится к чему?

Вейланд и Миллер продолжили двигаться дальше. Себастьян остался позади, изучая резную панель. Вскоре все, кроме Коннора и Стаффорда, ушли вперед по коридору.

– Постарайтесь не отстать, профессор де Роса, – предостерег Максвелл.

Группа постепенно приближалась к середине длинного коридора, обрамленного статуями. Себастьян насчитал свыше шестидесяти, а потом бросил. Новые изваяния постоянно появлялись в поле зрения – и коридор казался бесконечным.

Внезапно Лекси почувствовала холодный озноб. Резко развернувшись, она направила свой фонарик назад. Луч света принялся прощупывать тени.

– Видите что-нибудь? – нервно спросил Миллер.

Лекси взгляделась во мрак.

– Мне показалось, я увидела смутное пятно – тень или еще что-то такое. Но если я это и видела, его там уже нет. Коридор пуст.

– Некоторые из этих изваяний так детальны, что просто не

верится, – сказал Себастьян. – Отдельные скульптуры явно задуманы как реалистичные изображения, тогда как у других черты смутные, почти абстрактные. Я подозреваю, что художественный стиль здесь менялся на протяжении столетий.

Когда группа двинулась дальше, Стоун и Басс переместились в заднюю ее часть, прикрывая тыл, а Лекси с Верхейде-ном пошли впереди.

Себастьян, Чарльз Вейланд, Максвелл Стаффорд, Миллер и Коннорс собрались в центре процессии, под прикрытием наемников и их пистолетов-пулеметов.

Как только люди снова двинулись по коридору, Хищник, что следовал позади них, прибавил ходу и подобрался поближе к добыче.

Тем временем в противоположном конце коридора, далеко впереди людей, другой Хищник ненадолго сбросил маскировку, и лицо его наложилось на черты каменной статуи, прежде чем снова исчезнуть.

Ловушка готова была захлопнуться, а люди, следующие по коридору в неверном свете шипящего патрона, нипочем не могли догадаться, что они направляются напрямиком в тщательно подготовленную засаду Хищников.

На борту ледокола «Пайпер Мару»

Огни на капитанском мостике горели, и, несмотря на то, что корабль стоял на якоре, весь командный состав работал на палубе. Оператор у радара предпринимал бесчисленные попытки пробиться сквозь снежную стену, а судовой метеоролог, основываясь на весьма отрывочных данных, пробовал вычислить продолжительность шторма.

– Ну как, конец виден? – спросил капитан Лейтон.

– Думаю, еще четыре часа. Максимум шесть, – ответил метеоролог. – Но это только прикидка.

Пройдя по капитанскому мостику, Лейтон опустил тяжелую ладонь на плечо радисту.

– Есть что-то? Или совсем ничего?

– Ничего, капитан... после первого сообщения. Того, которое принял старпом.

Лейтон повернулся к своему заместителю.

– Скажи, Гордон, а что именно ты услышал?

– Немного, – ответил старпом. – Передача была исковеркана штормом. Масса атмосферных помех. Чьи-то напуганные голоса... ничего внятного.

– А та передача точно шла с китобойной стоянки?

– Они назвались членами группы Куинна. Сказали, что на них что-то такое напало... или на некоторых из них... остальное я вообще не разобрал. Я попытался ответить, но

не думаю, что они меня услышали. В конце концов, я одни только атмосферные помехи получил.

– Нападение? Чепуха! – объявил Лейтон. – Кому нужно устраивать нападение здесь, да еще в самом центре жуткого шторма?

– Возможно, тому, что над нашим кораблем прогудело, – отозвался старпом.

Лейтон уставился в окно на бурю.

– У нас слишком много вопросов, а ответов явно не хватает. И вряд ли мы их получим, пока шторм не закончится. Пока мы не доберемся до китобойной стоянки и сами на все не посмотрим. – Капитан сделал паузу и потер усталые глаза. – А тогда уже может быть, слишком поздно.

ГЛАВА 22

В лабиринте

Стоуну выпало умереть первым.

С «хеклером-и-кохом» в руках прикрывая тыл группы, наемник даже не заметил тончайшей петли, что была брошена ему на шею и мгновенно затянута.

После резкого рывка позвоночник Стоуна сломался. Затем его подергивающийся труп был не слышно и незримо утянут вверх, в густую тень.

Мгновение спустя Басс помедлил, когда легкий ветерок порхнул по его щеке.

Он развернулся в тот самый момент, когда копье Хищника вылетело из мрака и с такой силой пронзило наемника, что он оказался приколот к каменной стене у него за спиной. Глаза Басса выпучились, и пистолет-пулемет грохнулся на каменный пол. Кровь хлынула из носа и рта, прежде чем он успел выкрикнуть хоть слово предупреждения остальным.

Чуя опасность, Максвелл упал на пол, увлекая Чарльза Вейланда за собой. Приземление вышло жестким. Когда Вейланд захрипел, Максвеллу показалось, что его немощный босс вот-вот испустит дух.

– Не поднимай головы! – прошипел пристроившийся рядом Коннорс.

Однако Максвелл все-таки поднял голову в тот самый момент, когда что-то просвистело у него над головой. У него осталось мимолетное впечатление о каком-то дисковидном объекте, покрытом сияющими, как самоцветы, кристаллами.

Лекси тоже заметила объект.

– Ложись! – крикнула она, отталкивая Себастьяна в сторону.

Диск Хищника на какие-то миллиметры пролетел мимо головы археолога – прошел так близко, что разрезал воротник его куртки.

Потом диск вонзился в горло статуи за спиной у Лекси. Вибрирующее лезвие загудело, аккуратно обезглавливая каменное изваяние.

Когда Лекси упала на пол, рядом с ней почти одновременно приземлилась голова статуи.

Затем в коридоре расцвели яркие вспышки – пистолетно-пулеметные выстрелы. Откатываясь в угол, Лекси увидела, как Максвелл Стаффорд стреляет в какое-то смутное пятно. Пули дырявили камень и рикошетили по проходу.

Рухнув на колени под боком у Стаффорда, Верхейден открыл огонь в противоположном направлении. Пули засвистели у Лекси над головой. Вспышки от выстрелов временно ее ослепили.

– Сюда! – услышала она крик Себастьяна. – Сюда!

Лекси перекадилась на живот. Затем она приподнялась и поползла на голос. Вспышки света по-прежнему мелькали по ту сторону ее закрытых век. Внезапно каменный пол под ее ладонями задрожал, и поверх гулко-го пулеметного огня Лекси расслышала глухой рокот, а затем скрежет камня о камень.

– Пирамида! – донесся до нее крик Вейланда. – Она снова меняется!

Лекси ползла по холодному каменному полу на голос Себастьяна. Зрение ее прояснялось, но недостаточно быстро. Толстая панель выскользнула из стены рядом с ее головой и загородила дорогу. Затем невесть откуда высунулась рука Себастьяна, затягивая женщину в укрытие.

Останься Лекси на месте, она оказалась бы отрезана от остальной группы.

– Нет! – воскликнул Миллер.

Еще одна каменная дверь упала с потолка. Глаза Себастьяна и Миллера на долю секунды встретились, а потом между ними рухнула тяжеленная плита.

Огонь внезапно прекратился. Максвелл поднял фонарик и обвел им лица – Вейланда, бледное и изможденное, Себастьяна, все еще прижимающего к себе Лекси. Археолог, в свою очередь, водил фонариком по каменной стене, которая считанные секунды тому назад была длинным просторным коридором.

– По-моему, я что-то слышу, – прошептала Лекси. – Ка-

жется, кто-то кричит по ту сторону дальней стены...

Это кричал Коннорс. Он остался один, когда вокруг него наглухо сомкнулись стенные панели. Теперь он принялся стучать по толстенной каменной стене, отделившей его от остальной группы, сперва кулаком, затем ботинком.

– Эй! Слышите меня? Есть там кто?

В другой камере, где оказались изолированными Миллер и Верхейден, наемник обалдело вставал на ноги. Он видел, как погибли Басс и Стоун, и это порядком его обескуражило. Все занятия с экзотическим оружием, весь предыдущий военный опыт не подготовили здоровяка к такой бойне, свидетелем которой он только что стал.

Верхейден заковылял вдоль стены в поисках выхода. Паника брала свое, и он быстро терял самообладание. Подобно пойманному в ловушку животному, Верхейден расхаживал по крошечной камере.

– Что это за твари? Видел, что они с Бассом и Стоуном вытворили? Я в того сукина сына попал. Верняк. А ему хоть бы хны. Даже не тормознул. И не поморщился!

Голос его так громко отражался от стен, что заглушал вопли Коннорса в соседней камере.

– Эй, Верхейден!

Крик Миллера мигом вернул наемника к реальности.

– Чего?

– Вообще-то я не солдат но, по-моему, тебе надо успоко-

иться. Мы еще живы.

– Спасибо, профессор, – равнодушно отозвался Верхейден.

– На самом деле я доктор. Пожалуйста.

Мозолистыми ладонями Верхейден потер физиономию.

– Нам никогда отсюда не выбраться.

– Брось.

Верхейден посмотрел на сидящего на полу Миллера.

– Короче... доктор, если ты в кого-то там веришь, начинай ему молиться.

– Послушай, – обратился к нему Миллер. – У тебя дети есть?

Улыбка скривила губы Верхейдена.

– Сын.

– У меня двое, – радостно сообщил Миллер. – Знаешь, что это значит? Мы не можем позволить себе умереть. Мы должны отсюда выбраться. Ты меня слышишь? Мы обязательно все это переживем, даже если мне всю дорогу придется тебя тащить.

Верхейден удивленно поднял брови. Когда это у Пробринки бывало больше мужества, чем у него?

Макс выдернул из стены странно сработанное копьё и позволил окровавленному трупу Басса сползти на пол. Затем он сорвал с мертвеца рюкзак и отшвырнул его в сторону.

Вейланд тут же схватил рюкзак и разорвал его, проверяя

сохранность оружия.

– Никаких потерь, – радостно заключил он.

Макс поднял взгляд.

– Один из наших людей мертв.

Вейланд тронул руку Стаффорда.

– Извини, – с искренним сожалением произнес он.

– Мне нужно знать, за что этот человек погиб.

Вейланд удивленно заморгал:

– Он погиб, пытаясь делать историю.

– Чью? – гневно осведомился Максвелл. – Вашу?

Лекси отвернулась от них и присела на корточки рядом с Себастьяном. Она силилась снова услышать Коннора, но тот затих. Молодая женщина сочла это дурным знаком.

Затем Лекси заметила, что Себастьян смотрит куда-то вперед и теребит крышку от пепси-колы, которая по-прежнему висела на потрепанной кожаной тесемке у него на шее. Она подняла руку и тронула его ладонь.

– Осторожно. Это ценная археологическая находка.

Себастьян выдавил слабую улыбку.

– Нервная привычка.

– Представить себе не могу, отчего вы нервничаете.

Затем Лекси проследила за взглядом Себастьяна, и оба они воззрились на холодную каменную плиту, которая поймала их в ловушку.

– Надо же, – сказала Лекси, – через тысячу лет я тоже могу оказаться ценной археологической находкой.

Внезапно цифровые часы Себастьяна запыкали. Резкий и неожиданный звук разнесся по крошечной каменной клетке. Себастьян встал и помог подняться Лекси.

– Не торопитесь себя в учебники истории вписывать, – сказал он, выключая будильник.

– А зачем это было? – спросила Лекси, указывая на часы. Себастьян улыбнулся.

– Всего лишь теория. Слушайте...

В отдалении раздался какой-то взрывоподобный звук вроде раскатов грома. Затем последовал знакомый скрежет камня о камень – вдалеке, но неуклонно приближаясь.

Себастьян приложил ухо к стене и долго прислушивался, пока звук все продолжался.

– Я слышу, – сказала Лекси. – Но что это?

– Думаю, механизм пирамиды автоматизирован, – объяснил Себастьян, не отрывая уха от камня. – Я считаю, что она меняет конфигурацию каждые десять минут – календарь ацтеков был метрическим, понимаете? Основанным на десятичной системе счисления.

Внезапно Себастьян отступил от стены, к которой он прислонялся. Три секунды спустя каменная дверь скользнула в сторону, открывая новехонький коридор.

Лекси была поражена.

– Да ведь вам за это Нобелевская премия полагается!

– Меня бы вполне устроил выход отсюда.

Держа в руках оружие, Максвелл вскочил на ноги. Теперь,

когда они были свободны, ему не терпелось двинуться дальше.

Вейланд поднялся медленно и с колоссальным трудом. Несмотря на растущую немощь, промышленник не пожелал бросить рюкзак с загадочным оружием.

– Все готовы? – спросила Лекси. Максвелл уставился в мрачную бездну коридора.

– Готовы? – переспросил он. – Я готов. Но куда мы, черт побери, идем?

– Это лабиринт! – громогласно объявил Себастьян, желая, таким образом снять напряжение. – Понимаете? Нам полагается по нему блуждать. Наверняка он был построен с таким расчетом, чтобы его жертвы оказывались в ловушке. Так что мы, по идее, должны попасть в беду. Но главное здесь то, что из всех лабиринтов есть выход. А потому давайте двигаться, пока стены не опустились и снова нас не замуровали.

Бросив последний взгляд на труп Басса, Стаффорд повесил «хеклер-и-кох» на плечо и пошел вперед. Лекси и Себастьян смотрели, как он уходит. Опираясь о лыжную палку, Вейланд поплелся следом. Тяжелый кислородный баллон тянул его к полу.

Затем из лабиринта донесся голос Максвелла Стаффорда:
– Лабиринт ждет!

ГЛАВА 23

В лабиринте

Верхейден едва не грохнулся на пол, когда стена, к которой он прислонялся, внезапно ушла в потолок, открывая узкий и низкий лаз. Раньше этого лаза там не было.

– Что теперь? – простонал наемник.

Пригнувшись, Миллер взгляделся во тьму.

– Сюда мы еще не ходили.

– Ага... доктор. Но что все это значит?

Миллер не ответил. Вместо этого он поднял фонарик и обвел лучом стены тоннеля. Лаз тянулся метров на восемь, а потом внезапно давал два ответвления. Когда Миллер увидел эту развилку, на его лице расплылась ухмылка.

– Такое ощущение, будто мы крысы в лабиринте.

Увидев довольное лицо Миллера, Верхейден нахмурился.

– Извини, – смущенно произнес химик. – Но я, правда, головоломки люблю.

И они поползли по тесному лазу. Миллер полз первым.

Они продвигались несколько минут. А потом Миллер услышал впереди громкий голос.

– Эй! – орал Коннорс. – Вы меня слышите?

– Кто это? – крикнул Миллер.

Сложно было понять, откуда доносится голос. Он резонировал по всему узкому тоннелю.

– Это Коннорс, – ответил голос. – Где вы? – Он казался гулким и далеким.

Внезапно подсобник начал орать. Его леденящие душу вопли разносились по угольно-черному лазу.

– Коннорс! – проревел Верхейден и с удвоенной энергией пополз вперед, стараясь догнать Миллера. Но пол вдруг разверзся под наемником, и Верхейден полетел в потайной люк.

С немалым трудом Миллер все-таки сумел развернуться в тесном тоннеле. Он забарабанил кулаком по тому самому месту, куда провалился Верхейден, но не нашел там даже люк.

– Верхейден! – крикнул Миллер. – Ты меня слышишь?

Ответ был слабым и далеким.

– Миллер... помоги мне выбраться.

Миллер огляделся, пытаясь найти способ пролезть в ловушку.

– Держись! – крикнул он. – Сейчас я придумаю, как тебя оттуда вытащить...

Верхейден упал в тесный тоннельчик. Он был слишком низок, чтобы стоять, и слишком тесен, чтобы тот смог удобно расположить свою почти двухметровую громаду.

Наемнику было слышно, как наверху Миллер пытается отыскать путь в его тюрьму. Сам он множество раз толкал потолок, но если люк по-прежнему там, теперь он уже не мог

его найти. С трех сторон от Верхейдена были стены. Четвертая сторона, однако, стеной не являлась: во мрак уходил тесный коридор. Верхейден не испытывал ни малейшего желания идти туда в одиночку. Он намеревался дожидаться, пока Миллер найдет способ его вызволить.

Настраиваясь на долгое ожидание, Верхейден оперся о стену и случайно опустил ладонь в лужицу какой-то слизи. Затем, слепо зашарив в поисках сухого места, чтобы вытереть слизь с ладони, он наткнулся на кучку чего-то наподобие сброшенной змеиной кожи. Дальше выяснилось, что почти весь пол заляпан слизью, и наемник невольно сморщился от омерзения.

Но тут он вдруг услышал какое-то поскребывание в мрачном коридоре. Тогда Верхейден немного прополз вперед и направил в проход луч фонарика. Затем, страшась приближающегося врага, попятился назад к стене.

К несчастью, там с ним ожидало свидания нечто еще более жуткое.

В лазе над Верхейденом Миллер услышал дикие вопли и звуки словно бы рвущейся плоти. Химик с ужасом понял, что теперь его компаньон наверняка мертв.

Лекси, Себастьян и Вейланд пробирались по запретному подземному лабиринту. Максвелл Стаффорд, держа пистолет-пулемет наготове, шел впереди.

– Не отставайте, люди. Растягиваться нельзя.

Добравшись до развилки в коридоре, они остановились. Лекси сверилась со своим компасом, затем уставилась во тьму, пытаясь прикинуть, куда им лучше последовать.

Максвелл схватил ее за руку.

– А вы вообще-то знаете, куда идете?

– Если мы будем придерживаться этого курса, мы продолжим подниматься. А подъем должен привести нас к входу... в конечном счете.

Лекси заметила, что Вейланд совсем согнулся под тяжестью своего рюкзака. Она тронула его за плечо.

– Оставьте его, – сказала она. – Он нас только замедлит.

Вейланд стряхнул ее руку.

– Слишком многое было потеряно, чтобы мы теперь ушли ни с чем.

Лекси загородила ему дорогу. В глазах ее была мольба.

– Нет, – рявкнул Вейланд. – Неизвестные сплавы, инопланетная технология... значение этой находки колоссально.

– Устройства принадлежат этим существам. Возможно, нам просто следует их вернуть.

Вейланд с вызовом покачал головой. Лекси попробовала снова.

– Что бы здесь ни происходило, мы в этом не участвуем.

– Это моя находка! – воскликнул Вейланд. – И я ее не брошу!

Они впились взглядами друг в друга, но затем Лекси первой отвела глаза.

– Тогда позвольте мне его понести, – попросила она.

Лекси сняла рюкзак с его плеч и взвалила на свои. Затем обняла Вейланда за пояс и стала помогать ему идти.

– Я скажу Максусу, что вам нужен отдых, – прошептала она.

Вейланд покачал головой:

– Сначала давайте отсюда выберемся.

Они прошли немного дальше, затем Максвелл остановил группу. Он пристально вглядывался в лежащие впереди тени. Наконец он поднял фонарик в тот самый момент, когда Хищник появился из тьмы.

– Бежим! – воскликнул Себастьян.

Все рассыпались по сторонам – все, кроме Максвелла Стаффорда, который упал на одно колено как раз на пути существа и открыл пистолетно-пулеметный огонь. Грохот в узком, тесном коридоре был оглушительным, а вспышки слепящими. На сей раз Лекси отвела глаза, сохраняя свое ночное зрение, а Себастьян, несмотря на рвущийся хаос, сумел различить мощно-мускулистую руку Хищника, когда она материализовалась в воздухе.

Через полсекунды после появления руки Себастьян заметил устройство, напоминающее черепаший панцирь и пристегнутое к запястью монстра.

Максвелл Стаффорд, ослепленный собственной пальбой, ни руки существа, ни необычного устройства на его запястье различить не сумел. Увидел он только металлическую сеть, которую швырнули ему в лицо.

Сеть ударила Максвелла, прежде чем у него появился шанс хоть как-то отреагировать, да еще с такой силой, что резко отшвырнула его назад. «Хеклер-и-кох» выпал у него из рук, когда Стаффорд попытался скинуть с себя металлический кокон. Но чем сильнее он бился, тем крепче затягивалась сеть. Максвелл опрокинулся на землю и забился там, бессильный, как пойманная неводом рыба.

Бритвенно-острые стальные нити врезались в его одежду, а потом в его плоть.

Дикие, страдальческие вопли Стаффорда резанули Вейланда подобно ножу. С мучительным стоном, в котором, как в зеркале, отражались крики Стаффорда, он упал на колени рядом с Максвеллом и вцепился в металлическую сеть.

– Сейчас мы тебя освободим!

Острые нити рвали руки Вейланда, пока они не стали липкими от крови. Тем не менее, он не сдавался. Кокон натянулся, и вопли Макса усилились, когда сеть еще глубже вгрызлась в его мышцы и кости.

– Назад! – крикнул Себастьян.

Он схватил Вейланда за плечи и отволол его оттуда. Затем Себастьян выхватил нож и разрезал сеть – вернее, попытался. Однако нити буквально искромсали нож, и обломки исковерканного титанового лезвия посыпались на пол.

– Не надо! – прохрипел Вейланд. – Проклятая ловушка затягивается еще крепче всякий раз, как ее касаешься.

Кровь скапливалась на каменных плитах, пока жуткое

страдание притупляло разум Стаффорда. Отчаянно борясь за свою жизнь, он с трудом открыл глаза и тут же увидел за правым плечом Себастьяна мутное пятно – второго Хищника.

Губы Максвелла беззвучно зашевелились, а потом слово все-таки вылетело.

– Берегись...

Но хриплый шепот прозвучал слишком поздно.

Сбросив маскировку между Себастьяном и Вейландом, другой Хищник нанес удар мощной ногой. Когтистая лапа оглушила Вейланда, точно отбойный молоток, швыряя его на землю.

Теперь уже заметный, второй Хищник схватил Себастьяна за горло и оторвал его от пола. Тяжелым ботинком Себастьян пнул существо в брюхо, однако удар никакого эффекта не произвел.

Раскинув руки по сторонам, беззащитная добыча силилась вырваться из хватки Хищника. Тогда существо запрокинуло голову и испустило гортанный рев. Себастьян барабанил кулаком по руке монстра, пока Хищник, словно бы в досаде, не швырнул его о каменную стену.

Голова Себастьяна запрокинулась, а руки повисли, точно пустые рукава.

По-прежнему сжимая в одной руке ошеломленного человека, Хищник другой рукой занес длинное зазубренное копьё. Он явно все еще собирался нанести по опутанному се-

тью человеку смертельный удар.

Стоя спиной к стене, Лекси отчаянно искала возможность спасти своих товарищей. В неверном свете она увидела пистолет-пулемет Стаффорда и рванулась к нему.

Однако Хищник ее опередил. Мерцающая фигура метнулась по коридору и резко опустила бронированный сапог на «хеклер-и-кох», сминая его.

Затем Хищник тыльной стороной ладони отшвырнул Лекси в сторону.

Она ударилась о стену и сползла на каменный пол. Тем не менее, Лекси тут же попыталась встать, но Хищник так ее пнул, что она стремительно покатила по полу. Кровь хлынула у нее из носа, а коридор закрутился волчком. Глотая кровь вместе с болью, Лекси откатилась в сторону, едва успевая увернуться от второго свирепого пинка.

Хищник испустил рев и продолжил преследование.

Тем временем Максвелл Стаффорд, окончательно пойманный еще крепче натянувшейся сетью, обменялся взглядом с Чарльзом Вейландом, который привалился к стене в какой-то паре метров от своего верного помощника. Вейланд задыхался, кровь сочилась из его пальцев и ладоней.

– Прости... – всхлипнул он.

В глазах Стаффорда, воспаленных, безумных от боли, осталось лишь смирение, когда Хищник проткнул копьем сеть, а затем сердце Максвелла Стаффорда, пригвозждая его к каменному полу. Алая струя хлынула наружу, и Стаффорд

лишь раз дернулся. Потом все было кончено.

Сквозь слезы невыносимой боли Лекси смотрела, как умирает Максвелл.

– О боже! – воскликнула она.

Глаза ее заметались по сторонам, ища хоть какой-то выход. Затем Лекси заметила, что Себастьян по-прежнему вяло болтается в тисках второго Хищника. Она позвала его по имени.

Ресницы Себастьяна задергались, и Лекси поняла, что он все еще жив – пусть даже едва-едва. Вид Себастьяна в хватке жуткой твари и Максвелла, зверски убитого на полу, наполнил Лекси холодным, беспощадным бешенством. С вызывающим воплем она вскочила на ноги, лихорадочно ища хоть какое-то средство против монстров. Теперь она больше ничего не хотела, кроме как бить их, резать, кромсать – точно так же, как они убивали членов ее отряда.

Затем злобные пальцы схватили Лекси за голову и запрокинули ее, обнажая нежное горло. Рептильный смрад невидимого Хищника ударил ей в ноздри. Лекси услышала металлический шелчок, когда пара изогнутых клинков выскочила из ножен и коснулась ее шеи.

Рука и лицо существа теперь стали заметны, хотя все остальное по-прежнему представлялось колеблющимся пятном. Получалось так, словно некая охотничья этика вынуждала эту расу воителей в кульминационный момент открываться своей добыче.

Голова Лекси болталась из стороны в сторону, и все же она видела, как монстр внимательно смотрит на нее сквозь щели в невыразительной маске. Рыча, воин занес руку для смертельного удара.

Совсем обессилив в его хватке, Лекси уже была не способна бороться или хотя бы отвернуться. Смерть не страшила Алексу Вудс. Она собиралась встретить ее лицом к лицу, с открытыми глазами.

Бесстрашие молодой женщины смутило Хищника. Существо действительно на какой-то миг заколебалось, и этого мига стало достаточно, чтобы некая черная фигура упала с потолка и вонзила бритвенно-острый хвост в рептильную плоть Хищника.

Рука, что сжимала Лекси, внезапно дрогнула. Затем пальцы разжались, отпуская ее. Лекси отступила назад, когда яркие выплески энергии окутали туловище Хищника. Монстр задергался и развел руки в стороны.

Плотно прижавшись к стене, Лекси слышала хруст ломающихся костей и влажное бульканье. Затем черный зазубренный шип пробил грудь Хищника, исторгая оттуда целый поток фосфоресцирующей зеленой крови.

Лекси всхлипнула, когда горячая, дымящаяся жидкость плеснула ей на щеку. Но отвернуться она по-прежнему не могла.

В это трудно было поверить, однако Хищник оказался теперь совершенно беспомощен, схваченный еще более свире-

пой разрушительной силой. Размахивая конечностями, испуская безумный вой, охотник исчезал в мрачной темноте наверху.

Лекси услышала зверское шипение, звуки рвущейся плоти и ломающихся костей. Сверху посыпались искры, а за ними последовал мощный поток крови. В пульсирующих вспышках Лекси наблюдала за тем, как черная насекомоподобная фигура корчится в тени, беспрерывно терзая длинными, когтистыми руками беспомощного Хищника.

С последним хрустом костей Хищник испустил дух. Теперь его труп вяло свисал с зазубренного кончика смертоносного хвоста. Куски мяса и струи рептильной крови плюхались на каменные плиты, дымясь в морозном воздухе.

Второй Хищник заметил мерзкую черную тварь, когда та спрыгнула на пол и пригнулась, стоя на двух веретенообразных ногах. Отбросив Себастьяна в сторону, Хищник принял боевую стойку, а из его глотки по всему коридору стало разноситься долгое бульканье.

Чужой хлестнул костяным хвостом, отбрасывая изуродованный труп мертвого воина в темный угол. Затем, широко расставив ноги и подняв когтистые руки, черный монстр отпихнул в сторону обтянутый сетью труп Максвелла Стаффорда, словно бы расчищая арену. Слизь сочилась из его беззубого рта, пока Чужой мотал блестящей вытянутой головой и хлестал хвостом из стороны в сторону, испуская вызывающее шипение. Наконец зубастая пасть раскрылась, и

черный зверь в гневном презрении плюнул в Хищника.

Лишь очень смутно Себастьян чувствовал, как сокрушительная хватка ослабевает, и он сползает вниз по стене. Там бы он и остался, если бы сильные руки не обхватили его за пояс и не оттащили в сторону.

Подняв глаза, Себастьян увидел, что над ним склоняется Лекси. Лицо ее, подобно какой-то странной боевой раскраске, пятнала зловеще фосфоресцирующая зелень. Затем он услышал громкое шипение и злобный рев. Перекатившись на бок, Себастьян стал наблюдать за тем, как два адских демона готовятся к поединку.

ГЛАВА 24

В лабиринте

После зубодробительного столкновения шипящая тварь и рептильный гуманоид снова отскочили друг от друга. Вой и щелчки сопровождали их схватку.

Тыльной стороной ладони Хищник резко хлестнул по скрежещущей пасти Чужого. Чужой зашатался. Затем, в манере скорпиона, черный монстр атаковал врага взмахом остроконечного хвоста. Отпрыгивая назад, Хищник клинками на запястье отразил удар, а потом, быстро изогнув руку, отрубил Чужому хвост.

Чужой взвыл и закрутился волчком, выплескивая смертоносный яд из окровавленного обрубка. Все, на что попадали дымящиеся капли, тут же начинало шипеть, гореть и покрываться вмятинами.

Хищник занес было руку для еще одного удара, но вдруг обнаружил, что от клинков у него на запястье остались только дымящиеся, оплавленные штыри. Все остальное разъела кислотная кровь Чужого. Тогда Хищник с рычанием бросился на Чужого и сшиб его на пол.

Пока они боролись, искры, высеченные из твердокамен-

ных плит или из распадающихся доспехов Хищника, рождали искаженные тени, что корчились на стенах, полу и потолке.

– Нам надо бежать! – воскликнула Лекси, хватая Себастьяна за куртку.

Археолог кивнул и встал на четвереньки, прихватывая скатившийся к его боку фонарик. Затем Себастьян вскинул голову и увидел, как Лекси поднимает на ноги Вейланда. Жалобно всхлипывая, миллиардер держал свои бесполезные теперь руки ладонями вверх. Пальцы его покрывала темная запекшаяся кровь.

Себастьян схватил Вейланда за запястье, и вместе с Лекси они потащили его к дальнему концу коридора, во тьму. Позади них два невиданных существа боролись на заляпанных кровью каменных плитах, жестокая битва все продолжалась.

Тела их сплетались в единое целое. Лягаясь и царапаясь, отчаянно бьющиеся существа катались по полу, сверху оказывалось то одно, то другое. Вопли боли и ярости оглашали тоннель. Наконец, в очередной раз, оказавшись сверху, Чужой застыл над гуманоидом, и его черная пасть раскрылась. Второй набор челюстей выскочил из-за первого и остановился в считанных сантиметрах от уже изрядно поврежденной лицевой маски Хищника.

С оглушительным ревом Хищник отпихнул черное, непрерывно стрекочущее существо в сторону и вскочил на ноги. Резко развернувшись лицом к Чужому, воин поднял

руку и нацелил на врага сетевую пушку...

А Чужой, разведя длинные черные руки по сторонам, мощно толкнулся и подскочил в воздух...

И тут Хищник выстрелил...

Металлическая сеть окутала насекомообразное существо прямо в полете, притягивая лягающегося, хнычущего Чужого к полу. Экзоскелет черного монстра затрещал на каменных плитах, когда сеть натянулась, ломая его.

Хищник, весь в кровотокающих ранах, нетвердо стоящий на ногах, удовлетворенно крякнул, когда сеть окутала Чужого, врезаясь в его хитиновый панцирь.

Кровь и слизь хлынули из сотни разных мест, обильно поливая каменные плиты и прожигая дыры всюду, куда они попадали. К несчастью для Хищника, кислота также прожгла и сеть. Через несколько кратких секунд металлические тенета растаяли, и Чужой вырвался на свободу.

Злобно отплеываясь, Чужой поднялся на ноги и повернулся лицом к изрядно потрепанному Хищнику. Его черное бесформенное тело дымилось и шипело в тех местах, где в него врезалась сеть. Однако Чужой вовсе не собирался проигрывать. Обрубок его сегментированного хвоста летал из стороны в сторону, колотя по каменным стенам.

Гуманоид явно был подавлен, ибо Чужой оказался куда более грозным и мощным, чем Хищник мог себе представить. Теперь ему оставалось только достойно встретить смерть и погибнуть в бою.

Хищник распростер руки, выпятил грудь и дико заревел прямо в лицо своей смерти.

С последним шипящим плевком Чужой предпринял решающий бросок, сшибая гуманоида на пол и обрушиваясь всей своей тяжестью. Хищник пытался противостоять атаке, но все было безнадежно. Когтистыми руками Чужой ухватился за дреды Хищника, быстро притягивая к себе его голову.

Потом внутренний рот Чужого пробил треснувшую лицевую пластину, прорываясь сквозь плоть и костяной череп Хищника. Целый фонтан крови забил из разодранной головы. По стенам и каменным плитам пола рассыпались липкие ошметки мозга, и разливалась дымящаяся зеленая жидкость, испускавшая какое-то нездоровое свечение.

На лестнице

Внезапно Лекси и Себастьян, а также вяло висящий между ними Вейланд, выбрались из лабиринта в просторный зал, по всем сторонам которого высились прочные столбы, грубо высеченные из камня. Помещение представляло собой лабиринт угольно-черных теней. Некий незримый источник устраивал там тусклую иллюминацию, и все-таки дальше нескольких метров во мраке сложно было что-либо разглядеть.

Лекси уже начинала мыслить в манере мастеров выжи-

вания, среди которых она жила, – шерпов из Гималаев и профессиональных охотников с Аляски. Она знала, что в этом лесу резных каменных кенотафов может таиться все что угодно. И впервые в жизни ей захотелось иметь при себе оружие.

Они нашли широкую каменную лестницу, обрамленную причудливыми каменными же колоннами. Поднявшись на несколько ступенек, Лекси с Себастьяном остановились и отпустили Вейланда. Он привалился к стене, избегая их взгляда.

– Что это была за тварь? – прохрипел Себастьян, потирая помятое горло.

– Не знаю и знать не хочу.

Лекси сняла с пояса компас, затем рукавом куртки вытерла с лица зеленую кровь. Проверив показания компаса, она оглядела обставленную колоннами лестницу.

– Что теперь? – спросил Себастьян.

– Будем двигаться и держаться этого курса.

Вейланд схватился за грудь и застонал. Приступ кашля сотряс его хилое тело. Он упал на колени и тяжело задышал. Лекси быстро к нему подошла.

– Ничего-ничего, – сказала она, слегка похлопывая его по плечу.

Лицо Вейланда стало синеть. А рот то и дело разевался, как у задыхающейся на песке рыбешки.

Продолжая смотреть Вейланду в глаза, Лекси взяла его го-

лову в свои ладони и стала ее поддерживать. Было ясно, что он набрал в легкие слишком много воздуха, и теперь они начинают замерзать.

– Постарайтесь наладить дыхание, – упрасивала она. – Дышите медленно, равномерно.

Лекси сама сделала нескольких неглубоких вдохов, уча Вейланда на примере, и вскоре его дыхание уже сделалось менее тяжелым и затрудненным.

– Медленно, равномерно... вот так, – сказала Лекси, когда напряжение ушло с лица Вейланда, и он заметно расслабился. Наконец она усадила Вейланда на ступеньку.

– Все хорошо... хорошо, – прохрипел Вейланд, пробуя от нее отмахнуться и снова встать.

Внезапно у подножия лестницы показалась высоченная тень.

– Вперед, мы должны отсюда выбираться! – скомандовала Лекси, резко поднимая Вейланда на ноги.

Ковыляя, миллиардер попытался использовать ледоруб вместо тросточки, но его руки устали не меньше ног и уже не могли его держать. Тогда Вейланд тяжело привалился к стене, пошатываясь на неверных конечностях.

– Нет, – выдохнул он. – Не могу... даже стоять тяжело...

Каждое слово, произнесенное Вейландом, словно бы высасывало его катастрофически скудеющие силы. Лекси прекрасно видела, что напряжение погони и постоянное пребывание на морозе окончательно добили его искалеченные бо-

лезную легкие.

– Вейланд...

Но миллиардер ее перебил.

– Бросьте, – произнес он с последними остатками прежней властности в голосе. – Я сам во всем виноват.

Намерения Вейланда были ясны. Он собирался принести себя в жертву, чтобы Лекси с Себастьяном смогли получить небольшую фору.

– Я не позволю вам здесь умереть, – твердо сказала Лекси.

Вейланд усмехнулся:

– Бросьте, Лекси, вы уже сделали все, что могли. Идите. Я постараюсь дать вам как можно больше времени.

Хищник приближался по лестнице, двигаясь очень осторожно. Вейланд заметил его и схватил ледоруб, воинственно им размахнулся.

– Идите же! Идите! – приказал он.

Лекси потянулась к Вейланду, но Себастьян схватил ее за руку и потащил вверх по лестнице. Вейланд и Лекси обменялись последним взглядом, а потом он повернулся лицом к приближающемуся монстру.

Не позаботившись замаскироваться, Хищник направился напрямиком к Вейланду. Человек выпрямился в полный рост, бесстрастно глядя на инопланетное существо. Вейланд посмотрел Хищнику в глаза, а потом занес ледоруб и бросился.

Хищник протянул руку, выхватил у Вейланда ледоруб и отшвырнул его в сторону. В тщетной атаке, пролетев мимо

Хищника, Вейланд проковылял пару ступенек и врезался в стенную панель с изящной гравировкой.

Существо повернулось и посмотрело на Вейланда. Когда невыразительные глаза Хищника под лицевой пластиной засияли багровым огнем, человек почувствовал у себя в груди странное тепло. Протянув руку, Хищник схватил Вейланда за плечи, крепко его сжал и осмотрел с головы до ног.

Затем, презрительно фыркнув, существо оттолкнуло Вейланда в сторону и повернулось к нему спиной.

Вейланд сразу же понял, что это значит. Невесть как, но Хищник сумел почуять его недолговечность и не расценил его как угрозу. Более того, Вейланд не сомневался в том, что для этого монстра он был всего-навсего больным, беспомощным животным!

Задышавшись от приступа дикой ярости, Вейланд стиснул зубы и стал лихорадочно искать способ нанести этой твари удар. Оружия у него не было, но слабые пальцы сомкнулись на кислородном баллоне у него за спиной.

Сорвав с плеча тяжелый цилиндр, Вейланд опустил его на пол и пристроил у ног. А потом присел на корточки и принялся до отказа открывать клапан. Пока чистый кислород наполнял помещение, Вейланд сорвал со своего пояса осветительный патрон и поднял его повыше.

– Ты пожалеешь, гад, что ко мне спиной повернулся! – заорал он.

Хищник оглянулся на звук человеческого голоса, и тут

Вейланд поджег патрон.

Горючий кислород мгновенно взорвался ярко-желтым боллом, который поглотил Хищника. Сжимая в руках баллон и направляя ток кислорода, Вейланд окатывал бьющееся, машущее руками существо жгучим огнем.

Услышав, как мучительные вопли Хищника отражаются от стен, Вейланд зашелся безумным смехом.

– Вот так, сукин сын! Гори ясным пламенем...

Черный силуэт в самом центре пожара снова заверещал. Затем, по-прежнему окутанный пламенем, Хищник подался вперед, высвобождая из ножен клинки на запястье. Одними стремительным тычком Хищник всадил длинные кривые лезвия в мягкий, беззащитный живот Чарльза Вейланда.

Вейланд почти мгновенно испустил дух. Кровь хлынула у него из носа и изо рта. Рыча, Хищник подтащил к себе вялое, окровавленное тело, желая спалить его в желтом костре. Однако труп Вейланда все еще сжимал в мертвых руках кислородный баллон. Как только первые языки пламени лизнули цилиндр, находящееся под давлением содержимое рвануло, как бомба. Клубящееся оранжевое облако и ярко-желтый болл понеслись вдоль по лестнице, сжигая все на своем пути.

В лабиринте

Лекси с Себастьяном слепо ковыляли в полумраке. Они снова заблудились в лабиринте каменных коридоров. Пира-

мида рокотала, в очередной раз меняя конфигурацию, стряхивая отовсюду тысячелетнюю пыль, которая слепила и душила людей. Поверх этого шума и стука собственных ботинок по каменному полу они слышали крик Вейланда, затем взрыв.

– Вейланд!

– Ты ему уже не поможешь, – сказал Себастьян, волоча ее дальше.

Лекси уперлась.

– Лекси, мы должны идти... скорее!

Сзади принеслась струя горячего воздуха и кое-что еще. В дальнем конце коридора они увидели мерцающий свет. Затем огненная фигура метнулась к ним из темноты. Хотя Хищника целиком окутывало ревущее пламя, казалось, это нисколько ему не вредит.

Себастьян схватил Лекси за руку, и они бросились бежать. Однако не пробежали они и нескольких метров, как Лекси ясно услышала топот массивных ног. Хищник стремительно их догонял.

Себастьян завернул за угол и увидел, как прямо перед ними из пола поднимается каменный барьер. Если бы проход закрылся, прежде чем они одолели барьер, они бы оказались в одном тупике с Хищником.

К тому моменту, как они достигли порога, барьер уже поднялся наполовину. Себастьян поднял Лекси и буквально перебросил ее через каменное препятствие. Затем он подпрыг-

нул и ухватился за край, подтягиваясь и перебираясь на ту сторону.

Когда щель между новой стеной и потолком уже была готова исчезнуть, туда пролетел один из метательных дисков Хищника. Затем он с целой россыпью искр срикошетил от дальней стены.

По другую сторону двери Хищник, отвернувшись от каменного барьера, тут же увидел, как с колонны спускается черный монстр. Сегментированный экзоскелет твари идеально маскировался архитектурной деталью.

Вставая на ноги, Чужой изготовился к удару.

Но Хищник оказался проворнее. Его метательный диск промелькнул в воздухе и глубоко вошел Чужому в плечо, отрубая ему руку. Затем металлическая штуковина описала изящную дугу и исчезла в тени.

Чужой замахал обрубком, конечности, разбрызгивая кислотную кровь по ближайшим колоннам.

Хищник врезался в Чужого, тяжелым сапогом проламывая костяные нагрудные пластины своего врага. Монстр взвыл, когда Хищник навалился на него и стал придавливать к полу. Они бились лицом к лицу, а жизненная влага Чужого хлестала тем временем из обрубка.

Наконец Хищник одной когтистой рукой прижал корчащегося Чужого к каменному полу. Метательный диск зажужжал у них над головами, и Хищник поднял свободную руку,

чтобы его схватить.

Одним быстрым, неистовым движением он опустил диск на Чужого, срубая без умолку стрекочущую голову с отчаянно бьющегося тела. Булькающая кислота хлынула из раны, шипя на холодных каменных плитах. Мертвый Чужой лишь раз дернулся, а потом затих.

В иероглифическом зале

Себастьян с Лекси пробежали через еще один дверной проход и оказались в новом зале.

Просторное помещение украшали миллионы иероглифических знаков и десятки искусно разрисованных панелей, покрытых пиктограммами и художественными образами. Как предположил Себастьян, там изображались исторические события, имевшие колоссальную важность для той давным-давно сгинувшей цивилизации, что построила эту пирамиду.

Себастьян приблизился к толстой стене, где было выгравировано нечто причудливое и абстрактное. Десятка полтора небольших глазков имелось в этой стене, и все они позволяли заглянуть в зал с колоннами, из которого люди только что едва-едва спаслись. Себастьян пригляделся через один из глазков.

– Смотри! – прошептал он.

Присоединившись к Себастьяну, Лекси посмотрела в от-

верстие.

С этого высокого наблюдательного пункта они смогли оценить всю брутальность развернувшейся внизу сцены. Хищник нависал над окровавленным трупом Чужого, которого он только что обезглавил. Прямо на глазах у людей охотник распротер руки и обратил глаза к потолку, словно в молитве. Достав нож из потайных ножен, пристегнутых к его поясу, Хищник отрезал один из двух больших пальцев на правой руке Чужого.

Дальше Хищник поднял руку и немного повозился с гермоклапаном у основания своей маски. Вакуумная закупорка нарушилась, и стало слышно шипение выходящих наружу газов. Секунду спустя существо опустило лицевую пластину, являя на свет два мрачных глаза, безносое лицо, покрытое бледно-серой плотью, и кривые жвала, что непрерывно сгибались и разгибались в затхлом воздухе.

Одной рукой придерживая лицевую пластину, другой Хищник взял отрезанный палец и стал использовать его в качестве инструмента для письма. Кислотная кровь Чужого разъедала холодный металл, и там постепенно появлялся рисунок. Хищник сосредоточенно шипел, вырезая на гладком лбу маски стилизованную молнию.

– Что он делает? – прошептала Лекси.

Хищник поднял маску, так и сяк поворачивая ее под слабым светом. Затем, удовлетворенно крикнув, он перевернул маску, открывая зеркальную обкладку вокруг глазных щел-

лей. При помощи этой отражательной поверхности и окровавленного пальца Хищник стал выводить тот же самый рисунок у себя на лбу. Кислота дымилась и шипела, а Хищник ревел от боли. Однако инопланетный охотник не остановился, пока вся молния не была должным образом завершена.

– Он помечает себя кровью, – после долгого молчания сообщил Себастьян. – Племенные воины древних культур так делали. Помечали себя кровью своей добычи. Это вроде ритуала инициации – знак того, что они становились мужчинами. – Затем он ухмыльнулся. – Теперь все это начинает обретать смысл.

Себастьян отвернулся от глазка и осмотрел иероглифы вокруг себя, внимательно прослеживая узоры и вода пальцами по резным изображениям.

– Да! – воскликнул он, и в глазах его засияла радость открытия. – Все это действительно начинает обретать смысл...

ГЛАВА 25

В иероглифическом зале

– Хочу тебе кое-что показать.

Себастьян подвел Лекси к панели меж двух стилизованных кенотафов, которая поднималась на три метра от каменных плит пола. Затем указал на конкретный фрагмент вырезанных в стене иероглифов.

– Здесь описывается некая разновидность обряда инициации... – начал Себастьян, указывая на пиктограмму, порядком напоминавшую тех существ с изменчивым обликом, которые первыми на них напали. – Эти существа – охотники. Их послали сюда, чтобы они доказали свою готовность стать взрослыми...

– А на самом деле они, по-твоему, кто? Пятнадцатилетки? Себастьян пожал плечами.

– Кто знает, сколько эти существа живут. Возможно, целые тысячелетия. Короче, сколько бы лет им ни было, это их обряд инициации...

Его руки проследили пиктограмму – стилизованное звездное поле, где что-то вроде хищного зверя прорывалось сквозь пустоту.

– Для начала – вот почему они не приносят с собой то оружие...

– Часть обряда, – догадалась Лекси.

– Верно. Они должны его заслужить, как рыцарь должен заслужить свои шпоры.

Себастьян хлопнул ладонью по твердому камню.

– Вот здесь вся история. Вообще-то сами иероглифы понять нелегко. Они не вполне ацтекские и не вполне египетские, зато идеально сохранились. Так что после небольшого, но вдумчивого размышления я смогу заполнить пробелы...

Он провел ладонью по пиктограмме. Несмотря на причудливую, примитивную иконографию, Лекси легко узнала этот образ. Там была Земля, какой она виделась из Космоса. А над ней парил круглый огненный диск, который, несомненно, должен был обозначать звездолет, приближающийся к планете из дальних космических пространств.

– Как я уже сказал, – продолжил Себастьян, – ацтеки использовали десятичную систему счисления. Вот эти символы примерно соответствуют ацтекскому значку для десятки. Так что потребуется немного математики...

Себастьян сделал паузу, вычисляя.

– Пять тысячелетий тому назад они нашли тихую планету... нашу планету Земля. Они научили первобытных людей строить, и те стали поклоняться им как божествам.

Его пальцы двинулись дальше по пиктограмме к знакомой треугольной форме с висящим над ней огненным дис-

ком. Волнистым линиям вокруг диска явно предполагалось обозначать загадочный источник энергии, излучаемой звездолетом.

– Ради них тысячи первобытных людей многие десятилетия – или даже столетия – трудились, сооружая эту пирамиду и другие ей подобные.

Себастьян помедлил над вырезанной в тени фигурой – изогнутой петлей, которая замыкалась на себя, точно змея, хватаящая собственный хвост.

– Подобно великому червю пробору из гностической мифологии, в самом широком смысле такое изображение является символом прохождения долгих эонов времени и непрерывности жизни. Однако на языке символов древних людей, которые все здесь построили, ему предполагается представлять две вещи – прежде всего, повторяющийся цикл или традицию. То, что происходит снова и снова. Но он также указывает на реальное существо, которое упоминается здесь как «Великий Змей». Посредством этого текста и, вероятно, других в том же духе древних людей учили тому, что их божества будут возвращаться каждые сто лет. А когда они будут возвращаться, они будут ожидать жертвы. Судя по всему, люди использовались как радушные хозяева для Великих Змеев.

– Змеев? – переспросила Лекси. Себастьян кивнул.

Дальше Себастьян перешел к объяснению фрески, изображавшей жертв, помазанных первосвященниками в наря-

дах из перьев и уложенных затем на каменные плиты. Под этой картинкой имелась пиктограмма с изображением яиц, а также ритуальными инструкциями, демонстрирующими, как каждое яйцо следовало класть в углубление на плите.

– Выходит, в вырезанную чашу клали... яйцо, а не сердце жертвы, – заметила Лекси.

– Очевидно. И каким-то образом эти яйца оплодотворялись избранными, которые давали жизнь Великим Змеям. Затем божества должны были с ними сражаться.

Себастьян указал на крупную фреску, где изображалось, как Великие Змеи и божества сходятся в смертельном поединке.

– А это изображение? – спросила Лекси, указывая на фреску, воссоздающую, как единственный стилизованный Хищник стоит на верху пирамиды, а вокруг его головы сияет корона из звезд.

– Подобно гладиаторам в Колизее, две эти инопланетные расы должны были сражаться, – объяснил Себастьян. – Выживал сильнейший. И только победители считались достойными полететь к звездам – вернуться домой.

– А что, если они терпели поражение?

Себастьян указал Лекси на последовательность из трех изображений, формирующую мрачный, роковой триптих. Первое демонстрировало огромную пирамиду, на вершине которой стояли три стилизованных Хищника, а по бокам скользила орда Великих Змеев. На втором изображении

Хищники поднимали руки, а от их кистей тянулись волнистые линии.

Третье изображение казалось навязчиво знакомым. Там демонстрировался взрыв – зеленоватая вспышка с парящим над ней грибовидным облаком, – взрыв, который уничтожал все и вся на своем пути.

– Если божества терпели поражение, тогда ужасная катастрофа должна была обрушиться на эту землю, и их цивилизации следовало исчезнуть за одну ночь... полный геноцид... вся цивилизация немедленно уничтожалась.

Лекси онемела. Загадка, которая десятилетиями преследовала ее семью, была, наконец, разрешена.

– Значит, эти существа были здесь раньше, – сказала Лекси. Вопросом это не прозвучало.

– Несомненно, – отозвался Себастьян. – Тысячелетия тому назад и множество раз с тех пор. Вполне возможно, что и недавно.

Лекси повернулась лицом к Себастьяну.

– В 1979 году здесь, на острове Буве, произошел загадочный ядерный взрыв. Ни одно государство не взяло на себя ответственность за него, а научные сотрудники ВВС США не смогли определить, откуда были получены радиоактивные изотопы – несмотря на тот факт, что весь уран, добываемый на земле, можно узнать по его уникальной молекулярной сигнатуре...

– Откуда ты это знаешь?

Лекси скрестила руки на груди.

– Мой отец работал исследователем в ВВС. Хотя он целых двадцать лет изучал это событие, ему не удалось приписать урановые изотопы, использованные при этом взрыве, ни к одному известному месторождению на земле.

Себастьян поскреб подбородок.

– Значит, эти существа уже действительно здесь были.

– Эти... Хищники, – сказала Лекси. – Они доставили сюда этих тварей, чтобы на них охотиться?

– Да, – ответил он.

– И так, чтобы мы их не обнаружили?

Себастьян кивнул.

– Думаю, тепловому излучению предназначалось нас сюда заманить. Вся эта пирамида – ловушка. Без нас никакой охоты быть не могло.

В лабиринте

Две прозрачные, волнистые формы появились среди скульптурных групп. Затем, с трескучим выплеском энергии, Хищники сбросили маскировку. Один воин тут же принял боевую стойку и оглядел окрестности, держа наготове копье.

Второй Хищник обыскал трупы Басса и Стоуна, высматривая пропавшее оружие. Затем он заметил прожженную кислотой металлическую сеть. Не обращая внимания на труп

Максвелла Стаффорда, существо оценило ущерб, нанесенный сети едкой кровью.

Тем временем в тени под сводчатым потолком незримо и неслышно скользила целая орда поблескивающих черных фигур. Теперь уже охотясь стаями, Чужие взбирались по стенам, таились во тьме у потолка или оборачивались вокруг колонн.

Внезапно, не в силах издать ни звука из-за проворно затянувшегося у него на шее хвоста, один из Хищников, отчаянно лягаясь, стал подниматься к потолку. Душ люминесцентной крови и обломки сломанных доспехов, что с грохотом обрушивались на каменные плиты, предупредили второго Хищника о том, что смерть подбирается и к нему.

Хищник резко развернулся и тут же увидел, как на каменный пол падают громадные кровоточащие куски его товарища. Сперва рука, затем нога, затем окровавленное туловище.

Хищник взревел и поднял два метательных диска – по одному в каждой ладони.

Внезапно из темного угла к маске Хищника бросился мордохват Чужих. В одном плавном движении воин пригнулся и метнул диск. Лезвие аккуратно разрезало цепкого беловато-розового мордохвата напополам. Существо буквально взорвалось кислотной кровью, которая плеснула на маску и нагрудник Хищника.

Тогда Хищник уронил второй диск и принялся лихорадочно снимать маску, прежде чем кислотная кровь смогла

бы добраться до его нежной плоти. Вакуумная закупорка нарушилась, воздух с шипением оттуда вышел, и дымящаяся маска с лязгом упала на холодный каменный пол.

Затем Хищник отчаянно сорвал с себя нагрудник, который уже насквозь проела губительная кровь. Запах горячей плоти наполнил коридор, и Хищник взвыл, когда кислота стала проникать глубоко в мышцы на его груди, шее и плечах.

Наконец доспехи были отброшены в сторону, обнажая химические ожоги на коже. Солидные участки этой кожи по-прежнему дымились на туловище и крабовидном лице Хищника.

Оставшись без маски и доспехов, существо вызывающе проревело и повернулось лицом к двум здоровенным воинам Чужих, которые уже пробирались по полу, чтобы на него напасть. Швырнув зазубренное копьё, Хищник повредил плечо ближайшему Чужому. Монстр взвизгнул и отступил, а его собрат тем временем отшвырнул копьё в сторону, собираясь обрушиться на противника.

Тут с потолка упал третий Чужой. Его экзоскелет уже был обгажен светящейся зеленой кровью. Костяной хвост монстра обвился вокруг ноги Хищника, затем дернул. Хищник завопил от боли, когда из его ноги оказалась выдрана мышца. Покачнувшись, громадный воин рухнул на пол, и когтистые лапы принялись рвать его теперь уже беззащитную плоть.

Придавленный к каменным плитам тяжестью Чужого и ограниченный в движениях из-за змееподобного хвоста, что обвился вокруг его поврежденной ноги, Хищник отчаянно бился, ожидая, когда смерть призовет его к себе. Но, даже несмотря на то, что черные твари ползали прямо по вздымающейся груди Хищника и проливали горячую слюну на его незащищенное лицо, они почему-то не торопились наносить долгожданный смертельный удар. Вместо этого Чужие плотно прижимали упавшего Хищника к полу и шипели, словно бы что-то такое предвкушая...

Слабея, Хищник разглядел какое-то шевеление во мраке у себя над головой. Стоило ему только изогнуть шею и приглядеться получше, как его узко посаженные глаза мгновенно расширились. Воин заметил огромного альфа-Чужого, выползающего из тени, чьи зубы яростно скрежетали. Беспомощному Хищнику стало очевидно, что это существо, крупнее и гораздо агрессивнее своих собратьев, взяло главенство над всей стаей.

Когда монстр появился из мрака, стал виден его потрепанный в боях экзоскелет.

С головы до ног тело Чужого было покрыто ранами – включая горящую отметину от высокотехнологичной металлической сети Хищников.

Другие Чужие почтительно расступились, когда жуткое чудовище проползло вперед. Согнувшись пониже над упавшим Хищником, существо опустило вытянутое рыло, слов-

но бы обнюхивая жертву. Затем две черных лапы в некой оскорбительной ласке обвились вокруг черепа Хищника, после чего стиснули голову гуманоида и крепко прижали ее к полу.

Хищник бился и хватал жвалами воздух, но по-прежнему оставался беспомощен в могучей хватке опытного монстра.

Продолжая тщетное сопротивление, воин вдруг ощутил, как холодные когтистые лапы пробираются по его незащищенному туловищу. Тогда он опустил взгляд и заметил еще одного мордохвата, неотвратимо ползущего к его голове. Рыча, широко распахнув глаза и дергаясь из стороны в сторону, Хищник впервые в жизни испытал настоящий страх.

Действуя с предельной эффективностью, мордохват неспешно пристроился на разинутом рту добычи, заглушая ее жалобные вопли...

Глаза Миллера внезапно раскрылись. Несколько мгновений химик не понимал, где он. Зловещий страх стал первым ключом.

Миллер стоял или, по крайней мере, находился в вертикальном положении. Но когда попытался сдвинуться с места, выяснилось, что он фактически к нему прикован. Черное вещество плотным коконом обтягивало почти все его тело. Свободной оставалась только правая рука. Порванный рукав был сильно заляпан кровью.

Миллер повернул голову вправо, увидел висящих рядом

двух мужчин – и память тут же вернулась.

– Верхейден! – воскликнул он. – Ты меня слышишь?

Верхейден, к чьей физиономии плотно прижался мордохват, дернулся и потянул за свою твердую оболочку – то же самое вещество, которое образовывало кокон вокруг Миллера. Стоило только Верхейдену напрячься, как липкое щупальце паразита затянулось у него на шее. Вскоре Верхейден прекратил сопротивление, и его тело обмякло.

Рядом с Верхейденом Миллер увидел Коннора – вернее, то, что от него осталось. Грудь мертвеца была разодрана, ребра торчали наружу, и он вяло свисал со стены, точно какое-то тошнотворное произведение шокирующего искусства. Хотя к его лицу, на котором застыло страдальческое выражение, никакой мордохват не лип, преступный Чужой, лишивший жизни Коннора, лежал мертвым у его ног. Лапками кверху.

Тут Миллер услышал, как рядом с ним что-то капает. Извернувшись, он посмотрел себе под ноги. Яйцо с рождающимся из него мордохватом лежало на полу. Подобные лепесткам складки сочлились влагой, начиная раскрываться.

Миллер принялся отчаянно корчиться внутри кокона. А потом заметил, что из кобуры у плеча Верхейдена по-прежнему торчит револьвер.

Краем глаза наблюдая за подергивающимся яйцом, Миллер протянул руку. Ему удалось лишь слегка коснуться рукоятки оружия.

Яйцо задрожало, и складки разошлись. Оттуда, пробуя

воздух, потянулись длинные белые лапки.

Собрав свои силы в единый кулак, Миллер всем телом тянулся вперед, пока его пальцы не сомкнулись на рукоятке. В тот самый момент, когда мордохват прыгнул, Миллер выхватил оружие из кобуры и пальнул в уродца.

Мордохвата прямо в воздухе разорвало на части.

Тем не менее, даже ударившись о пол, потеряв половину лапок, упрямое существо по-прежнему силилось подняться. Миллер выстрелил еще дважды – каждая пуля была для твари как удар кувалды.

– Один-ноль в пользу Пробирок, – заключил химик.

Однако сладостный триумф Миллера оказался недолгим. По ту сторону от мертвого мордохвата каменный пол усеивали десятки подрагивающих яиц, и каждое из них пульсировало инопланетной жизнью.

ГЛАВА 26

В иероглифическом зале

Через глазок Лекси наблюдала за тем, как Хищник в соседнем зале, который только что пометил себя кровью, теперь потрошит и разделявает свою добычу. Выжженная им у себя на лбу молния не только удостоила его статуса воина, но также завоевала ему прозвище Шрам среди единственных людей, которые стали свидетелями кровавых событий – Лекси и Себастьяна.

При помощи церемониального ножа Шрам содрал черную, жесткую плоть с пасти Чужого и разрубил ткани, удерживающие внутренний рот монстра. Затем Хищник окунул свою ноживу в раствор, нейтрализующий кислотную кровь Чужого. Закончив с этим, Шрам отложил мрачный трофей в сторону и стал готовиться к очередному сражению.

Затем существо ненадолго исчезло из вида. Лекси поплотнее прижалась к глазку, силясь его разглядеть. Внезапно Хищник снова появился – впериваясь в тот же самый глазок, что и она. Акулы глаза монстра оказались в считанных сантиметрах от ее собственных.

Лекси охнула и отскочила назад. Секунду-другую спустя,

она снова набралась отваги и заглянула.

Существо готово было возобновить охоту. Оно снова надело лицевую пластину, прикрывая все еще подтекающее зеленой кровью почетное клеймо собственного производства. Несмотря на густой сумрак в соседнем зале, Лекси ясно видела ту же самую молнию, вытравленную на металлической маске монстра.

Поправив доспехи и надев на шею трофей, Хищник поднял копьё и двинулся к каменной плите, что отделяла зал с колоннами от того, который теперь занимали люди.

– Он там. Ждет, пока дверь откроется, – прошептала Лекси, быстро надевая на плечи рюкзак. В этот момент Себастьян вдруг понял, что у них есть с собой лишняя поклажа. Рюкзак Вейланда – тот самый, в котором хранилось оружие Хищников.

– Думаю, когда мы взяли это оружие, мы изменили местный порядок вещей. Нарушили равновесие.

Лекси взяла тот рюкзак.

– Он хочет вернуть себе свое оружие, – сказала она.

Себастьян взглянул на часы и покачал головой. Время кончалось.

– Когда эта дверь откроется, мы погибнем.

– Нет, если мы все уладим.

Себастьян был изумлен.

– Ты что, серьезно?

– Эта пирамида совсем как тюрьма. Мы берем оружие

охранников, и заключенные вырываются на свободу. Чтобы восстановить порядок, охранникам нужно вернуть оружие.

Себастьян передернулся.

– Никогда больше эту метафору не используй.

– Когда дверь откроется, мы просто вернем тому существу его оружие.

– Ты с ума сошла? – воскликнул Себастьян. – Хочешь еще метафору? Когда идет большая охота, животные, на которых охотятся, охотников не вооружают.

– Они на нас не охотятся. Мы просто оказались втянуты в войну. Пора решить, на чьей мы стороне.

– Все уже решено. Мы на нашей стороне.

– Мы можем смириться с тем, что отсюда не выберемся, – сказала Лекси. – Но мы также должны позаботиться о том, чтобы те змеи не вырвались на поверхность, потому что, если они это сделают, погибнут все и везде.

Себастьян немного помолчал, а затем кивнул.

– Враг моего врага – мой друг.

Лекси тоже кивнула.

– Послушай. Мы отдадим ему оружие, и тогда, если он оставит нас в покое, мы сможем спастись. Все, что нам требуется, это держаться вместе и добраться до поверхности.

Будильник Себастьяна запикал. А затем последовали словно бы раскаты грома и скрежет камня о камень, когда пирамида начала менять конфигурацию.

– Давай встретим нашего друга, – предложила Лекси.

Себастьян взял ее за руку, и они повернулись к двери. Рокот продолжался, но со стеной ничего не происходило.

– А что будет, если эта дверь не откроется?

Лекси нахмурилась.

– Постарайся настроить себя на оптимистический лад.

Как раз в этот момент каменная плита позади них ушла в потолок. Себастьян оглянулся через плечо. Дверь слева также открылась. И оттуда к ним заковыляла неуклюжая тень. Это был не гуманоид.

– Скорее, – выдохнул Себастьян. – Надо отсюда убираться.

Они побежали в пустой коридор и снова затерялись в каменном лабиринте. Пока пирамида продолжала рокотать, со стен слетали все новые и новые слои слепящей пыли.

Бегущий впереди Себастьян завернул за угол и обнаружил там глубокую пропасть. Яма, похоже, была метра четыре в ширину.

Даже при максимально быстром разбеге прыжок казался невозможным, но выбора у них не оставалось.

– Приготовься прыгать! – крикнул Себастьян.

Сам он без колебаний бросился вперед, вытягивая руки перед собой. По дуге проносясь над пропастью, Себастьян вдруг понял, насколько невозможен этот прыжок – и все же он ему удался. Почти.

Дыхание с хрипом вырвалось из его горла, когда Себастьян ударился грудью о дальний край. Ребра оказались

сломаны, но он все-таки стерпел острую боль и зацепился за кромку. Ногти его отчаянно впивались в щели между каменными плитами, пока археолог силился удержаться.

Лекси ударилась о стену мгновением позже, но гораздо ниже Себастьяна – так низко, что ее пальцы не смогли дотянуться до края. Перчатки заскребли по камню, и Лекси заскользила вниз по стене, в любой миг готовая сорваться.

Себастьян протянул руку и поймал Лекси. Резкий рывок остановил ее падение. Грудь Себастьяна буквально взорвалась болью, но Лекси он все равно не отпустил. Пальцы его крепко-накрепко вцепились в ее рукав. Лекси выгнулась и рискованно закачалась над мрачной бездной.

Ни один из висящих над пропастью людей не заметил, как к противоположному ее краю приблизился Шрам. Включив свое тепловое зрение, Хищник сфокусировался на спине женщины. В рюкзаке Лекси ясно просматривалась плазменная пушка.

Задышавшись от титанических усилий, Себастьян сумел закинуть ногу на выступ. Затем он стал отчаянно пытаться вытянуть их обоих из пропасти. Пока пот стекал по его лицу и ел глаза, Себастьян расслышал негромкое поскребывание – словно панцирный краб полз по скалистому уступу. Обернувшись, он увидел мордохвата Чужих, чьи придатки липли к крутой стене пропасти совсем рядом с Лекси.

Себастьян выкрикнул предупреждение.

Еще один мордохват торопливо выбрался из дыры в ка-

менной стене. Хвост его принялся хлестать Себастьяна по руке.

– Держись! – воскликнул мужчина, одновременно стараясь находиться подальше от мордохвата и выволакивать Лекси.

Взглянув в ее сторону, Себастьян заметил движение в тени. Ниже Лекси еще один мордохват взбирался по стене. Хвост его вытянулся, поглаживая ее ботинок.

Себастьян махнул кулаком в попытке размазать по стенке паукообразный кошмар, суевающийся возле его головы. Лишившись опоры, мордохват пронзительно взвизгнул и, беспомощный, полетел в бездну.

Осталось только два монстра-мордохвата. Один быстро вскарабкался вверх по стене, мимоходом хлестнув Себастьяна хвостом по щеке. Археолог чуть не сорвался с края, но вовремя спохватился. Порывистое движение Себастьяна также изменило положение Лекси.

Мордохват зашипел на Себастьяна, а потом длинный змеевидный придаток внезапно вытянулся из брюшка существа и стал искать на лице археолога какое-либо отверстие. Тогда Себастьян поднял руку и опустил локоть на гнусную тварь.

Ошеломленный мордохват сорвался с края и полетел в пропасть.

Наконец Себастьяну удалось забраться на выступ. Руки его безумно ныли. Он видел, как третий мордохват ползет

вверх по стене параллельно Лекси. Прежде чем он успел ее предупредить, Лекси что было силы пнула мелкого монстра ботинком. Беспорядочно болтая лапками, мордохват закувыркался вниз.

– Держись! – воскликнул Себастьян, по-прежнему мертвой хваткой вцепляясь Лекси в рукав.

Подтащив молодую женщину к краю, Себастьян заглянул в ее обращенное к нему лицо. Глаза Лекси в ужасе расширились, стоило ей только увидеть нависшую у него над плечом фигуру.

Себастьян задохнулся. Лицо его выражало безмерное удивление. Затем его руки взлетели над головой, и он оказался резко оторван от края бездны. Лекси услышала звуки борьбы, а затем последовал хлесткий удар. Заглянув за край, она увидела, что черный зверь сбил Себастьяна на пол. Сегментированный хвост твари, шелкая, словно хлыст, обернулся вокруг ноги археолога. Сложно было понять, мертв он или всего лишь без сознания, но, когда Чужой поволок Себастьяна в тенистый коридор, тело ученого казалось вялым, как тряпичная кукла. Миг спустя оба они пропали из виду.

Пока Лекси липла к кромке, что-то прокатилось мимо ее плеча – крышка от пепси-колы, ценная археологическая находка Себастьяна. Немного покувыркавшись на краю, крышка полетела в пропасть.

Наконец Лекси начала подниматься, перебирая руками, пока не ухватилась за выступ. Подтянувшись, она огляде-

лась. Участок вокруг рухнувшего в пропасть моста и коридор по ту сторону казались совершенно пустынными. Там не было решительно никаких следов Себастьяна де Роса.

Повернувшись спиной к бездне, Лекси направилась по очередному коридору. Видя, как луч фонарика слабеет, она поняла, что зарядка батарейки кончается. Пока свет совсем не пропал, Лекси решила свериться с компасом и выяснила, что он разбился при падении.

– Дьявол!

Впервые с тех пор, как Лекси вошла в пирамиду, она почувствовала отчаяние. Без света, без компаса, без спутника, в окружении лишь смертоносных Чужих и свирепых, незримых Хищников... вряд ли у нее еще оставались какие-то шансы выбраться отсюда живой.

Со всех сторон нависали тени. Черные дверные проемы неприятливо зияли. Коридоры разветвлялись и изгибались в новые тоннели. Лекси безнадежно, безвозвратно заблудилась. Прибавив шагу, она завернула за угол – и уткнулась в тупик.

– Проклятье!

Лекси повернулась, чтобы пройти обратно по тому же маршруту, и резко остановилась, когда массивный силуэт Хищника загородил ей дорогу.

«Враг моего врага – мой друг... Враг моего врага – мой друг». Точно мантру, Лекси мысленно твердила слова Себастьяна.

Хищник держал в поднятой руке короткую металлическую трубку. Внезапно из обоих концов трубки телескопировались идентичные стержни, превращая ее в смертоносное копьё. Существо раздуло мощную грудь, и из его бычьей глотки вырвалось глубокое и протяжное пощелкивание.

Затем Хищник обеими руками ухватился за копьё, размахнулся и всадил его в каменный пол. Смысл был понятен – настало время сражаться.

«Ладно, валяй, сегодня мой день», – подумала Лекси с бравадой, которой она вовсе не испытывала.

Хищник неподвижно застыл и наклонил голову. Глаза его слабо светились в гнетущем сумраке. Лекси ощутила, как странное электрическое тепло щекочет ей грудь, руки и спину. У нее возникло отчетливое чувство, что Хищник при помощи какого-то устройства ее сканирует.

Определив для себя цель, воин снова поднял копьё, нацелил зазубренный кончик точно в сердце Лекси и опять застыл, в любую секунду готовый ударить.

Словно загипнотизированная мрачной картиной собственной смерти, Лекси вызывающе стояла с прямой спиной, ожидая убийственного укола.

Затем, не сводя глаз с жуткого существа, она медленно сняла со спины рюкзак с оружием и протянула его Хищнику. Когда тот отказался его взять, Лекси положила рюкзак на пол и толкнула его ногой в сторону воина.

Казалось, прошла целая вечность. Наконец Хищник опу-

стил копье, взял рюкзак – и в этот самый момент из тени у него за спиной высунулась продолговатая голова воина Чужих.

Лекси уже открыла было рот, собираясь выкрикнуть предупреждение, но Хищник, почуяв опасность, развернулся для удара, прежде чем она успела издать хоть один звук.

Бешено качнувшись, Чужой выбил копье из кулака Шрама. От второго удара Хищник покатился по земле. Не успела спина воина удариться о холодный камень, как Чужой уже на нем сидел. Его костяной хвост хлестал из стороны в сторону, высекая искры из стен, а когти черной твари тем временем рвали доспехи Шрама.

Хищник тщетно пытался сбросить с себя монстра, однако Чужой сидел крепко и зарывался когтями все глубже, вырывая куски мяса из-под доспехов. Шрам выл и молотил врага руками. А Чужой запрокинул голову и раскрыл пасть, брызгая на маску Хищника горячей слюной.

Пальцы Шрама бешено рвали шкуру Чужого, пока из доброго десятка ран не засочилась кислотная кровь. Тогда Чужой наклонился к самому лицу врага. Пасть его распахнулась до отказа – точно у змеи, заглатывающей свою добычу. Внутренний рот черного монстра выдвинулся вперед, разеваясь над плотью Шрама. Зубы его истошно скрежетали.

Хищник проявил первые признаки слабости. Его усилия стали менее неистовыми, и Лекси показалось, что существо так же готово принять смерть, как сама она считанными се-

кундами раньше. Наконец Шрам прекратил махать руками и замер. Его слепые глазные щели бесстрастно смотрели в лицо нависшей над ним смерти.

Чужой испустил победное шипение, а потом наклонил голову, готовый наконец-то погрузить зубы в незащищенное горло Шрама.

И только тогда Хищник сделал свой ход. Используя собственный вес Чужого против него же, Шрам прогнулся, подался назад и бросил черного монстра через голову. Лекси этот маневр напомнил прием дзюдо. К ее ужасу, Чужой полетел в ее сторону. Тогда она выхватила из земли копьё Хищника и обеими руками занесла его над головой.

Чужой отскочил от стены узкого тоннеля и быстро обрел равновесие. Но теперь он оказался лицом к лицу с новой добычей – Лекси.

Шрам заревел и развернулся лицом к своему противнику в тот самый момент, когда второй Чужой выскочил из тени – на сей раз альфа-Чужой.

Этот здоровенный Чужой, чье тело носило на себе шрамы от сети Хищников, со всей своей мощью обрушился на Шрама. Хищник прижался спиной к стене и достал метательный диск. Устройство с электрическим гудением развернулось, трехсантиметровые лезвия выползли из его кромки.

Однако возможности им воспользоваться у Шрама не оказалось.

Испуская поистине сверхъестественное верещание, аль-

фа-Чужой с размаху ударил Хищника в грудь, сшибая его на землю. Словно танцуя убийственное танго, Шрам и Чужой покатались по каменному полу. Острыми когтями Хищник пытался рвать и без того жутко истрепанную в боях шкуру черного монстра.

Как будто получив подсказку от альфа-Чужого, меньшая тварь напротив Лекси тоже бросилась, зловеще щелкая челюстями и скрежеща зубами. Монстр прыгнул по высокой дуге, рассчитывая всей своей тяжестью обрушиться на хрупкую женщину.

Однако именно этот самоуверенный маневр как раз и погубил Чужого. С обдуманном спокойствием Лекси отступила назад, упирая копьё Хищника в твердый каменный пол. И получилось так, что в конце эффектного прыжка Чужой сам насадил себя на убийственное острие.

С предсмертным воплем, стряхнувшим всю пыль со стен, Чужой выгнулся и забился на конце копья, точно форель на остроге. Лекси что было сил старалась держать оружие на месте, не подпуская к себе корчащегося монстра. Кислотная кровь брызгала на стены и стекала по копьё, разъедая металл. А отчаянно дрыгающийся кошмар упорно отказывался умирать. Рискую получить химические ожоги от кислотной крови, которая могла проесть ее ладони до костей, Лекси тянула копьё вверх, чтобы все усилия монстра и его собственная тяжесть только еще глубже погружали оружие в его черное тело.

Тем временем Шрам и альфа-Чужой по-прежнему бились в смертельном поединке. Хищник сумел выкатиться из-под врага и вернуть себе метательный диск. Снова и снова Шрам погружал длинные сверкающие лезвия в толстую шкуру монстра. Чужой выл и рвал Хищника когтями, не обращая внимания на целые ручьи жгучей кислоты, что лились из многочисленных ран. Пробивая доспехи Шрама, он царапал его бледно-серую плоть.

Лекси рискнула бросить быстрый, взгляд на Хищника – и в этот самый момент челюсти Чужого клацнули у самого ее носа. Чудовище, которое она проткнула копьем, по-прежнему наотрез отказывалось умирать, сползая по древку и пытаясь ее укусить. Лекси тряхнула копьем, разбрызгивая шипящие капли крови по стенам и полу. Чужой снова заверещал – и то же самое сделала Лекси, когда первая капля кислоты попала ей на перчатку.

Затем Лекси отпрянула, отпуская копьё, а вместе с ним и Чужого. И первое, и второй, ударившись о стену, упали на пол, где Чужой всего лишь раз дернулся, после чего застыл. Лекси тут же разок врезала монстру ботинком по голове, потом еще разок, потом для ровного счета и третий – просто желая убедиться в том, что враг мертв. Пасть Чужого разинулась, теперь уже покрытая пеной. Его внутренний рот вяло свисал в глубине. Кровь больше из ран не текла.

– Подох, гад!

Теперь Лекси доподлинно знала, что эти твари смертны.

Она действительно одну из них убила – и ей это понравилось.

Внезапно пол задрожал у нее под ногами, когда пирамида снова стала менять конфигурацию. Несколько секунд ничего не происходило. А потом тупиковая стена, грохоча, поплыла вверх к потолку, открывая еще один зал.

Заметив движение, Лекси бросилась к стене. Миг спустя мимо нее прокатились сцепившиеся в неистовом поединке Шрам и альфа-Чужой.

Прижав Чужого к земле, Шрам вскинул метательный диск для обезглавливающего удара. Но прежде чем бритвенно-острые лезвия достигли горла черного монстра, тот выскользнул из хватки Шрама, и диск раскололся от удара о каменный пол. Тогда, ухватившись за длинные цилиндрические рога, что торчали из позвоночника Чужого, Хищник вскочил ему на спину и обломком диска рубанул его по блестящему черепу.

Чужой попытался его сбросить, и они опять покатались по полу, через дверной проем попадая в новый зал.

Лекси заметила, что следующее помещение лучше освещено, однако входить туда побоялась. Направься она в другую сторону, ей бы удалось ускользнуть от Хищника и, может статься, выбраться из лабиринта живой.

Затем Лекси расхохоталась.

«Куда там, – подумала она. – Если Шрам меня не убьет, то Чужие как пить дать прикончат».

Впрочем, были и другие причины остаться. Возможно, это

было любопытство, а возможно, что-то более первобытное – нечто вроде фундаментального восхищения. Ведь Лекси только что наблюдала за тем, как самый одержимый охотник во вселенной сражается с самой идеальной машиной для убийства, какая только бывает в природе.

Отчасти ей просто хотелось посмотреть, кто победит. Хромая, Лекси подошла к дверному проему. По всему полу виднелись пятна тошнотворно-зеленой влаги и дымящиеся дыры в каменных плитах, где Чужой пролил то, что у него сходило за кровь. Лекси последовала по этой жуткой тропе.

В мутном свете она увидела длинный коридор, обрамленный колоннами. Стены и столбы там были покрыты искусно выгравированными иероглифами. Битва по-прежнему бушевала, и противники боролись в самом центре прохода. Хищник, похоже, слабел, причем на сей раз, Лекси почувствовала, что это вовсе не уловка. Хотя гуманоид по-прежнему сжимал в руке обломок метательного диска, удары его потеряли свою мощь, и ни один из них не мог стать смертельным. Казалось, что это просто вопрос времени, когда Шрам погибнет и Лекси окажется лицом к лицу с его убийцей.

Однако Лекси ожидало удивление.

С вызывающим воем, Хищник из последних сил отшвырнул от себя Чужого. Тот врезался в ряд колонн, после чего из-под потолка в облаке пыли и обломков рухнуло несколько массивных камней.

Шрам отпрянул в сторону от камнепада и натолкнулся на

Лекси.

Они обменялись изумленными взглядами. Прежде чем Шрам успел поднять обломок диска, Хищник и молодая женщина услышали злобное шипение.

Они дружно повернулись и увидели еще четырех Чужих, пробирающихся вдоль стен и под потолком. Один, который уже принялся разбрасывать по сторонам куски каменной кладки, опустил голову и опять на них зашипел. Лекси сообразила, что целью этих солдат было освободить альфа-Чужого, погребенного под лавиной обломков.

Тем временем Хищник прикрепил к плечевому лафету плазменную пушку, переданную ему Лекси. Затем, ослепляя Лекси всплесками энергии, Шрам принялся отгонять Чужих целой серией залпов из мощного орудия.

Когда все черные монстры скрылись из виду, Хищник опустил дымящийся диск и бросил его на пол. Затем он отключил орудие у себя на плече и посмотрел на Лекси, которую заворожило зрелище того, как отступающие Чужие буквально плывут вдоль каменных плит, удирая по стенам и потолку.

Без единого звука Хищник повернулся спиной к Лекси и зашагал прочь.

– Эй! Эй! – заорала Лекси. – Я с тобой!

Она подбежала к существу и схватила его за руку.

Хищник резко развернулся, едва не сшибая ее с ног.

– Слышишь меня, сукин сын? – выкрикнула Лекси. – Я

иду с тобой!

Хищник недоуменно на нее воззрися. Долгое время ничего не происходило. Наконец Лекси просто показала ему пустые ладони. Хищник еще немного поглазел на молодую женщину, а потом крякнул, сунул руку под доспехи, достал оттуда нож и вложил его Лекси в руку.

ГЛАВА 27

В лабиринте

Вскоре после того, как Шрам вручил Лекси оружие, целая орда Чужих высыпала из тьмы, бросаясь в новую атаку. Со злобным шипением монстры пробирались по обломкам каменной кладки, семенили, точно гигантские насекомые, по стенам и потолку, наступая на Лекси и Шрама.

Лекси попятилась из зала обратно в коридор, где она убила своего первого Чужого. Труп по-прежнему был там, и оплавленное копьё торчало из его брюха.

Лекси взглянула на Хищника.

– Дружба у нас хоть и краткая, но очень приятная, – сказала она.

Если Шрам ее и услышал, то никак этого не показал. Вместо этого длиннопалые руки Хищника принялись ощупывать сложные иероглифы, что тянулись вдоль дверного проема.

Лекси наблюдала за тем, как он быстро нажимает несколько символов подряд, явно набирая некий замысловатый код. Каждый знак, которого касался Шрам, тут же начинал испускать внутренний свет совсем как кнопки лифта или как

кружки на звездной карте в зале саркофага.

Лекси оторвала взгляд от древней клавиатуры и увидела, как к ним, перепрыгивая друг через друга, несутся Чужие. Вел их освобожденный из-под каменной груды альфа-Чужой. Его шкура была порвана и пробита, обильно сочась кислотной кровью. Из всей толпы вид у этого монстра был самый остервенелый.

– Если у тебя есть план, лучше поторопись, – сказала Лекси, делая шаг назад.

Хищник, похоже, понял если не слова, то хотя бы смысл и удвоил свои усилия. В конечном счете, засветилась чуть ли не вся стена.

– Очень мило, – похвалила Лекси. – Но какой от этого толк?

А потом она услышала теперь уже слишком знакомый рокот внутри стен. Хищник отступил назад, утягивая с собой и Лекси. С оглушительным скрежетом массивная каменная плита выскочила из потолка и грохнулась прямо перед Чужими в тот самый момент, когда когтистые лапы альфа-Чужого уже готовы были сомкнуться на шее Шрама.

Лекси вздрогнула, донельзя удивленная тем, что все еще жива.

Последовал громкий стук по ту сторону плиты, когда Чужие в нее врезались и забарабанили когтистыми лапами по твердому камню. Хотя сами они никак не могли проникнуть сквозь стену, их демонические крики ярости и разочарова-

ния определенно это делали. Лекси прислушалась к воплям и содрогнулась. Страшась темноты, она достала свой умирающий фонарик и поводила слабым лучом по стенам прохода. Сердце ее упало, когда она поняла, что коридор представляет собой тупик. Лекси оказалась в ловушке. Ее единственным спутником был свирепый охотник со звезд, а единственный путь наружу заключался в том, чтобы прорваться сквозь целую орду злобных Чужих.

– Классно, что ты нас тут запер.

Шрам крикнул.

Затем Хищник принялся без особых церемоний сбрасывать с себя поврежденные доспехи. Местами они все еще дымились от едкой крови Чужого. Когда все тяжеленные детали доспехов с лязгом, упали на пол, обнажились новые тонкости странной, рептильной анатомии Шрама.

– Не так скоро, приятель, мы еще толком не познакомились, – сказала Лекси.

Разумеется, она не рассчитывала, что Шрам поймет шутку. Как и большинство мужчин, которых она знала, Шрам был наделен решимостью и самообладанием. Он определенно был самым сильным и молчаливым.

Лекси зажгла осветительный патрон, тем самым нешуточно изумила Хищника. Тот злобно на нее зарычал.

– Это просто свет, – пояснила она, кладя патрон на пол. – Свет.

В горле у Шрама раздалось то же самое шелканье, кото-

рое Лекси уже слышала раньше. Оно напоминало ей кваканье лягушек. Тем временем Хищник продолжал срывать с себя фрагменты доспехов.

Лекси бросила рюкзак и присела в углу узкого коридора, стараясь держаться как можно дальше от мертвого Чужого. В неверном свете она стала наблюдать за поведением Шрама, пытаясь разгадать происхождение инопланетного существа.

Шкура Хищника была рептильной, но не чешуйчатой. Или, по крайней мере, не такой чешуйчатой, как у земных рептилий. Впрочем, не исключалась и такая возможность, что эпидерму Шрама покрывали крошечные, почти микроскопические чешуйки. Это можно было бы проверить, подобравшись к нему совсем близко. Разумеется, Лекси даже пытаться не собиралась. Плоть Хищника была бледно-серой с зеленоватым оттенком, хотя в мерцающем ярко-желтом свете патрона не так просто было различать цвета.

Глаза гуманоида были узко посажены, располагаясь довольно глубоко в его черепе. Это были глаза охотника. У земной добычи: мелких птиц, грызунов, оленей, буйволов – глаза находились по бокам черепа. А у всех земных хищников: кошачьих, сов и людей – смотрели вперед, что усиливало дальность зрения и координацию глаз – рука.

Глубоко посаженные в массивном черепе глаза Шрама защищал мощный костяной лоб. Эта эволюционная черта напомнила Лекси анатомию динозавров.

Дреды, окаймлявшие лицо Шрама, просто озадачивали.

Он никогда их не снимал, и в то же самое время эти болтающиеся придатки не казались природным образованием – прежде всего потому, что у них имелись металлические кончики. Возможно, они представляли собой некое биомеханическое средство, слияние плоти и технологии. Или они были именно тем, чем казались, а именно присущей Хищникам разновидностью волос.

Кривые жвала вокруг рта Хищника также представляли собой загадку эволюции. Они гораздо скорее напоминали черты животного водоплавающего, нежели сухопутного. Не был ли Шрам амфибией? Впрочем, если даже и был, это по-прежнему не объясняло присутствия жвал. Насекомые пережевывали жвалами пищу, но у Шрама для этой цели имелись зубы. Некоторые насекомые – как там их, арахниды? – также использовали жвала как органы чувств, однако и это Лекси мало что объясняло.

Не являлись ли они атавистической чертой, пережившей свою биологическую бесполезность, вроде человеческого аппендикса? Так, возможно, жвала были необходимы для воспроизводства или брачных обрядов? Н-да, довольно тревожная мысль. Впрочем, биологические познания Лекси обеспечивали ее представлением о том, что насилие во время совокупления не является такой уж редкостью среди земных видов.

Кисти Хищника определенно напоминали лапы рептилии – длинные тонкие пальцы, частично перепончатые, два сред-

них намного длиннее остальных. Однако наблюдались и различия. Хотя рептилиям не доставало носов, ноздри у них все же имелись, а многие виды также располагали обонятельными органами на языках. Однако у Шрама на месте носа был плоский и твердый гребень. Лекси не сумела различить там никаких дыхательных щелей и не была уверена, есть ли вообще у Хищника язык. Хищникам также не доставало хвостов. И, несмотря на их грозные боевые навыки, Лекси сомневалась в том, что они, подобно саламандре, способны регенерировать утраченные конечности или пальцы.

Лекси подметила, что под пластинчатыми доспехами Шрам носит некое подобие сетчатого нижнего белья, причем старается удалять как можно меньше этого материала. Тем не менее, поврежденную часть сетки ему все же пришлось выбросить – подальше от Лекси. Когда Хищник на что-то отвлекся, Лекси подняла отброшенную сетку и аккуратно ее ощупала. Она была сделана из какого-то гибкого металла и казалась чертовски горячей. Еще более странным представлялся тот факт, что материал оставался горячим еще долгое время после того, как его удалили от источника энергии и, предположительно, от телесного тепла Шрама, если он таким обладал. Все это привело Лекси к выводу, что сетка является неким нагревателем, а также, скорее всего, такой же важной частью снаряжения Шрама, как акваланг глубоководного ныряльщика. Если вид Хищников эволюционировал из какой-то разновидности внеземных рептилий, то-

гда они, вероятнее всего, были эктотермичны, то есть температура их тела регулировалась внешними климатическими условиями.

Тела млекопитающих генерировали собственное тепло, однако рептилии зависели от внешних температур в плане терморегуляции и поддержания сбалансированного обмена веществ. Именно поэтому большинство рептилий процветало в жарком климате и сторонилось таких мест как полярные регионы. По сути, весьма странные вещи происходили с рептилиями, помещенными в холодную окружающую среду. Они становились ленивыми и менее агрессивными, а самки порой обретали способность к живорождению вместо того, чтобы откладывать яйца и не заботиться о своем потомстве.

Рептилии также могли погибнуть в условиях слишком сильного или слишком продолжительного холода, и Лекси заметила на руках у Шрама несколько пятен грубой, растрескавшейся кожи, очень похожей на цыпки, появляющиеся в ветреную морозную погоду у людей. Хотя Лекси не была специалисткой в области внеземной биологии или герпетологии, ей все же казалось, что Шрам не очень хорошо переносит суровый климат Антарктики.

Вскоре Лекси начала задумываться о собственном здоровье.

Прежде всего, она знала, что ей, вполне возможно, предстоит бороться с «марсианским эффектом». Название это ввел один профессор внеземной биологии из Университета

Карнеги, воздавая должное роману Герберта Уэллса «Война миров». И Хищники, и Чужие потенциально могли служить переносчиками опасных токсинов или экзотических штаммов вирусов и бактерий, к которым у них давным-давно развился иммунитет, но к которым люди никакого иммунитета не имели. Древние структуры вроде этой пирамиды тоже могли таить в себе угрозу. Так, от долгое время находившегося в состоянии покоя штамма бактерий, обнаруженного в гробнице Тутанхамона, погибла десятая часть открывших эту самую гробницу археологов, что послужило основой легенды о проклятии мумии. И даже близкий контакт с земными рептилиями нес в себе определенную степень опасности. Существовали виды жаб и ящериц, секретирующих токсины, способные парализовывать или даже убивать. Многие рептилии к тому же носили у себя на коже вирус сальмонеллы.

Разумеется, прекрасно понимала Лекси, если она проживет так долго, что реально успеет заполучить сальмонеллез, то будет считать себя настоящей счастливницей.

Кроме того, с существами вроде Шрама далеко небезопасно было просто находиться рядом – даже если ты заключал с ними мир. Хищники были прирожденными убийцами. Ритуальное убийство другого существа – неважно, разумного или нет, – составляло неотъемлемую часть их культурного уклада. Судя по всему, цивилизация Хищников фундаментальным образом основывалась на жестокости. Центральный

догмат их религии составляла церемониальная охота. Да и взять хотя бы то, как холодно и цинично они манипулировали первобытной культурой, заставляя избирать себя в божества, после чего принуждали многие поколения людей строить им пирамиды и населяли их «дичью», вырезанной из грудных клеток этих же самых людей.

По шкале жестокости такое доходило почти до геноцида, и Лекси внезапно охватил гнев в адрес Шрама и ему подобных за наглую манипуляцию ее первобытными предками, за то, что они сделали с Себастьяном, с Максвеллом Стаффордом и Чарльзом Вейландом, а также, вероятно, и с Миллером.

Тут Лекси заметила, что Шрам повернулся к ней спиной и занялся каким-то новым проектом. Он достал церемониальный кинжал, который Лекси уже видела, когда Хищник помечал себя кровью и добывал свой первый трофей. Затем Шрам отволоч труп Чужого в угол коридора и выдернул из него копьё. Продемонстрировав Лекси разъеденный кислотой наконечник копья, Шрам отшвырнул его в сторону. Одной рукой он перевернул мертвого монстра на брюхо. Затем, крихтя от усилий, Хищник всадил кинжал Чужому в поясницу и принялся вскрывать панцирь на торсе, пока вся хитиновая оболочка не оказалась разделена, точно у приготовленного омара.

Черная желчь, дымящаяся в морозном воздухе, а также склизкая зеленая жижа хлынули на каменные плиты и немедленно принялись разъедать пол. Гнусная вонь запол-

нила небольшой отрезок коридора. Ощувив рвотные позывы, Лекси краем шарфа закрыла себе рот и нос. Аккуратно избегая шипящей на полу крови, Шрам обошел вокруг трупа, поднял продолговатую голову Чужого, после чего с тошнотворным хрустом перерубил экзоскелет а также внутренние вены и сухожилия. Ноги и бедра монстра отпали, а внутренности вывалились наружу.

Работая с поразительной скоростью и точностью, Шрам перевел голову и торс в вертикальное положение, после чего разрезал край гибкого прозрачного клапана, что покрывал голову Чужого. Оттянув толстую мембрану к затылку, Хищник обнажил мозг Чужого, который – поразительное дело! – все еще пульсировал. Наконец Хищник изъясил из тела Чужого наружный панцирный череп и отложил его в сторону. Костяная оболочка была абсолютно полый. Продолговатый мозг оставался соединен с телом, по-прежнему подергиваясь и пульсируя.

Испытывая и отвращение, и любопытство, Лекси подошла поближе, старательно избегая кислотной крови, что пятнала пол тесной камеры. Прямо у нее на глазах Шрам отрезал Чужому руку и принялся отдирать мышцы от оболочки. Затем, позволив крови стечь на пол, он поставил фрагмент костяного панциря рядом с пустым черепом.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Лекси.

Вместо ответа Шрам снова поднял окровавленное туловище и взялся прощупывать ножом мозг монстра. Даже ли-

шенный черепа и левой руки, Чужой по-прежнему выглядел угрожающе.

Лекси стала наблюдать за подрагивающим мозгом. «Интересно, – подумала она, – как можно наверняка узнать, что одна из этих тварей действительно мертва?»

В этот самый миг правая рука Чужого взметнулась вверх и пролетела в считанных сантиметрах от лица Лекси. Молодая женщина взвизгнула и резко отскочила назад.

Однако больше никаких движений Чужой не сделал, а Шрам продолжал спокойно сидеть позади него, тыкая и прощупывая лобные доли. Хищник взглянул на Лекси, а затем погрузил нож в сгусток нервов. Рука Чужого снова взметнулась. Лекси поняла, что Шрам намеренно ее пугает, и даже могла поклясться, что он при этом посмеивается.

– Ха-ха-ха, как смешно.

«Надо же, – подумала Лекси, – выходит у Хищников есть чувство юмора. И даже если это юмор висельника, так все равно лучше, чем когда юмора совсем нет».

Закончив с развлечениями, Шрам вернулся к работе, отдирая мышцы и органы от фрагментов панциря, которые он затем аккуратно ставил на пол возле пустого черепа Чужого.

– Что ты делаешь? – снова спросила Лекси. На сей раз, она положила ладонь Шраму на плечо, причем достаточно твердо, чтобы привлечь к себе внимание.

Нетерпеливо рыча, Хищник бросил полуразделанную руку, которой он усердно занимался, и поднял нож, словно бы

его демонстрируя. Лекси подалась поближе и внимательно осмотрела лезвие. Только тут она поняла, что оно не выковано из металла, а вырезано из какого-то твердого вещества вроде слоновой кости и остро заточено.

– Хорошо, – сказала Лекси. – Это особый нож... ну и что?

Шрам предельно аккуратно погрузил кончик жертвенного ножа в сочащуюся кислотной кровью ямку в мозгу Чужого. Затем он стряхнул кровь с лезвия на разбитый сегмент своих доспехов. Как только капли попали на поверхность, кислота взялась за работу, всю разъедая амуницию.

Затем Хищник снова набрал крови на нож, но в этот раз стряхнул ее на кусок панциря Чужого. Не случилось ровным счетом ничего – капли кислоты просто скатились с панциря. Тогда Хищник бросил на молодую женщину многозначительный взгляд, словно бы спрашивая ее: «Понятно?»

– Конечно! – воскликнула Лекси. – Чужие невосприимчивы к собственным средствам защиты! Дикобраз не может сам себя уколоть!

Очевидно, церемониальный нож, который носил с собой Хищник, был изготовлен из того же самого вещества – куска экзоскелета Чужих, оформленного и отточенного до бритвенной остроты. Схожим образом поступали китобои девятнадцатого столетия, вырезая себе ножи из костей добычи.

Лекси энергично кивнула:

– Я поняла, поняла. Мы будем держаться вместе и доберемся до поверхности.

Шрам потянулся и тронул ее за плечо. Затем поднял руку и коснулся какой-то отметины на своей маске.

– Будем держаться вместе... доберемся до поверхности... – Лекси изумленно слушала, как Хищник обращается к ней посредством электронной записи ее слов.

Затем молодая женщина улыбнулась и хлопнула своей крошечной ладошкой по гигантскому кулаку Шрама.

– Заметано, – сказала она.

Внезапно стены буквально потряс поистине сверхъестественный крик, совершенно непохожий на все, которые они слышали раньше. Крик с поразительной легкостью проник в их камеру, так что он наверняка разнесся по всей пирамиде.

Лекси и Шрам обменялись тревожными взглядами, а потом Хищник выхватил из груди кусок панциря Чужого и с такой силой прилепнул его к груди Лекси, что чуть было не вышиб из нее дух. Придерживая у нее на груди этот кусок, Шрам прикинул его размер, после чего отшвырнул его в сторону и взял фрагмент поменьше.

Лекси тут же поняла его намерения. Чтобы это показать, она подняла тяжелый кусок панциря черного монстра и приложила его к предплечью Шрама.

Хищник напрягся от ее прикосновения, но все же без каких-либо протестов позволил Лекси приладить к своей руке кусок хитина. Пока Шрам перебирал куски панциря Чужого, подыскивая там нужные детали, Лекси достала свой нож и принялась обрезать лямки непоправимо загубленного рюкзака.

зака.

Вот так, работая бок о бок на благо общей цели совместного выживания, Лекси и Шрам – женщина и Хищник – начали действовать как единая команда.

В зале Матки

Бесконечные часы Матка Чужих, не в силах что-либо поделать из-за коварных колючих цепей, что держали ее в плену, вынуждена была беспомощно наблюдать за тем, как одно ее драгоценное яйцо за другим сбрасывается в ревущую печь. Лишь немногие яйца получили шанс произвести на свет свое содержимое. Все они были переброшены в другую часть пирамиды, где Матка уже не могла за ними следить.

Но даже сейчас она чувяла, что некоторые из ее отпрысков живы и здоровы.

Пена пятнала длинное, безглазое рыло Матки, а ее брюшко конвульсивно содрогалось, когда очередное сочное яйцо падало в желоб и уносилось громадными машинами, которые неведь что перекачивали и взбалтывали внутри стен.

Самка билась и яростно скалила зубы всякий раз, как ее яйцо не проходило автоматизированной проверки и приготавливалось к сожжению в печи. Порой, прежде чем конвейер достигал огненной камеры, кожа на яйце расходилась, и беловато-бледный мордохват появлялся оттуда, горя желанием выскочить из кожистого кокона. Однако машина все равно

сбрасывала отвергнутое яйцо в огонь. Протягивая автоматическую руку, она сталкивала в печь отчаянно корчащегося младенца заодно с его кожистым мешком.

А там новорожденного мордохвата, жалобно мяукающего, мгновенно пожирало пламя.

Наблюдая за такой жестокостью, Матка, в конце концов, пришла в дикое бешенство. Она билась и натягивала металлические цепи, нешуточно проверяя предел их прочности при натяжении. Однако, хотя от ее неистовых конвульсий тысячелетняя пыль и куски каменной кладки сыпались со стен и сводчатого потолка, неразрушимые цепи не поддавались.

Запрокинув увенчанную гребнем голову, как только позволяли оковы, Матка раскрыла слюнявую пасть и испустила жуткий, безумно оглушительный крик ярости, разочарования и полного отчаяния. Крик этот разнесся по всей пирамиде.

В лабиринте

Альфа-Чужой с сильно пострадавшей от сети шкурой барабанил кулаками по каменной двери в бесплодной попытке добраться до Шрама и Лекси. А потом до него донесся дикий и пронзительный сигнал бедствия. Чужой помедлил, поднял бесформенную голову и прислушался.

Когда снова раздался крик Матки, альфа-Чужой зашипел

и оскалил зубы, готовый действовать по тревоге. Члены его свиты отступили в тень, раскачиваясь там, точно свернувшись питоны, наблюдая и ожидая реакции вожака.

Хлеща обрубком хвоста, альфа-Чужой резко развернулся и бросился по коридору в направлении зала Матки. Все тут же последовали за ним. Эбеновые лапы шарили по стенам, пока Чужие устремлялись вперед сквозь густой мрак.

Тем временем по другую сторону каменной плиты Шрам продолжал облачаться в предельно грубого фасона боевой наряд. Используя грудную клетку мертвого Чужого, Хищник изготовил нагрудник и крепко привязал его велькроновыми лямками от рюкзака Лекси.

Шрам уже надел лицевую маску и металлический блок питания, который он носил на своей широкой спине. Он также сохранил наплечник с лафетом для плазменной пушки. Три эти вещи казались самыми важными компонентами его первоначальных боевых доспехов, теми, что содержали системы жизнеобеспечения и электропитания, а также сенсорную аппаратуру, на которую Хищник полагался во время охоты. Нагревательная сетка осталась на месте под новыми, временными доспехами, и Шрам также взял в один могучий кулак длинное, зазубренное копьё. Другой кулак был закован в броню, усеянную обломками лезвий от разбитого метательного диска Хищника.

Лекси, понятное дело, была куда меньше, легче и слабосильней Шрама. Сознывая необходимость носить торопли-

во собранный защитный костюм, она все же невольно стонала под его тяжестью. Грудь ее была защищена фрагментом панциря Чужого, который прежде прикрывал бедро черного монстра. К своим рукам и ногам Лекси привязала куски панциря с предплечий и голеней Чужого, после чего покрепче обтянула их водонепроницаемой липкой лентой из походной аптечки.

Воспользовавшись черепом Чужого, Шрам изготовил для нее большой выпуклый щит, а сама Лекси соорудила себе шлем из кусков и осколков хитина, стянутых воедино веревками и кусками велькрона. Кроме того, у нее имелись наплечники из выдолбленных ребер Чужого.

В плотной перчатке Лекси сжимала длинную, отчаянно острую дубинку, сработанную из колючих шипов с сегментированного хвоста Чужого. Вдобавок она так расположила альпинистские крюки на поясе с инструментами, чтобы их легко было оттуда выхватывать, а потом одним быстрым движением колоть ими или резать. Рядом с ними Лекси держала пять оставшихся осветительных патронов и нож в расстегнутых ножнах, готовый к немедленному использованию.

Наконец Шрам и Лекси были готовы. Они стояли бок о бок, подняв оружие, пока длинные пальцы Хищника плясали по древней клавиатуре. Издавая скрежещущий рокот, каменная плита ушла в потолок, и заново снаряженные воины выскочили в коридор, держа оружие наготове и ожидая свирепой атаки Чужих. К их большому изумлению, никакой

атаки не последовало. Коридор был пуст, Чужие невесть куда исчезли.

ГЛАВА 28

В жертвенном зале

Громко топая ногами по каменному полу, Хищник пронесся по темному коридору, обрамленному двумя рядами колонн. Лекси отчаянно силилась от него не отстать. Несмотря на свою феноменальную спортивную подготовку, она едва ли была способна выдерживать бешеный темп Шрама. Его могучие шаги были, по меньшей мере, вдвое шире, чем у нее. Жадно хватая морозный воздух, Лекси жестоко потела под зимним комбинезоном и тяжеленными доспехами из панциря Чужого.

В тридцати шагах впереди Шрам помедлил у перекрестка, словно сомневаясь, какое направление ему выбрать. А потом резко рванул вправо.

– Нет! Нет! – завопила Лекси. – Туда! Налево!

Хищник резко развернулся и заметил один из стробоскопических источников света, все еще пылающий там, где Лекси несколько часов тому назад его оставила. Догнав Шрама, Лекси мгновенно узнала это место – именно этот коридор вел к жертвенному залу, где они оставили Томаса, Адель Руссо и нескольких археологов.

– Сюда! – воскликнула она, указывая пальцем и устремляясь вперед.

На мгновение показалось, что Шрам не собирается за ней следовать. Затем он все-таки побежал, быстро обгоняя Лекси и снова оказываясь ведущим.

– Полегче, – недовольно прохрипела Лекси. – Дай я тебя догоню.

К ее немалому удивлению, Шрам притормозил. А потом подстроился под темп молодой женщины, и они побежали бок о бок. Ощущение было такое, как будто Хищник начал воспринимать ее как равную. Лекси только не очень понимала, должно это льстить ее самолюбию или приводить в ужас.

Впереди зиял черный дверной проем. По обе стороны от него мигали два стробоскопических источника.

– Жертвенный зал! – воскликнула Лекси.

Они сбавили ход и осторожно вошли в круглое помещение. На полу Лекси заметила забрызганный кровью револьвер – «дезерт игл» Адели Руссо. Лекси подобрала оружие и проверила магазин. Осталась одна пуля.

Откуда-то из глубины зала до нее донеслось слабое, призрачное эхо. Шрам тоже его услышал. Лекси усиленно напрягала слух и, наконец, смогла различить человеческий голос, зовущий ее по имени.

– Лекси...

– Себастьян!

Лихорадочно водя глазами по сторонам, Лекси заглядыва-

ла за плиты и лежащих на них мумий. У входа в зал она увидела ряд расположенных вдоль стены мрачных статуй. Раньше Лекси этих статуй здесь не видела.

Голос снова позвал.

– Лекси... помоги...

Лекси повесила дубинку на пояс и сняла со спины копье, сработанное из кончика хвоста Чужого. Затем, подняв оружие над головой, она медленно приблизилась к каменным скульптурам. Напрягая глаза в полутьме, Лекси смогла различить часть отгалкивающих деталей жуткой терракотовой фрески. Фреска эта казалась трехмерным изображением мифического зверя с плотной оболочкой на теле и крошечной, почти человеческой головой.

– Лекси... пожалуйста...

Лишь когда голос снова позвал, обнаружилась истина. Никакая это была не фреска.

Гротескная картина на самом деле оказалась живой. Мифический зверь в действительности был человеком – Себастьяном де Роса.

Археолог был заключен в чудовищный кокон, его руки и ноги целиком опутывала почти непроницаемая оболочка. На каменном полу лежал сдутый яйцевой мешок и прозрачное тельце дохлого мордохвата. Лапки твари, в трупном окоченении, указывали в потолок.

– О боже... Себастьян...

Мужчина попытался улыбнуться, но это усилие умерло у

него на губах. Когда он заговорил, слова выходили с тяжким трудом. Каждый вздох был мучительным. Пока Себастьян напрягался, его бледные щеки пятнала красная пена.

– Лекси... я...

– Держись, сейчас я тебя освобожу.

Лекси попыталась порвать кокон голыми руками, но тщетно. Поверхность была тверда как мрамор. Тогда Лекси вытащила альпинистский крюк и рубанула по окутывающей Себастьяна оболочке. Ей удалось отбить лишь несколько осколков, а потом стальной шип затупился и погнулся.

– Нет – выдохнул Себастьян. – Слишком поздно. Ты должна остановить этих тварей.

Тут Себастьяна сотрясла судорога. Сухожилия у него на шее жутко натянулись, когда голова задергалась из стороны в сторону. Рот археолога раскрылся, и кровь потекла у него из носа.

– Лекси... они не должны выбраться на поверхность...

Позади Лекси появился Хищник. Бесстрастно взирая на умирающего мужчину, он положил массивную ладонь на плечо молодой женщине. Она с трудом стряхнула ладонь и бросилась на кокон, молотя по нему кулаками.

– Не волнуйся, Себастьян. Я тебя выручу.

Шрам снова схватил ее за плечо, на сей раз уже далеко не так нежно. Хищник тянул Лекси назад от кокона, а она пыталась с ним бороться.

– Отстань! – со слезами на глазах воскликнула Лекси. – Я

должна ему помочь!

Чувство, которое она похоронила в себе ради выживания, теперь ее переполнило. Лекси уже видела, как погибали Максвелл Стаффорд и Чарльз Вейланд, и, на сей раз, не собиралась так просто бросать Себастьяна. Не собиралась сдаваться без боя.

Но Шрам по-прежнему тянул ее назад.

– Отпусти! – завопила она.

– Доберемся до поверхности... – Модулированный голос Хищника снова проиграл.

Лекси ее собственные слова.

– Я сказала – отстань!

– Убей меня! – собрав остатки сил, выкрикнул Себастьян. – Пожалуйста.

Он опять содрогнулся. Бледная голая плоть под его сердцем начала растягиваться и вспучиваться. Когда кожа треснула, появились багровые щели, и кровь хлынула отовсюду. Затем Себастьян обратил глаза к потолку и испустил страдальческий вопль.

– Прости, – прошептала Лекси.

Она подняла пистолет и выстрелила Себастьяну в голову. Мучительные крики резко оборвались.

Лекси закрыла лицо руками. Хищник стоял рядом с ней, глядя на мертвеца и ожидая...

Внезапно из живота Себастьяна вырвалось какое-то существо и тут же бросилось на Шрама. Хищник отреагировал

молниеносно и одной рукой поймал тварь. Крепко сжимая существо в кулаке, он стал крутить его туда-сюда и внимательно разглядывать. Крошечный монстр корчился, пытаясь высвободиться. Пасть его клацала перед самым лицом Шрама.

Тогда Хищник небрежным движением пальцев сломал уродцу шею, точно спичку.

В зале Матки

Чужие прибывали со всех концов пирамиды – поодиночке, парами, группами, большими и малыми. Подобно волнующемуся потоку черной нефти, полчище стекалось по отвесным стенам и глубоким шахтам, пробиралось по дренажным тоннелям и узким пространствам меж толстых стен. Стрекоча и шипя, они инстинктивно откликались на материнские призывы.

Колоссальным живым цунами Чужие текли в зал Матки, спеша к краю туманного бассейна с ледяной влагой. Другие сползали по каменным стенам и семенили вниз по длинным зазубренным цепям, что держали Матку в плену.

Самую крупную группу вел альфа-Чужой с исполосованной сетью Хищников шкурой. Они наводнили зал, шипя и пререкаясь. Затем все движение прекратилось, когда твари склонили безглазые головы перед своей родоначальницей. Долгое время Чужие оставались недвижимы, тихи, почтитель-

ны – угольно-черное море сияющих хитиновых шкур и слюнявых пастей. Их цилиндрические головы молитвенно склонялись и покачивались из стороны в сторону.

Гремя цепями, Матка испустила долгое шипение, которое тут же воспламенило ее отпрысков и подстрекнуло их к действию.

В неистовом вихре скрежещущих зубов и клацающих челюстей твари бросились на прародительницу. Спрыгивая с края ледяного бассейна, большинство из них ухватилось за громадный механизм, который держал владычицу в неподвижности во время ее репродуктивных трудов. Однако несколько Чужих нырнули вниз сквозь поднимающийся над бассейном туман – прямиком к смерти.

Переползая друг через друга в маниакальном стремлении порвать материнскую плоть, монстры неслись как единое целое. Одни спускались по стенам и липли к цепям, тогда как другие, точно хищные птицы, буквально слетали с потолка.

Твари вцепились в Матку Чужих в тысяче разных мест, непрестанно терзая ее плоть зубами и когтями. Когда стрекочущая масса добралась до головы, слюнявые пасти принялись глотать огромную рогатую корону, ломать костяной гребень и вырывать из креплений зазубренные крюки. Забили фонтаны кислотной крови, бурные ручьи хлынули вниз по истерзанному телу Матки, расплескиваясь по ее отпрыскам и подстрекая их к еще большей свирепости.

Наконец брызнул целый душ костяных обломков, и по-

следний крюк был вырван из гребня. Хотя голова теперь освободилась и ее пасть оказалась более чем способна разорвать всех глодающих и рвущих тварей в пределах досягаемости, она не стала давать отпор. Вместо этого Матка просто висела там – скованные лапы распростерты, голова запрокинута, – словно бы приглашая своих детей насыщаться ее плотью и пить ее кровь в богохульной оргии матереубийства.

Бурлящая кровь хлестала из бесчисленных ран, расплескиваясь во все стороны. Внезапно появилась россыпь искр, когда большая машина, что держала ее нижние конечности, начала таять. Разъеденные кислотной кровью Матки, металлические цепи гнулись, провода рвались, а тросы корбились.

Триумфальным жестом Матка выдернула правую руку из оков, попутно отправляя нескольких своих детей в ледяную мглу. Страхась за свою жизнь, остальные отпрыски тут же дали обратный ход, устремляясь к далекому полу, отпрыгивая на стены, спускаясь по оставшимся цепям, точно крысы, бегущие с тонущего корабля.

Освободив обе руки, Матка мощными челюстями в ключья порвала полурасплавленную машину, которая так долго держала ее в подчинении. Высвобождая длинные ноги, она по-прежнему боролась с гигантским зажимом, смыкавшимся на ее хвосте и органах размножения.

Напряжение рябью прокатывалось по ее массивному телу, челюсти сжимались, а зубы клацали, пока Матка выры-

вала свой дрожащий хвост на свободу. Затем щелкнул хрящ, хлынул поток едкой, булькающей слизи – и Матка вырвала из своего тела родовые пути.

Наконец-то свободная, она прыгнула с разбитой платформы. Остатки цепей свисали с ее конечностей, лязгая при каждом движении.

Дрожа от бешенства и триумфа, Матка вскинула истерзанные руки и испустила вопль, полный жажды мести и обещания ответных страданий...

В жертвенном зале

Душераздирающий крик Матки разнесся по всей пирамиде.

– Что это? – воскликнула Лекси.

Повернувшись к Шраму, она впервые увидела перед собой испуганного Хищника.

– Неужели так скверно?

Шрам тронул Лекси за руку и, точно мантру, повторил записанные слова.

– Будем держаться вместе... доберемся до поверхности.

– Мы не можем позволить этим тварям отсюда вырваться.

Действуя так, словно он понял ее слова, Шрам снял у себя с запястья сложное и объемистое устройство. На кристаллической поверхности его светилось изображение Чужого. Шрам нажал несколько клавиш, и там появился участок с

символами. Тогда он сунул устройство Лекси под нос и наклонил голову, словно бы спрашивая: «Понятно?»

– Нет, непонятно.

Хищник указал на наручный компьютер. Затем поднял сжатый кулак и перевернул его. Наблюдая за Лекси, Шрам медленно разжал кулак.

– Взрыв. Эта штуковина – бомба?

Затем Лекси припомнила фреску в иероглифическом зале, где изображался Хищник с поднятыми руками, а затем грибовидное облако.

– Это бомба! – воскликнула Лекси.

«Как та, что взорвалась на этом острове в 1979 году», – подумала она.

Лекси взяла у Шрама устройство. Оно оказалось тяжелым, а внутри ощущалась вибрация работающих механизмов.

– Хорошо, – сказала Лекси. – Пусть будет бомба. Надеюсь, она всех этих вонючих тварей убьет.

Она бросила бомбу сквозь каменную решетку – еще глубже в сердце пирамиды.

– Будем держаться вместе... доберемся до поверхности, – повторил компьютерный голос Шрама.

Они побежали.

Путь к входу оказался свободен, и Лекси увидела вдалеке тусклое свечение – галогеновые лампы по-прежнему горели в гроте снаружи пирамиды. Но стоило им только добраться

до широкой лестницы, как еще один Хищник показался из тьмы и бросился на Лекси.

Отпрянув, она ударила существо кулаком, затем пнула его ботинком.

Удивительное дело, но под ее слабым напором Хищник отступил. Тут Лекси заметила, что существо, похоже, было ранено – его лицевая маска пропала, и жвала судорожно подергивались. На клыкастом рту виднелась зеленая пена.

Шатаясь, раненый Хищник заковылял назад. А затем его колени подогнулись, и он рухнул на пол. Запрокинув голову и дергаясь из стороны в сторону, Хищник выл. На статуи, стены и каменные плиты пола летела слизь. Лекси заметила, что его грудь начинает вспучиваться.

Беспомощное существо задыхалось, пока кожа натягивалась вокруг его сердца, после чего там расцвел обильный фосфоресцирующий фонтан зеленой крови. Лекси забрела за колонну и упала там на землю, замороженная ужасным зрелищем, как голова новорожденного Чужого, сплошь в гное и слизи, высовывается наружу. Тварь клацала челюстями, отчаянно стараясь высвободиться из умирающей плоти Хищника.

Только тогда Шрам сделал шаг вперед и привел в действие плазменную пушку у себя на плече. Долю секунды Лекси видела три алые точки, что освещали дергающуюся пасть новорожденной мерзости, а потом Шрам выстрелил.

Жгучая плазма ударила по упавшему Хищнику, испепе-

ляя его труп заодно с тошнотворным кошмаром, что корчился в его разверстой груди. Красное пламя и черный дым заполнили зал. Лекси чуть не задохнулась от жуткой, всепроникающей вони горелого мяса. Повернувшись спиной к погребальному костру, она наблюдала за игрой мерцающих теней на стенах, пока и Хищник, и Чужой полностью не сгорели.

ГЛАВА 29

В лабиринте коридоров сотни Чужих неслись сквозь мрак, карабкаясь по стенам и пробираясь по полу, шипя и стрекоча. Они сознавали, что добыча близка – так близка, что ее можно услышать, почуять, а затем и попробовать на вкус.

Позади океана обезумевших от крови черных монстров высилась массивная фигура, рядом с которой остальные казались карликами, – фигура громадная, чудовищная и предельно озлобленная. Матка Чужих.

Стоя над дымящимся трупом своего собрата-Хищника, Шрам расслышал приближение вражеского полчища. Он помедлил и прислушался, почти в человеческой манере наклонив голову.

Вскоре Лекси тоже их услышала. Хотя преследователей она не видела, стало ясно, что монстры уже подбираются к ним.

Шрам побежал к выходу. Лекси наступала ему на пятки. Сломя голову вырвавшись из пирамиды, они запрыгали по лестнице через две ступеньки. Сквозь красный туман усталости Лекси различила вдалеке ярко-белые огни подземного лагеря. Он казался заброшенным.

Жадно всасывая морозный воздух, Лекси рискнула оглянуться через плечо. Никаких признаков преследующей их

орды там по-прежнему не проглядывало.

В ледяном гроте

Добравшись, наконец, до грота, они обнаружили, что оборудование экспедиции сломано и разбросано, как будто там побывали безумные вандалы.

Затем у подножия ледяного тоннеля Лекси нашла труп подсобника Куинна. Судя по его виду, он изо всех сил бился за свою жизнь. Пока Шрам стоял на страже, Лекси быстро обыскала лагерь на предмет остальных, но все уже либо отсюда выбрались, либо погибли.

У отверстия шахты, ведущей к поверхности, подсобники установили систему с блоком и лебедкой, чтобы опускать под землю припасы и вытягивать наверх образцы. Для Лекси и Хищника нехитрое устройство было единственным выходом из этого ада. Оглядевшись, Лекси заметила большой деревянный контейнер. Она сорвала с него крышку. Если не считать заряженного альпинистскими крюками пистолета, внутри ничего не было. Лекси откинула крышку в сторону и прицепила контейнер к тросу блока.

Дальше она проверила пульт управления лебедкой и выяснила, что механизм откалиброван для противовеса в четыре тонны. Это означало, что при включении управляющего рычага контейнер с грузом в четыре тонны пойдет вверх по тоннелю со скоростью пять миль в час. Лекси сомневалась,

что они со Шрамом весят хотя бы полтонны, а потому с таким скудным противовесом их путешествие к поверхности должно было стать очень быстрым.

Она привлекла внимание Шрама и указала ему на контейнер.

– Залезай!

Но стоило только Шраму направиться к контейнеру, как из тени на него бросился альфа-Чужой. Обрубок его хвоста рубанул Шрама по плечу. Рана буквально взорвалась всплеском светящейся зеленой крови.

Лекси схватила пистолет с крюками и выстрелила. В ту же самую секунду над ней навис второй, менее крупный Чужой. Ошарашенная, она отшатнулась и рухнула в пустой контейнер. Пока Чужой к ней тянулся, Лекси перекатилась на спину и вставила ствол пистолета прямо в шелкающую пасть твари.

– Считай себя трупом! – заорала она, нажимая на спусковой крючок.

Затылок Чужого полетел назад, и существо вяло осело на лед. Несколько капель крови Чужого зашипело на стенке деревянного ящика, мгновенно его прожигая.

Выглянув из контейнера, Лекси увидела, как Шрам обезглавливает Чужого, однако на него тут же набросился еще один. И снова это оказался тот самый альфа-Чужой с исполосованной шкурой. Молниеносная атака сопровождалась диким мельканием зубов и когтей, бешеными взмахами обрубка хвоста.

Однако неумолимый Хищник лезвием метательного диска рубанул альфа-Чужого по голове. Рана получилась глубокой, но не смертельной. Кислота хлынула из разреза, брызгая на Шрама и прожигая его доспехи. Затем Чужой отступил назад, поднял когтистые лапы и снова бросился.

Чужой и Хищник с грохотом столкнулись и упали. А потом, сцепившись в смертельном объятии, покатались по земле. Наконец Шрам извернулся и ударил гигантской ногой, отбрасывая Чужого к стене.

Лекси улучила момент и потянула Шрама к пустому контейнеру. У стены альфа-Чужой силился встать на ноги. Его сегментированный хвост высекал искры из льда. Испуская злобное шипение, Чужой пустился следом за Лекси и Хищником.

Упрямый Шрам все-таки решил принять боевую стойку и с ревом повернулся лицом к черному чудовищу.

Но Лекси хотела только спастись. Собрав все силы, она потянула Шрама за собой. Ее веса оказалось достаточно, чтобы они вместе упали в пустой контейнер. Затем Лекси протянула руку за край и сомкнула пальцы на управляющем рычаге. Она довела его до черты, обозначенной как «аварийный подъем».

Последовал резкий рывок, и Лекси полетела назад, ударяясь спиной о край контейнера. А Шрам приземлился рядом с ней на самое дно, пока контейнер стрелой устремлялся по узкому ледяному тоннелю, словно курьерский лифт из ада.

Вскоре борта контейнера задымились от трения о ледяную стенку. Лекси стала молиться, чтобы древесина продержалась до самого верха. Ближе к поверхности она заприметила летающие вокруг снежинки и посмотрела вверх. Лекси увидела маячащий вдалеке выход из тоннеля, затянутое облаками небо и платформу на треноге, сооруженную над шахтой. Теперь эта платформа перегораживала им путь.

– Держись! – тревожно крикнула она. Контейнер выскочил из тоннеля, врезаясь в механизм лебедки. От мощного удара большой деревянный ящик разбился в щепки, а стальные опоры треноги с лязгом кувырнулись в шахту.

Как только они лишились контейнера, Шрам сжал Лекси в защищающем объятии. Потом они приземлились в снег и вместе покатались по твердому льду.

Когда Хищник, наконец, ее отпустил, Лекси зарылась в сугроб. Там она неподвижно лежала, пока ветер шевелил ее потрепанную одежду, а снег нежно ее засыпал.

Хищник же мгновенно вскочил, явно не обращая внимания на рану, из которой по его груди все еще бежали зеленые ручейки. Затем он внимательно огляделся по сторонам. Низкий, холодный туман ледяной хваткой сжимал китобойную стоянку на острове Буве, и снег по-прежнему валил, хотя ураган наконец-то утихомирился.

Тогда Хищник опасно подошел к шахте и взгляделся в ее черную дыру. Поначалу Шрам ничего не увидел, хотя и расслышал какие-то адские, необыкновенно гулкие крики. А

затем он все-таки разглядел, как искаженные тени скользят вверх по гладким стенкам.

Наконец, Хищник различил Матку Чужих, ведущую свое дьявольское отродье вверх по шахте в мир людей. Когти ее глубоко зарывались в лед, а ее дети карабкались впереди в темпе муравьев, сбегаящих из горящего муравейника. На широкой спине матери ехал альфа-Чужой, чья безглазая голова была запрокинута, а зубы оскалены в свирепом рычании. Завидев Шрама, альфа-Чужой спрыгнул с материнской спины и сам стал со страшной скоростью взбираться по стенкам шахты.

Шрам привел в действие наплечную пушку, но орудие лишь заискрило, а красные прицельные лазеры едва-едва засветились. Тогда он с ревом открыл пульт и стал лихорадочно возиться с управлением. Не потратив на всю работу и пяти секунд, Хищник снова нацелил плазменную пушку и выстрелил. На сей раз, выплеск плазмы промчался по шахте, и одного Чужого разорвало на куски. Матка злобно зашипела, когда на нее дождем полилась кислотная кровь.

Тут орудие Шрама снова заискрило. Хищник быстро отступил от шахты и сбросил с себя все боевое снаряжение, включая теперь уже бесполезную плазменную пушку и то немногое, что осталось от его изъеденных кислотой и разбитых доспехов. Закончив с этим, Шрам остался только в маске, набедренной повязке, сапогах и нагруднике. Даже нагревательная сетка – порванная в дюжине мест и лишен-

ная энергии – начала охлаждаться в суровом антарктическом климате. Ледяной ветер вгрызался в Хищника, высасывая тепло его тела и снижая его внутреннюю температуру до опасно низкого уровня.

Бросив последний взгляд на шахту, Шрам отступил, дожидаясь взрыва, который должен был последовать через считанные секунды...

Лекси застонала и зашевелилась. Она чувствовала, как ветер жжет ее незащищенные щеки, а снег колет лицо. Чья-то сильная рука схватила ее за шиворот и, словно беспомощного котенка, поставила на ноги.

Сознание быстро вернулось, и Лекси заморгала, всматриваясь в знакомую лицевую маску.

– Держись, – электронным голосом произнес Хищник. Ветер почти его заглушал.

Схватив Лекси в охапку, Шрам побежал прочь от шахты к заброшенной китобойной стоянке. Снег захрустел под его сапогами. Хищник нес Лекси в самую гущу строений, которые едва ли не целиком были погребены под огромными снежными наносами. Поверх кровоточащего плеча Шрама Лекси смотрела назад.

Она увидела, как из горловины тоннеля появляется альфа-Чужой. Заприметив их, черный монстр громко зашипел. А затем Лекси чуть было не ослепила вспышка ярко-зеленого света. Она мгновенно отвела глаза. Раскаленная струя немыслимой энергии понеслась вверх по тоннелю, сжигая

всех ползущих там Чужих. Когда волна плазмы докатилась до альфа-Чужого, он не успел издать ни звука, прежде чем его разорвало на куски.

После того как первая ударная волна от взрыва прокатилась по ним, Шрам удвоил темп. Однако второй могучий прилив почти мгновенно сбил Хищника и женщину на землю. От удара Лекси вырвалась из хватки своего защитника. С трудом поднимаясь на ноги, она увидела, что Шрам стоит на одном колене, а из его плеча еще сильнее льется зеленая кровь. И тут третья ударная волна отправила их беспомощно катиться по льду.

От взрыва в подземной пещере миллионы тонн льда мгновенно трансформировались в пар, а тот в свою очередь, тоже стал плавить лед, обращая его в новые облака пара. Внезапно лед вокруг горловины шахты и соседняя с тоннелем столовая взлетели на воздух. Подобно карточному домику, повывавшее виды деревянное строение рассыпалось в щепки и рухнуло.

А потом твердь стала уходить вниз, пока ледяной грот и пирамида полностью уничтожились. В расширяющийся кратер попали другие строения китобойной стоянки, заброшенный базовый лагерь и мобильное буровое оборудование. Все это закувыркалось, уходя глубоко в недра земли.

Шрам снова схватил Лекси, силой поднимая ее на ноги, пока под ними ломался лед. Волоча ее за собой, Хищник упрямо бежал дальше, несмотря на тот очевидный факт, что

перегнать расширяющуюся волну разрушения никакой надежды уже не оставалось.

Лекси споткнулась, когда лед стал расходиться у нее под ногами. Падая в бездну, где рушащийся лед грозил навеки ее похоронить, она пронзительно взвизгнула, когда ее с такой силой дернули вверх, что чуть не вырвали руку из плеча. Прежде чем она успела что-то понять, Шрам, точно тряпичную куклу, перебросил ее на участок твердого льда. Лекси покувыркалась, а затем вяло зарылась в сугробе.

Когда лед уже начал исчезать у него под ногами, Хищник все-таки успел совершить отчаянный бросок на безопасное место.

ГЛАВА 30

Китобойная стоянка на острове Буве

Лекси попыталась открыть глаза, но ее ресницы оказались залеплены снегом. Ей пришлось несколько раз моргнуть, чтобы их прочистить.

Она лежала на спине, глядя в небо и на черный чугунный резервуар, все еще покачивающийся на шатких подпорках у самого края утеса, несмотря на чудовищные разрушения, затронувшие всю округу.

Испустив стон, Лекси вдруг почувствовала, как что-то колет ей спину. Копье, сработанное Шрамом из хвоста Чужого, и щит, изготовленный из его черепа, по-прежнему были пристегнуты там. Лекси села и огляделась. Они со Шрамом лежали на самом краю гигантской воронки, куда почти целиком ушла китобойная стоянка. На своих местах остались только пристани да массивный котел для вытапливания китового жира над замерзшей бухтой. По периметру воронки угрожающе кренилось несколько крошечных хижин, вот-вот готовых рухнуть.

Лекси встала на ноги и уставилась на разрушения. Сквозь клубящийся туман сложно было оценить всю степень ущер-

ба. Но сама воронка была так огромна, что дальнего ее края молодая женщина не видела.

Глубоко внизу, у самой середины огромной ямы, Лекси сумела различить несколько бревен от старых зданий и перевернутую буровую машину новейшего производства – почти все, что осталось от китобойной стоянки и базового лагеря экспедиции Вейланда. В дюжине шагов от Лекси, пусть и отчаянно клонясь набок, по-прежнему стояла покрытая снегом хижина. А в замерзшем окне этой хижины все еще испускала теплое желтое свечение масляная лампада, несомненно, оставленная там одним из погибших участников экспедиции.

С долгим щебетанием, доносящимся из глубин его горла, Шрам поднялся, стряхнул с себя снег и встал рядом с Лекси. Улыбнувшись ему, Лекси расслышала глухой хлопок. А затем что-то зашипело в снегу у ее ботинка. Опустив взгляд, она увидела здоровенный кровавый кусок мяса Чужого. Затем Лекси узнала характерные шрамы от сети на шкуре и испытала неподдельное облегчение.

Еще немало кусков мяса приземлилось вокруг них на снег. По-прежнему несколько ошалелая, Лекси наблюдала за тем, как Шрам своей бесформенной рукой роется в снегу и достает оттуда какой-то предмет.

Когда Шрам открыл кулак, Лекси узнала мрачную находку – оторванный при взрыве палец Чужого. Разбитый сустав этого пальца все еще сочился кислотной кровью. Хищник

подержал кровавую гадость прямо перед носом у Лекси, и в ее глазах вскоре промелькнула шокирующая догадка.

Сам палец вызывал у нее острое отвращение, а то, как Шрам хотел его применить, откровенно ее страшило. И все же Лекси решила удостоиться этой чести. Она ее заслужила, да и, в конце концов, эта последняя боль должна была стать сущим пустяком по сравнению со всем тем, что она уже испытала.

Когда едкий химикат коснулся ее плоти, Лекси вздрогнула, но не издала ни звука. Боль казалась нескончаемой, пока Хищник аккуратно выводил у нее на лбу четкий узор молнии.

На какое-то время женщина и гуманоид оказались лицом друг к другу на безграничном полярном просторе, объединенные ритуалом, который уже был древним в те времена, когда человечество все еще жило в пещерах и с деревянными копьями и каменными топорами охотилось на мохнатых мамонтов.

Однако этот торжественный момент оказался прерван прогремевшим сбоку от них взрывом. Повернувшись, Шрам и Лекси увидели, как из воронки в окружении целой тучи снега и льда вырывается Матка Чужих.

Рыча, Шрам оттолкнул Лекси в сторону и швырнул остатки своих метательных дисков в пускающую слюни Матку. Крутящиеся лезвия врезались ей в горло, перебивая сухожилия и прорубая зияющую рану. Кислотная кровь захлюпа-

ла и захрустела на морозном ветру. Капли ее падали вниз, оставляя на снегу безобразные отметины.

Один диск так и остался в теле Матки. Другой пролетел сквозь ее черную шкуру и, описав в воздухе широкую дугу, бумерангом вернулся к Шраму. Но как только Хищник потянулся его схватить, Матка Чужих резко хлестнула хвостом и отшвырнула его к стене крошечной хижины. Хлипкие бревна сломались, хижина рухнула, и в тело Хищника вонзились острые щепки. Откуда-то из вороха деревянных обломков внезапно извергся огонь и дым от разбитой лампы. Через считанные секунды все пылало.

Хищник вырвался из горящих руин и с трудом встал на ноги. Самка тем временем к нему приближалась. Прежде чем Шрам успел убраться с дороги, она снова сбила Хищника на землю и нависла над ним. Подняв когтистые лапы, она явно собралась порвать его на куски.

Но прежде чем Матка Чужих смогла нанести смертельный удар, Лекси запрыгнула ей на спину и испустила воинственный крик. Держа в руке щит, Лекси занесла грубое копьё над головой твари и погрузила его наконечник в рану, сделанную метательным диском Шрама. Удар был нанесен со всей силой, на какую Лекси только смогла сподобиться, и та удивленно взвыла. Шипя и колотя хвостом, она по-прежнему выпускала мучительный вой, пока запрокидывала увенчанную гребнем голову и пыталась скинуть со своей спины женщину.

Лекси удвоила усилия, как можно глубже проталкивая копьё под блестящую черную шкуру. Кислотная кровь забила огромным фонтаном, без ущерба для Лекси стекая со щита.

Затем Матка выпрямилась в полный рост, поднимая вместе с собой и Лекси. Однако женщина по-прежнему наотрез отказывалась отпустить копьё. Вместо этого она еще глубже погружала его в рану. Наконец самка бешено замотала головой из стороны в сторону и все-таки сумела сбросить отважную наездницу.

Рухнув на землю, Лекси выронила щит. А потом покати-лась прочь от Матки, которая редела и топала массивными ногами, кроша лед и пытаясь раздавить женщину. Наконец Лекси сумела вскочить на ноги и бросилась бежать. Рискнув оглянуться через плечо, она испытала немалое удовлетворение, когда увидела, что ее копьё по-прежнему погружено в горло Матки.

Сияясь извлечь копьё, она приковыляла к горящим руинам хижины и нырнула в самую середину пожара. Лекси взмолилась, чтобы проклятый монстр сгорел. И почти тут же Матка восстала из огня, точно феникс, собираясь в новую атаку.

Однако Лекси к тому моменту уже исчезла.

Кладбище китовых костей

Лекси страшно не хотелось бросать беспомощного Шрама

на снегу, но, не разделавшись с Маткой, она ничем не могла помочь упавшему Хищнику. А потому, когда Матка появилась из огня, Лекси побежала в противоположном направлении – к замерзшей береговой линии.

Забравшись на глыбу льда, Лекси оглядела широкую панораму выбеленных китовых костей. Кости сплошь замусоривали окутанный холодным туманом берег. Во весь дух несясь к китовому кладбищу, Лекси хотела найти там убежище, какое-то место, где она сможет прятаться, пока не разработает новый план атаки.

Но время уже вышло. Пока она ковыляла по китовому кладбищу, позади нее в тумане замаячила черная голова Матки.

Едва-едва избегнув когтистых лап, Лекси нырнула в почти неповрежденный скелет кита. Кости поднимались из льда, образуя превосходную защитную клетку. Челюсти Матки клацнули, когда она попыталась схватить женщину, но острые осколки китовой кости пронзили ей шкуру. От боли и досады Матка испустила громкое шипение.

Пробежав под костями, Лекси обогнула кладбище и понеслась туда, откуда пришла – к пристани и единственному убежищу, какое она там могла найти. Вскарabкавшись на край утеса, Лекси нырнула под шаткие подставки массивного чугунного сепаратора в тот самый момент, когда Матка уже потянулась ее схватить.

– Черт! – воскликнула Лекси, откатываясь прочь.

Матка просунула голову меж деревянных подставок котла. Лекси тут же ощутила на себе ее жаркое дыхание. Оно пахло кровью. Тогда Лекси схватила кусок льда и швырнула его прямо в разинутую пасть твари. Затем, чудом избегая обезглавливания, она пригнулась, и колючая цепь Матки со свистом погладила ее по волосам.

– Давай еще разок! – вызывающе крикнула Лекси, ускользая под тяжелый котел.

Широко разведя руки с болтающимися на них цепями по сторонам, Матка разочарованно взревела. А Лекси упала на землю, проползла по снегу и прижалась плечом к шаткой опоре. Собрав все оставшиеся силы, она упорно ее толкала. Тоненькая струйка крови побежала из ожога в форме молнии у нее на лбу. Лекси вкусила этой крови и толкнула еще сильнее.

Матка зашипела, как гремучая змея, и широко разинула зубастую пасть. Затем Лекси услышала треск дерева и почувствовала, что подпорка ломается. Чугунный котел упал со своего пьедестала и проскользил несколько метров по ледяному склону. Однако вместо того чтобы рухнуть на голову Матке, он остался на месте, удерживаемый единственной крепкой деревянной подставкой, глубоко погруженной в лед.

Распластавшись на снегу, Лекси запаниковала. Матка опять наступала, но Лекси теперь лишилась оружия, идей и удачи.

Когда скрежещущие челюсти Матки уже готовы были со-

мкнуться на горле молодой женщины, в морозном воздухе разнесся жуткий рев.

Шрам!

Пока он несся вперед, Лекси успела заметить, что Хищник истекает кровью из доброй дюжины ран. Тем не менее, он держал в руке ее грубое копьё и был готов к бою. Наконец, он бесстрашно прыгнул и приземлился на широкую спину Матки Чужих. А потом мощным толчком до отказа всадил копьё в ее горло.

Она заревела от ярости, и Хищник соскочил со спины. Крутанувшись, в воздухе, Шрам приземлился на снег рядом с Лекси и быстро принял боевую стойку.

Пока страдающая от невыносимой боли Матка, когтистыми лапами хваталась за последнюю подпорку. Лекси попыталась поднять одну из болтающихся на ее теле цепей и привязать ее к опоре котла. Но проклятая штуковина оказалась слишком тяжелой, и Лекси, до предела измотанная, не сумела ее поднять. Роняя цепь, женщина упала на колени.

В этот самый момент рядом с ней оказался Шрам. Он мгновенно понял замысел Лекси и взялся поднимать цепь, оборачивая ее вокруг подпорки. Лекси встала ему помочь, и несколько триумфальных мгновений они бок о бок трудились ради общей победы.

А затем Шрам внезапно оцепенел, когда остроконечный хвост Матки Чужих пробил дыру в его груди. Хищник взмахнул руками и взлетел над землей, корчась на конце

бритвенно-острого хвоста.

Резким взмахом этого смертоносного, хотя и покалеченного придатка Матка швырнула Шрама на землю и нависла над ним, готовая нанести последний удар.

Но Лекси оказалась быстрее.

Она встала и бросилась вперед, всем телом врезаясь в опору. От удара зубы ее закрипели, а ребра заныли, зато Лекси услышала долгожданный треск, пока последняя подпорка освобождалась ото льда. Массивный чугунный резервуар тут же проскользнул дальше по склону, свалился с края утеса и закувыркался к замерзшей бухте далеко внизу.

Длинная цепь резко натянулась и дернула Матку в тот самый момент, когда она уже наносила решающий удар. Барахтаясь в снегу, она беспомощно дрыгала когтистыми конечностями, пока ее тянуло к затянутой льдом бухте.

Наконец котел в последний раз перекувырнулся и ударился о толстый паковый лед. Под его тяжестью лед треснул – однако не проломился. Ревущую Матку подволокло к самому краю утеса, но там она и остановилась – прямо перед Лекси.

Молодая женщина в отчаянии наблюдала за тем, как паутина трещин распространяется по льду от резервуара, но он по-прежнему не тонул.

А потом Матка с трудом сумела подняться, и Лекси поняла, что теперь ей конец.

Внезапно снизу донесся оглушительный треск, и замерзшее полотно с мучительным стоном прогнулось под трехтон-

ным котлом. Последовал всплеск, он проскользнул в полынью и ушел под лед.

Цепь снова до отказа натянулась, и воющую Матку потащило к расширяющемуся пролому. Стрекоча и пуская слюну, тварь цеплялась когтями за лед, но тщетно. Пока она билась конечностями и испускала протестующий вой, горячая кровь хлестала из раны в горле. Наконец черную тварь затянуло в бухту, где ее поглотили холодные океанские глубины. Тяжелый резервуар теперь служил ей якорем.

Как только Матка Чужих утонула, Лекси встала и поспешила к Шраму.

Рыдая, она упала на колени в окровавленном снегу и стала баюкать голову умирающего Хищника у себя на руках. Тело воина было совсем искалечено, и он, похоже, смирился со своей участью.

Пока Лекси его обнимала, Шрам протянул истерзанную руку к ее лицу и кончиком пальца нежно провел по узору молнии у нее на лбу. Используя искаженную версию голоса Лекси, Хищник произнес:

– Враг моего врага...

– ...мой друг, – закончила Лекси.

А потом Шрам содрогнулся и испустил дух. В тот самый момент, когда Лекси прижала его мертвую голову к своей груди, вдруг задул странный ветер. Что-то очень крупное проходило у них над головами. Мерцая, звездолет Хищников появился в поле зрения. Корпус его окутывали электри-

ческие разряды. Негромко гудя, космический корабль завис над Лекси и мертвым воином.

Когда тень звездолета упала на нее, Лекси подняла голову. В нескольких метрах от женщины, на ледяном уступе, возвышающемся над полем боя, внезапно возникла целая дюжина Хищников. Их многочисленные тени колыхались вокруг нее. Затем затрещали электрические разряды, и перед ней появились Хищники.

Вскоре все воины сомкнули ряды и окружили Лекси.

Низко склоняя головы, они отдали дань уважения безжизненному Хищнику, затем подняли труп и понесли его к длинному трапу, который неслышно выполз из брюха звездолета.

Лекси зашарила у себя на поясе в поисках оружия, но тщетно – ее дубинка потерялась в бою. Тогда она застыла в стойке из боевых искусств, сжимая кулаки и готовясь раздавать удары. При необходимости Лекси собиралась принять бой. Довольно долго тянулось напряженное ожидание.

А затем к ней подступил высокий Хищник с длинными дредами, облаченный в богатые, усеянные самоцветами доспехи. Существо долго изучало женщину сквозь ничего не выражающие глазные щели. Наконец Хищник поднял руку и провел по шраму у Лекси на лбу, после чего указал на такой же символ, выгравированный на его маске.

Лекси перевела взгляд на остальных. Все воины носили ту же самую характерную отметину.

Старейшина Хищников кивнул, а затем презентовал Лекси свое тяжелое копьё. Когда женщина сжала в руках наградное оружие, инопланетные охотники уважительно склонили головы.

Наконец старейшина повернулся спиной к женщине и внезапно исчез. Лекси следила за его удаляющимися следами, пока Хищник вместе с остальными своими сородичами направлялся по снегу к космическому кораблю.

Трап неслышно втянулся обратно, и главные двигатели звездолета взревели. Огни святого Эльма заплясали по его металлической поверхности, и корабль внезапно пропал из виду, хотя Лекси по-прежнему слышала его рев и ощущала у себя в груди вибрацию моторов. Взметнув целое облако снега и обломков льда, звездолет окончательно исчез.

Залитая кровью людей, Чужих и Хищников, сплошь изукрашенная синяками, Лекси смотрела вслед кораблю. В свою очередь отдавая дань уважения, она коснулась племенного шрама, что отныне украшал ее лоб. Наконец женщина отложила в сторону копьё и сунула руку в карман.

Долго-долго Лекси разглядывала ржавую крышку от пепси-колы, прежде принадлежавшую Себастьяну. Затем она снова обратила глаза к небу, туда, где разрыв в облаках обнажал роскошную полную луну, низко висящую над Антарктикой. Наблюдая за тем, как по широкой лунной поверхности проходят легкие облака, Лекси припомнила слова Себастьяна и с толикой горечи и благоговения произнесла:

– Луна Охотника.

ЭПИЛОГ

Звездолет Хищников, дальний космос

Сородичи положили его на почетное место – к подножию статуи свирепого бога-громовержца. Лицевую пластину сняли, и теперь шрам у него на лбу темным пятном выступал на фоне бледной плоти.

Похоронная церемония закончилась, и другие члены клана гуськом прошли в отсек с индивидуальными криостатическими камерами, где им предстояло пребывать в спячке в течение долгого возвращения на родину.

Оставленный без присмотра в зале с тяжелым запахом ладана, труп Шрама содрогнулся.

Внезапно серая плоть под мертвым сердцем вспучилась, а кожа натянулась, как будто некое существо, замурованное внутри трупа, отчаянно старалось вырваться на свободу...